

An abstract painting with a complex, layered composition. It features a mix of cool and warm tones, including blues, greys, and earthy browns. The texture is highly visible, with numerous brushstrokes, some of which are dark and expressive, creating a sense of movement and depth. The overall effect is one of a rich, textured surface that changes as the viewer's perspective shifts.

ЕЛЕНА АСЕЕВА

СОКРОВИЩА
ВОСПОМИНАНИЙ

Caucasus Morpheus Project
2011

Посвящается моей семье, моей маме,
и моему учителю – Татьяне Ефимовне Шехтер.

У меня болели глаза.

Мне их хотелось подставить под дождь, чтобы он их наполнил слезами.

Мне хотелось из развалившегося здания собрать себя обратно.

По кирпичику. По слову.

И снова стать храмом.

Внутри меня все время писалась книга.

Просто шел текст. Я его не успевала записывать.

Часто мне это надоедало и я говорила себе: «Все, довольно шизофрении». И текст уходил. И потом я его долго выпрашивала, разговаривая с Иисусом Босха на моем мониторе. Их было двое: первый мозаичный лик из Айя Софии, я перед ним молилась, когда было некуда идти. Второй – вот этот портрет в терновом венце. Искусство для меня были они, а не современность.

Искусство другого человека.

Мне хотелось дойти до края. Вернее не так, мне хотелось, чтобы во мне ничего не осталось, только пустота. Это было не желание медитации, это было настоящее желание души стереть в себе все прошлое. Побрить голову, раздеться до голого тела и лежать на снегу на вершине горы глядя в небо.

«Почему ты не рисуешь?», - спрашивают меня. «Я не могу... Пока...».

Моя душа была не больна, но она была как свалка ненужного мусора. Я его действительно пыталась разложить по полочкам, потому что каждый мусор тащил за собой нити в настоящее, но чем больше я пыталась, тем отчаянней становилась истина, что расставление мусора порождает только новый мусор. Прошлое нужно было сжечь, оставив главное. Когда ты почти мертв, остается только главное. Мне нужно было его найти.

Я не боялась демонов, духов, так как знала, что суть их порождение человека, но боялась ходить в магазин. Не знаю почему. Я заставляла себя это делать и не знала почему. И тогда я просто поменяла магазины. Стало проще.

Я рисовала с того возраста, как начала думать. А думать я начала прежде того, как ходить. А потом влюбилась в 8 лет. Во сне. И любовь стала для меня теплым движением жизни. Это связало меня с людьми.

Рисовать. Любить. Это была суть, которая повергала меня в ужас. Я боялась рисовать. Почему? Боялась поражения? Работы? Чего? Я не могла понять. Я делала все возможное, чтобы не рисовать. И чтобы не любить. И я не знала, как поменять магазин в этом случае.

Мне нужно было дойти до конца себя и разобраться. Или сжечь, или поставить на полку.

Я помнила этот день всегда. И это был и мусор, и подарок одновременно. Я не могла это сжечь. Во мне не было боли, обиды или отчаяния.

Нет ничего интересней жизни. Верящим и умеющим читать знаки, она организует просмотр удивительного кинофильма.

2 мая разделило мою жизнь на «До» и «После». А в центре была воронка, длиною в 20 лет. «До» были музыка, запах, небо, море, пузырьки шампанского, весна, щекотное чувство в груди, а «После» – воронка. Пустыня, по которой я брела в попытках вернуться.

Брела. Бреду.

Я ходила с собакой по итальянскому городу, заглядывала во дворики. Мне мучительно хотелось иметь такой дом – с тенистым садом, где много-много заросших деревьев, крыльцом, где бы стоял стол, накрытый клеенкой и вазы с цветами, кухня с темно-деревянной мебелью. Мне не хотелось это ИМЕТЬ из желания собственности, но мне казалось, что такой дом дал бы мне что-то утерянное. В нем соединилась бы в одно моя тоска и мечты. Об окне в сад, о стеклянной крыше с листьями, о кухне, на которой я делала буклеты.

Кухни, кухни. И окна во что-то растительное.

Об окне дома, где я жила в Краснодаре. В нем шел дождь и снег. И хризантемы в маленьком дворике. Это придавало пространству душу, а месту – значение. А душа места мне всегда давала силы идти вперед.

Я тосковала по всем домам, которые мы арендовали, по дому, где я родилась, и по какому-то собирательному дому, которого у меня никогда не было и даже не было шансов его иметь. Потому что дом на земле - это вселенная, которая к тебе приходит и соединяет со всей планетой. А квартира – просто пространство, где нужно пробовать выживать.

У меня было так мало сил.

Я должна была снова рисовать смерть, и, чтобы прийти к этому, мне нужно было иметь чистую душу.

Я видела его за несколько дней до того, как уехать в Италию. Навсегда из моего города, который меня только мучил. Человек, которого я не видела 19 лет, вдруг проходит в пяти метрах от меня и оглядывается как бездомная собака, которая боится пинка. Он посмотрел сквозь меня не видя. Как будто зомби. Во мне ничто внутри не ответило. Он был призрак моей жизни. Тем, кто меня обижал, жизнь сама предъявляла счет.

Я родилась, я росла как растение или животное, я ненавидела детские сады и школу.

Куда я бегу. Почему все нужно сделать именно сегодня? Я не знала. Но мне нужно было закончить эту историю, которая не давала дышать.

Мы все должны стоять на земле твердо, ведь каждый живой человек это окончание пирамиды, которая пронизывает всю землю.

В двенадцать лет я прочитала «Мастера и Маргариту» и это связало меня с миром. Меня посвятили в любовь, в небо, в Бога. Мне вручили искусство. Я прочитала этот роман 9 раз. Я его читала до 16 лет. Я читала только его, не замечая остального. Он стал моей страной, моим временем. Я была готова взять любовь и служить ей. Я никогда не думала, что от нее отрекусь.

Он был для меня почти воплощением этого романа. Он дал мне меня, которой

не нужно было претворяться. Я была сама собою – тихой, застенчивой, красивой.

Мне не нужно было пытаться иметь больше грудь и меньше размер обуви. Я была, какой была. Он меня выбрал. И повел за собою. Он дал мне знание, что я могу быть любимой, ничего не предпринимая и не становясь кем-то еще. Ночь стала намного интереснее всего остального. Музыка, фильмы, какая-то густота и сладость.

А потом была ночь второго мая. И что-то такое произошло на следующий день. Что-то, что владеет мной и сегодня. Словно у меня забрали меня, сильное прямое существо, красивое и ищущее, а в обмен выдали куклу без внутренностей, без позвоночника, без души.

Я всю жизнь спрашиваю: «Почему?». Меня обвинила мама, меня обвинила я сама. Мне не в чем себя винить. Но после пришла какая-то странная слабость.

Я не знаю, что мне в этой точке, 2 мая 1992 года, изменить. Я не была виновата. Виноватые все наказаны. Я не должна была быть там.

Я пробовала убежать. Я не смогла убежать. Я любила этого человека.

2 мая 1992 года у меня забрали любовь и выдали в виде плюшевой куклы, к которой я больше не имела отношения.

Я послала к черту рисование. Я ничего не чувствовала. У меня появилась подруга, которая поднимала меня утром в университет. Я готова была бросить все в своей жизни. Моя будущее потеряло смысл. Я удивляюсь, как не спилась.

Я шла настойчиво и сосредоточенно к двум вещам своей жизни: призванию и любви. А 2 мая 1992 года споткнулась и упала. Я лежала на дне себя все эти 19 лет. Никто не смог вернуть мне любовь.

Любовь – это когда ты обнимаешь как котенка ремень в машине. Любовь – это когда внутри бурлят музыка, запах, слова и желание быть красивой. Любовь – это когда не можешь разделить.

У меня была белая кожа. Длинные волосы. Всегда улыбка. И какая-то внутренняя стойкость. Я была сильная, а внешне – слабая. А потом что-то сломалось, и тело, в попытке себя починить, стало искать силу в мире, а не найдя, вырастило ее изнутри. В нем, как в старом дереве, поселилась тоска, бесконечная память, бесконечная попытка найти что-то.

Я искала, искала, как пес вокруг своего хвоста.

Но я помнила ее, а она помнила меня, так как все времена одновременны.

И я говорю ей, из 2 мая 1993, 1994, 1995, из всех последующих лет, которые отмечали этот день: «Ты не виновата».

Ты не виновата, и не могло случиться иначе. Иначе бы ты не стала писать. Все было отрежиссировано до тебя. Иначе бы не уехала в Петербург. И там бы не встретила всех тех, кто помогали и вели.

Ты бы не стала копать. Сомневаться. Пытаться любить снова. Ты бы не знала, что такое изнанка. И не стала бы к себе возвращаться.

Искусство – это возвращение души. Оно должно иметь эту самую точку в беспредельности страдания, откуда надо вернуться.

Я вышла замуж только по знакам, потому что любовь для меня не имела смысла. Я вышла замуж, будучи птицей без крыльев. К этому времени их совсем не осталось и нужно было вырастить новые.

Я все время плакала. Я была другой. Я плакала несколько месяцев. Я ничего не хотела. Я каждый день хотела уйти, но уходить было некуда.

Я знала только мечты.

Мне нужны были силы вернуться в реальность и понять, что в ней любовь возможна также, как и на небесах.

Я просила прощения. А Бог смотрел сверху и ждал.

Сегодня день мертвых. Я помню вас. Сегодня я грунтую холсты.

Вы должны мне дать силу. Вы должны мне вернуть меня.

Мне все слишком тяжело дается.

Здравствуйте...

НЕБО

“Небо”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Это так просто и так много. Его населяют птицы и самолеты. Иногда мне казалось, что я мечтала стать стюардессой не потому, что мне нравилось менять страны и Duty Free, а потому, что это был бы мой билет в небо.

Непрекращающееся. Бесконечное. Живое.

Ты идешь и упругие облака вырастают из-под твоих шагов. Ты подпрыгиваешь и ныряешь в них. Тебе не нужно иметь крылья, ты плывешь в воздухе и счастлива этому умению. Можно ловить ветер, как соседние птицы, можно камнем устремиться вниз и взвиться перед самыми горами. Можно пролететь вместе с листопадом и стрижами, кувырнуться в листьях, перепрыгивать с крыши на крышу черепичного города.

- Ты знаешь меня?, - спрашивает девочка с огромными шоколадными глазами. Она сидит у окна и щуриться солнцу. – Все ушли, я одна дома. Зайдет солнце, и оживут тени.

- Ты боишься их?

- Их бояться все, кто еще помнит. Потом забывают и перестают бояться.

- Я посижу с тобой немного. Я знаю тебя. Посижу, пока не закончатся сумерки. После уже не так страшно.

Мы садимся, свешиваем ноги с подоконника.

Я - ветер, твое прошлое и будущее одновременно.

В страхе нет ничего плохого. Они ушли, чтобы дать тебе вырасти. Скоро в твою жизнь придет друг, кошка, и все страхи закончатся. Тебя будут передавать из рук в руки. Ты никогда не упадешь дальше своей границы. Ты будешь всю жизнь терять крылья и находить их. Ты никогда не найдешь покоя в любви, пока не поймешь ее бесконечность. Ты будешь плакать, но слез будет все меньше и меньше, и однажды они совсем закончатся. Ты будешь хотеть к людям, а рядом с ними – обратно. Ты так и не сможешь окончательно слиться со своим телом. Ты всю жизнь будешь пытаться вырасти.

Однажды впусив снег в сердце, ты никогда уже не сможешь окончательно отвоевать его у пустоты.

Твой лучший учитель – утреннее небо.

Я тебе его дарю, чтобы ты помнила, что никакая ночь не длится вечность.

“Мама”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Это то, что мне никогда не постичь, пока в мире существует прошлое и будущее. Это воспоминание, которое пришло до меня. Это все птицы, большие и маленькие, молчаливые и поющие. Листья под ногами, музыка из магнитофона, фотографии с белыми краями и какая-то яркая вселенная через сотни лет.

Когда мне разрешили родиться, я долго выбирала себе маму. Мне хотелось, чтобы это была не совсем женщина, но обязательно красивая, не совсем взрослая, но и не слишком маленькая, у нее должны были быть короткие мысли, потому что мои были слишком длинными. Она должна была быть смелой, потому что я всегда боялась. Она должна была всегда улыбаться, даже когда больно, потому что мне всегда было больно. Она должна была быть прямой, потому что я всегда была сутулой.

Когда у нее заканчивалось время, я ей отдавала свое. Когда мне хотелось уйти, она заперла окна и открывала двери. Когда мне было страшно, она смеялась, хотя ей было еще страшнее.

Пшенная каша на печке и зима.
Мама хотела, чтобы я рисовала.
Мама поймала мне кошку.
Мама приехала в Краснодар и я жила с ней в гостинице, мы ели болгарский перец и она меня впервые разглядела.
Мама привезла яблоки, они лежали всю зиму на полу в питерской коммуналке.
Я послала ей стихи и она плакала.
Я послала ей рисунок и у нее прошел паралич.
Книги песка. Мои выставки.
Я рисовала ангелов и показывала другу, он их ждал.
Кофе. Кафе. Никогда – рестораны.
Море. Сауна с травяным чаем.
Весенний ветер.
Высокие деревья. Лес.
Смотреть на морской туман в апреле.
Бог мне подарил собаку.
На эту жизнь так мало нужно.

Однажды мне объявили, что подобрали мне маму.

Я была так счастлива.

Я ждала так долго, что почти стала камнем. Я молчала так давно, что крик уже не был слышен.

Я родилась и сказала: «Здравствуй, мама. Я так скучала по тебе».

И она услышала.

Только никому не призналась.

“Море”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Это то, что останется после меня. Самое главное. Самое простое.

Уйдет все – кто проходил мимо, кто остался, первое прикосновение, первая тоска, непонимание одиночества и осознание собственной красоты. Уйдут горы из окна, выпавший снег утром, животные, которые меня любили и мужчины, которые, мне бы хотелось думать, любили меня тоже. Останется только бесконечная гладь, шепчущая Луне мягкую песню где-то посередине океана.

Готовность к смерти делает человека сильным?

Я всегда знала, что море - одно. Все различное – травы и деревья, глаза и голоса. Но море едино со всей соленой водой, оно неразрывно, оно идеал мира и человека.

Мне все время казалось, что я - это не я.

Что я забыла себя.

В каком-то городе, парке или кафе.

Нельзя любить отдельное, жизнь противоположна делению и времени. По мере того, как человек становился собой, надевая признаки уникальности, его любовь тоже приобретала концентрированный характер. Ее одели в узкие формы реальности с руками, ногами и головой посередине, на нее водрузили нимб, придумали песни и каноны. Ребенок, животное, утро, даже сны – они вас любят беспредельно.

Предел приходит с пониманием себя. С пониманием себя кончается море.

Я всегда жила у моря. Говорила с ним. Мне нужно было знать, что оно в пределах достижимости. Чем старше становилась, тем меньше была зависимость от воды. Равнодушие приходило ко всему одновременно.

Мир принес ветер, срывающий черепицу с крыши.

Самое красивое море бухты Золотой Рог. Оно такое живое. Или просто я

там была счастливее всего. Море это жизнь и высшая свобода. Нет ничего теплее и темнее и огромнее. Это воды материи. Это высочайшая тайна Бога, недоступная тебе, так как ты от нее отказалась.

Я ждала его каждый день. Мне хотелось сделать прическу и набрызгать ее лаком с блестками, накрасить губы красной помадой Indra, надеть ботинки на маленьком каблучке, короткую юбку, расклешенное пальто, пойти в бар и выпить кофе, оставив на чашке следы.

Бессмертие?

Из меня мир вылепил монстра, которому я давала имена. И последнее было «Елена Евгеньевна». Я уже отреклась от той, но никак не могла вернуть свою душу и тело. Не имея их, я не могла понять любви.

Как только я отворачивалась от своего тихого и грустного, вслепую, по снегу, следования в бездну, открывала глаза и устремлялась прочь, мир взрывался радостью и давал грозди подарков, чтобы я выработала рефлекс – правильное ЭТО. Сегодня, здесь, сейчас любить себя, другого и через это – весь мир.

Принять обратно море. Мне так тяжело сражаться...

Море, прими меня обратно.

“Ветер”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Смотрела кусочки песен. И фильмов. Некоторые стали частью моей жизни. Мне казалось, я все время вспоминаю будущее. Вспоминаю то, чего еще не существует.

Я почти подходила и меня отбрасывало.

Он прилетал запахом мимозы и моря, снами и облегчением, а потом я снова срывалась. Есть только то, что вы создаете.

Было бы смешно делать вид, что я ничего не понимаю. От внезапно появляющейся воды у порога и непонятно как загорающегося ночью света до приступов холода. Меня трясло так сильно, что я не могла согреться даже лежа на грелке. Иммуниетет – средство самосохранения тела. Иногда тело само себя отключает. Тело повинуетсЯ духу, который не повинуетсЯ нам. Мы можем только просить о соединении. Утро приносило тепло, а последнее солнце превращало во что-то, от чего я не могла окончательно избавиться. Я просила, просила, просила.

Я знала и он знал. Музыка воздуха. Это когда не хочется сбежать, даже когда бежать некуда.

Я устала.

Однажды проснусь красивой. Прямосмотрящей, тихой, с молчаливыми и теплыми глазами, легкими руками и волосами. У меня будет облегающая одежда и непослушное сердце. Меня здесь уже почти не было. Мне надоело пытаться, скрестись, заставлять себя ходить, хотеть, говорить. И только что-то совсем маленькое, я не могла понять что оно, какая-то святящаяся крупинка вселенной, не давало смириться с тяжестью другого мира.

Я бы скучала по дельфинам, растениям и животным.

Почему ветер. Почему ветер. Предел заканчивается там, где начинается Свет.

Это моя первая и последняя любовь. Это движущийся шарами предрассветный туман, перекатывающиеся по лесу ангелы, маленькие ежики, несущие яблоки,

говорящие деревья.

Перекатывающиеся по лесу ангелы, маленькие ежики, несущие яблоки, говорящие деревья. Это знать, что он с тобой разговаривает и приносит мысли. Невесомость, летящий снег, Тарковский, Рильке, Мэри Поппинс, Брэйгель.

Однажды он меня подхватит вместе со стрижами, и я, наконец, увижу мир таким, каким помню всю жизнь – на ладони.

Я никому ничего не должна. Мне некого и не о чем просить.

Мне больше ничего не нужно. В этом мире нет такого предмета, которого бы мне не хватало. Я могу делать что-то, а могу весь день тарачиться на голубые горы или кормить голубей.

Это так сложно принять в себя.

Я свободна.

После меня останется только любовь.

"Запах", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Я догоняла чувство.

Я не могла понять, что оно.

Мне его не хватало.

Мне его не хватало как жизни.

Это была серебряная змейка, ускользающая в прошлое. В этом состоянии, которое показывало мне язык и убегало, было все: смех весенних букетов, робость травы покрытой изморозью, шум горящего газа на кухне, сладость ожидания, соленое тепло маленьких цыплят, вельвет сумерек и вечерней улицы маленького города, струящийся аромат турецкого кофе. И еще много-много разных звуков: воркование голубей на крыше, мерцание воды льющейся из-под уличного крана, радио, поющее: «Московское время шесть часов ровно», скрип деревянного пола. Молодая мама с глазами, в каждом из которых шоколадный батончик: мы с ней делаем меренги, у нас растут на кухне цикламены, я кормлю котят и крысят, холод еще не отделил меня от жизни и не превратил в одиноко шатающуюся субмарину.

Высшее проявление любви? Счастья?

Последняя мечта была уехать в маленький захолустный городишко, снять дом за несколько долларов, носить воду, топить печку, жить с собакой, парой куриц, кошкой и рисовать. Чтобы был снег, весна, осень, лес, рассвет, рождество, олады. Работать библиотекарем или учителем рисования. Но Бог посмеялся надо мной и погладил по голове.

Мое любимое время – утро. Я нанизывала на веревку атрибуты реальности.

Запах крови. Запах кого-то идущего к тебе, который ты улавливаешь по своему изменившемуся запаху.

Мир должен сложиться в калейдоскоп.

Правильное узнаешь по теплу.

Ответ приходит раньше вопроса.

У японских детей есть запах счастья. Их к нему приучают с детства, чтобы потом, в зрелости, они могли при помощи этого запаха вывести себя из ступора.

Руки мне дарят маленький флакончик с золотой крышечкой. Я не помню руки, но я помню флакончик. С арабской надписью.

Масло ночной розы было для меня всеми городами южнее меня самой. Кофейными зернами, лавками специй, маленькими балкончиками, повозками по каменным узким улочкам и девушками, внимательно подводящими глаза перед зеркалом. В этих глазах тонут корабли и проносятся косяки переливающихся рыбок. В этих глазах вся грусть одинокого неба и недостижимых звезд. В них запах жасмина плывущий над городом: выходишь в ночь и тебя подхватывает волна безумия.

Фиолетово-бордовый аромат белого цветка, открывающегося сумерками, теплого ветра, бархатного как пустыня, бедер, светящихся при свете луны, Гарсия Лорки.

Танцевать. Мечтать. Море.

Я знала, что он вернется.

"Весна", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Однажды в моей жизни была зима, а потом она резко кончилась и обрушилась дождем и ярким-ярким светом.

Однажды в моей жизни были подруги – мы гадали на тенях под Рождество, мечтали о принцах, танцевали, когда никого не было дома, а пластмассовые цветы в вазе смешно подпрыгивали под музыку, разбавляли медицинским спиртом ликеры и соревновались в длине ног.

Я бы и сейчас не сказала точно, что случилось 2 марта, миллион лет назад, - заснула я или проснулась, вступила в реальность или в сон?

Проснуться в сон.

Почему море...

Руки. Банальные комплименты. Впервые другие руки. Взгляд. Бар, куда мы ходили: кафемороженое. Мама сшила мне два наряда на семнадцатилетние. Шерстяное бордовое платье, расклешенное к низу, с множеством круглых пуговиц по спине и черный костюм: юбка в складочку и пиджак с глубоким вырезом. Мне сделали стрижку «как у Лолиты» - каре, а сзади длинные волосы. Я никогда не была красивее. Я помню себя в зеркале.

Руки. Мой номер телефона. Слова. Ко мне впервые пришло ожидание. Шампанское, нарезанные апельсины на тарелке, турецкие шоколадки. Каблучки стучат по мраморному полу. Лестницы. Полумрак деревянно-панельных баров, в которых обязательно поставят Луи Амстронга.

«Какая у тебя красивая девушка».

Мне никто не нравился больше.

Я никогда не пыталась объяснить поступки людей. Те люди, той весны. Я с ними не встречаюсь, лишь издали наблюдаю осанку алкоголика или слышу странные истории. Я спрашиваю себя и Бога: почему мне, еще не проклянувшемуся подростку, мечтавшему стать художником, обрушили на плечи все это: весну, ветер, запах, море, хриплый голос, песни начинающего Киркорова,

ночную птицу под окном «Квик, квик». У меня были родители – и их не стало. Как не стало города, моря, мечты, женщины. Он поставил меня посреди пустыни, семнадцатилетнего недочеловека, где не было никого: только память, споткнувшееся на полпути чувство и новые подружки, приехавшие из станицы Ставропольская покорять краевой центр.

Я придумала себе другое место и имя, поведение, которое ненавидела. Я погрузилась в больной сон, где каждый день пил жизнь, и в этом сне я отреклась от всего, что делало мне противно: мужчин, рисования, себя.

Однажды, на свадьбе, я встретила девочку из северного города, которая была его текущим увлечением. Она вернула мне боль. Девочка была утраченной мною. За доли секунды я осознала, что должна уехать в этот город.

Я жила вместе с волнами, прибывавшими меня то к самым потерянными, то к тем, о ком я раньше не могла и мечтать. Я все время пыталась обмануть себя, выпрыгнув из тела и течения, которые разочаровывали, но не могла, не лишив себя жизни. Надо мной смеялись, выбрасывали, но мне не было больно. Просто было страшно умирать.

Помогали стихи и случайные прохожие. Я научилась разговаривать с собой и бумагой. У меня появился друг, за которого я по неопытности вышла замуж, и подруга, за которую я бы вышла замуж, если бы она была мужчиной. Я научилась любить разные города, улицы, совпадения и пустые пространства. Я выработала в себе смелость заходить в кафе и читать в них книжки. Я влюблялась только в недостижимое, так как оно не могло причинить вреда.

Мир перестал быть параллельным, но он больше не был мною.

Святые пишут, что мы поймем суть событий после смерти. Мне же хотелось понять эту суть, где все взаимосвязано и перетекает из одного в другое, до нее.

Я видела себя ту, в мамином нижнем белье и пальто, в ее клипсах и духах, крутящуюся как модель в программе. И я спрашивала разработчиков программы – почему? Почему эта недоделанная конструкция, неуверенная в себе, не понимавшая ни себя, ни реальности вокруг, почему она была

выброшена в мир ТАК. Почему вместо любви пришло насилие, вместо принца и свиты - группа спортсменов, промышлявших рэкетом. Равнодушие – это противоядие. Есть ли противоядие от равнодушия?

2 марта принесло ветер, весну, цветущую мимозу и утреннее солнце. Тот самый ветер и то самое солнце.

Я простила всех – от инициаторов игры до ее героев. Себя, родителей, бабушек и пра-прабабушек. Меня слишком быстро выкинули в одиночество, но я научилась перерабатывать его. Мне дали любовь так рано, что она сбила с ног и активизировала аварийную систему отключения чувств.

Она лишила тела и души, и девятнадцать лет я пытаюсь в них вернуться.

Я простила всех и отпустила в их собственную жизнь. Я им говорю: «Спасибо».

Все существует только сегодня. Но может ли быть иначе?

Каждый день я должна знать, что сделала максимум возможного из предоставленных мне ингредиентов.

Понять источник творения?

Однажды в моей жизни была зима, а потом она резко кончилась и обрушилась дождем и ярким-ярким светом.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Память", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

На небе включили солнце. Я научу тебя отмечать солнце: во-первых, варишь кофе. Во-вторых, поднимаешься на крышу и всматриваешься в облака. Они обязательно скажут что-то. В-третьих, говоришь протяжное: «Здрасссье». Воробьи, голуби, пчелы, цветущий розмарин и одетые в дождевой полумрак горы. Здрассьте небо, здрастье голоса, здрастье новый день.

Спасибо.

... Я помню комнату с тенями на стенах, старой мебелью и окном в сад, которых никогда не было в моей жизни. Фортепиано, цветущие деревья, библиотеку. Это странное воспоминание, печальное и воздушное.

... Я помню ее. Массу чего-то страшного и родного. Неразделимого с запущенным домом и двором. Нашу любовь. Старческую и детскую. Последнюю и первую.

...Я помню сигналы радио утром. «Говорит Москва». Советское радио спало по ночам и просыпалось в шесть.

...Я помню крышу сарая, на которой сидела все время. Я помню моих кур. Я помню мою хризантему. Я помню кран с водой, который иногда замерзал и мы его оттаивали кипятком. Канавы. Оранжевые лилии. Жасмин. Бульденеж. Смородину. Туи. Орехи. Инжир. Калину. Сливу. Яблоню. Я помню побеленную известкой стенку с тряпичным ковром, в который я засыпала. Качели под завитой виноградом беседкой. Мусор, который мы сжигали на костре. Железную кровать. Рыжий деревянный покрашенный пол. Окно с видом на горы, где светилась телебашня. Снег за окном.

Я помню. Я рядом. Просто еще в другом мире. Мне здесь так часто пусто и холодно. Мне так мешают время, одежда и обязательства. Пол, еда, необходимость разговаривать. Я заставляю себя любить этот мир.

Я не знала, как смогу жить без нее, но смогла.

Я до сих пор справляюсь с этой жизнью.

Где и когда начинаются наши мысли?

Я устала тянуть за собой тонны памяти, она мешала мне дышать, думать, жить настоящим. Каждое мановение времени или желтый след на песке погружали меня в пучину какого-то прошлого, которое волочилось и не давало ни нырнуть в него, ни оттолкнуть. Все было переплетено: рассветы, искры на волнах, музыка, руки.

Я помнила больше, чем может вместить одна человеческая душа.

Я шла в будущее вслепую.

Я отыскивала в своем сердце настоящее.

Я боялась, что мне остается слишком мало времени.

...Мужчина курит сигару на парاپете. Солнце и все вышли на песок. На маленькой машинке подъезжает женщина, включает арабскую музыку, открывает дверцы и тоже вглядывается в горизонт. Запах сигары стелется по пляжу. Он перемешивается с восточной мелодией, их глаза встречаются, они взлетают, а мы уезжаем в маленькое кафе у Франка. На миниатюрных столиках скатерти, можно задрать ноги на цветочную изгородь и греться. Можно не спешить. Наконец, можно не спешить...

Мне все время чего-то не хватало. Как будто отсутствующая половина ныла и не могла найти себе пристанище. Я вставала рано утром, писала планы на жизнь. Я убежала ото всех, от своего города, от прошлых жизней, ни в одной из которых я не была счастлива. Я убежала, остановилась, как птица, на крыше и искала попутный ветер. Он звучал как Шопен. В нем было много-много лиц, листьев, фотографий и старых писем.

Мы все рождены зимою.

Кто кормит птиц, кормит ангелов. Небо так близко, что мне страшно. У меня умирают цветы. Дышать становится все сложнее и сложнее. Лед подходит и стоит за моей спиной. Лед забирает мою жизнь. Высасывает. Приносит

страх. Они забирают мое тепло. Кожу. Меня саму. Они делают меня трупом и надевают мне в обмен маску без внутренностей. Иногда им кажется, что они уже победили. Но я их останавливаю и говорю: "Я прощаю".

Я прощаю. Я люблю. Мне некуда идти.

Надо мною только небо.

Мы не знаем, как наши мысли меняют реальность. И что первично – реальность или мысли. Я чувствую, как одна-единственная нейтрализующая мысль останавливает и разворачивает вспять каток совпадений, который уже подошел близко, чтобы начать тебя перерабатывать в пустоту.

Ты говоришь ее, потом ты падаешь, у тебя горит все тело, ты проваливаешься в сон, ведь именно в это время прилетели птицы и сели вокруг: на тумбочках, на светильнике, на балконе. Они помогают ангелам штопать тебя, заживлять. А потом опускается белый голубь. Ты, чья пустота, как воронка, губит все живое, способна этот поток остановить.

Словом.

Они садятся, убаюкивают. Их глаза мудрые, человеческие.

Он смотрит на тебя через все их глаза. Он отвечает на все твои вопросы. Он не отходит, пока ты не отходишь сама.

Я в своей жизни никогда не выбирала обстоятельства, это они выбирали меня.

Любовь нельзя ни найти, ни взять, ни вырастить, ни раскопать, ни развить. Она приходит, как ветер и уходит как ветер. Ты над ней не имеешь власти. Власть ты имеешь только над возможностью изменить себя. Продукты своего производства. Свои мысли. Даже не другого человека.

Любовь это дар, который ты должен научиться отдавать.

Когда спотыкаешься о самые простые истины, мир переворачивается. А ты становишься немного сумасшедшей.

Я никому ничего не должна.

Солнце перемигивается с дождем. С каждым лучами мир заливается

щебетанием и у-у-уканием, а полумрак приносит тишину. Капли стучат по стеклу и стекают, оставляя, как улитки, следы своего движения. Этот март еще не знает, каким ему нравится быть больше: мокрым или сухим. На балконе голубка снесла два яйца. Я ее подкармливаю и искренне за нее переживаю. Она меня уже совсем не боится. Может однажды я была птицей. Или рыбой. Старым комодом в комнате, с отсветами от пронизанных солнцем цветущих яблонь. Оконным проемом. Белым хлопковым платьем, помнящим локоны и родинку на спине. Фортепиано с пожелтевшими клавишами. Камнем. Может даже надгробием. Не думаю, что была человеком. В этом случае я бы родилась немножечко мудрее и спокойнее.

Иногда я его спрашиваю: можно я ничего не буду делать сегодня? Не буду писать-рисовать-страдать-царапаться о стекло реальности? А, например, возьму тряпку и буду натирать до блеска кран в ванной или дизайнерить какой-нибудь ресторан. Но слова приходят быстрее мыслей. Я их ловлю как кузнечиков и запихиваю в корзину, накрывая сверху белым платком с голубыми узорами. И, когда я слышу сверху улыбающееся: «Ну конечно, можно...», уже слишком поздно. Они шуршат и могут убежать. Или еще страшнее - их склюют мои голуби, перепутав с тортом.

Нельзя быстро забывать, потом становится тяжело вспоминать.

Он посадил тебя здесь и сейчас – Делать. Его мысли. До самой себя я была здесь же. В этом воздухе, на этом столе, в этой минуте. Дождем или иконой. Подсвечником или картой Флоренции. Ветром и облаком одновременно.

А потом ты рождаешься в Бога, чтобы Он родился в тебя. Это ничто, из которого ты создаешь свое прошлое и будущее.

Это ты.

....возвращая Память, возвращать Душу...

“Птица”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

AA.

Я проснулась счастливой.

Я побежала навстречу солнцу и ветру.

Главное – правильное решение.

И тогда все будет сделано само собой.

Я поняла многое: что мне нужно спешить стать человеком, а не нарисовать больше картинок. Чтобы стать человеком, необязательно себя заставлять работать. То, что ты делаешь, это стенограмма твоих изменений, не более чем. Это твой инструмент очеловечивания. Нельзя ничего делать, если не хочешь. Нельзя идти туда, где не чувствуешь тепло. Ты можешь поступиться своими принципами, но не своей совестью. В другом человеке нужно видеть Бога, и тогда этот человек никогда не сделает тебе плохого. Все твои картины будут сожжены и выброшены, останутся только попытки рассказать о том, что ты видишь и что ты есть - здесь и сейчас. Завтра не существует, как и вчера. Прошлое – это слова, которые могут помочь в будущем. Если меня не будет в этом мире, я буду скучать только по кофе.

Я кормлю рождественским тортом птиц – они ко мне прилетают утром. Когда я открываю глаза, я вижу небо. Это самый прекрасный дом в моей жизни. Я варю кофе и пью его из чашки с блюдцем – я никогда не знала, что мне это нужно. Мне нравится убирать. Мне всегда хотелось жить в пятизвездочном отеле и я превращаю мир вокруг себя в этот отель.

Я знаю, что все мои знания и умения не имеют никакой ценности, кроме силы духа. Что я могу питаться только орехами и быть абсолютно счастливой. Что смерти нет, но мы проживаем огромную жизнь, чтобы так да конца и не понять слова Евангелия. Что искусство и жизнь неразделимы, нельзя делать искусство, которое не является продолжением тебя, ибо оно – ложь. Мы пришли в этот мир не заснуть, а проснуться, но многие вокруг продолжают спать, засасывая в свои хоботки отбросы мира, которые делают их на пять минут сытыми, а потом приносят еще большее опустошение. Что болезнь – это свидетельство, и пока ты его не прочитаешь правильно, она будет на тебе жить. Излечение приходит после правильного решения, и ты его поймешь по тому, что будешь спать.

Все твои движения предопределены, все твои слова будут пущены с миром, все твои мысли – это энергия огромного значения, она изменяет судьбу на небе и на земле.

Нельзя осуждать людей за то, что они слабы. Их нужно прощать и показывать примером.

Если ты не можешь быть сильнее себя, какое ты имеешь право судить кого-то.

Сложно увидеть в другом человеке Бога, но однажды увиденный, Он никуда не исчезнет.

Он станет делать тебя лучше.

Он будет говорить тебе то, что тебе необходимо.

Увидеть Бога в другом человеке – это мудрость.

Место, где я оказалась – это моя гора и мой замок.

Я счастлива, потому что сделала правильные шаги.

Потому что слушала.

Потому что шла по следам.

Я не знаю, сколько мне осталось будущего. Но я понимала, какова сила одной единственной секунды. Сколько в ней уместится времени. Мне хотелось рисовать, но я боялась ошибиться. Я не могла понять в чем.

Мне оставалось столько времени, сколько я готова была взять. Я никак не могла полюбить себя. И единственным рецептом было полюбить Бога в себе. Того, который говорит, отвечает, рисует.

Полюби Его и не бойся. Он все сделает за тебя. Он знает, что есть и будет.

Он знает все слова.

Потому что это дорога домой.

«Туземные племена должны покоряться и
переходить на указываемые им места на плоскость;
в противном случае их оттеснять далее в
бесплодные горы, а оставленные ими земли
заселять казачьими станицами;
им остается или перейти на плоскость,
под наш ближайший надзор, или переселиться в Турцию,
в чём предполагалось оказывать им возможное содействие».

Князь Барятинский

(Окончание Кавказской войны в кн. Обзор войн России от Петра
Великого до наших дней, 1896)

Я запуталась в них, как в собственных воспоминаниях. Мне казалась, что я тело, висящее на нитках, растущих внутрь, вверх, в стороны. Они ткали меня, как паутину, проходили сквозь рот и язык, подвешивали под небом, как на качелях и заплетали глаза, когда мучительно хотелось их открыть. Волосы прорастали вниз, нанизывали на себя корни растений и весь в них томящийся прах. Из него вставали тени, говорящие на непонятном языке. Я отстранялась: «Я не ваша, я не понимаю вашего языка», но они настойчиво продолжали шептать что-то.

Я научилась равнодушию, но не смогла научиться забывчивости. Я смогла принять смерть, но не могла вспомнить любовь. Многие пытаются ее забыть, а я не могла вспомнить.

Шипящий спотыкающийся птичий язык, словно заклинания. Горы. Они меня не хотели рядом, но им нужна была память. Как и мне. Мои волосы держали меня за небо, но чтобы быть твердой и сильной, как в детстве, мне нужна была земля.

Я шла куда-то, я искала себя. Я не знала, что нам дает себя.

Душа собирала камни. На камнях она водружала маленький алтарь из забытых знаков. И тогда приходили они и становились вокруг. Я была чужой. Но я пришла, чтобы сказать: «Вы тени моей земли, которую я не выбирала родиться».

Откуда? У меня не было этой крови. Мне принадлежало все, но ничего такого, к чему бы я была по-настоящему привязана.

«Мне необходимо, чтобы вы дали мне силу. Мне нужно будущее, как и вам».

Женщина сидит перед очагом, помешивая что-то в котле. Ее печаль похожа на мою, только намного больше.

«Мы храним душу земли. Вы ее никогда не знали. Эти горные реки, закованные в асфальт. Эти пустые пастбища. Леса, которые засадили, а потом уничтожили. Море, которое извели. Все вокруг тебя - наш очаг. Мы здесь были всегда. Мы ушли, потому что ослабло сердце. Но мы даем эту память тебе, чтобы ты ее наполнила небом».

Женщина пряма и изящна, как дерево, у которого, несмотря на тонкий ствол, огромная корневая система. Ее глубоко-посаженные глаза с изящными дугами бровей тревожно мерцают красноватыми отблесками.

Мое детство – заброшенный двор с тремя курицами, мое детство – лес. Души, духи, ангелы. Я шла по лесу, с маленькой собачкой-пекинесом, которая умерла от чумки, а за мной следовал их шлейф. Они всегда были во мне, просто я никогда не знала кто они.

Я искала восток вдаль от себя, а он был внутри.

Нам дом-пятиэтажка стоял на старом черкесском кладбище. В этом доме умирали все, и мы поспешили поменять квартиру. Им не оставили ничего, их стерли. Их души ушли в лес и бродили.

Будучи ребенком переселенцев в третьем поколении, не имея никакого отношения к их крови, я плакала вместе с ними. Эта земля не могла больше. На ней жили люди, строили отели и ходили в рестораны, но вокруг каждого из них была пустота. Им было пусто друг с другом и наедине с собой. А под этим слоем пустых людей жил слой памяти, где каждый камень был наполнен словами, а каждый водоем знал свое имя, место и время. Это была густая кровеносная система, уходящая в века и в ней мерцали звезды.

«Только Тха выбирает каждому его Путь и время для него, и не может человек определять вместо Тха удел ближних своих и их Путь».

Ее боль – это ее память. Моя боль – это мое прошлое, в котором нет памяти. Я хочу от него избавиться и не могу. Я зачем-то пришла к мертвым.

Она ворошит угли в очаге, пламя то разгорается, то угасает.

«Зачем ты пришла к нам?».

«Я ищу и не могу найти».

Она протягивает мне что-то, не отрывая взгляда.

Их язык как шипение змей, их узоры как их сплетение на старых камнях. Они передают из рода в род знаки и сказания. Это женская сила, поэтому они проиграли северной стране. Это женская сила, поэтому они остались. В руках невозможное жжение, я их силюсь разжать, но женщина обхватила их своими маленькими ладонями. И теперь мы говорим только глазами, что-то горячее застилает все во мне, но я не отрываю взгляда. Изнутри меня приходит тоскливая музыка неизвестного струнного инструмента, дождь, золотые узоры на ткани, оживающие оленями и цветками граната, сердцебиение скачущего табуна лошадей и дымка водопадов, очень много крови, очень много любви. Я готова закричать, меня тошнит. Она отпускает руки, уголек из очага падает на землю, оставляя ожог как клеймо.

«Ты готова».

«Тха даровал Хабзэ, передаваемый через Нартов, Хаттов и другие поколения рода, как единственный Закон, в соответствии с которым направлялись бы помыслы и деяния».

Я еще не знаю, куда мне идти и что мне делать. Во мне все еще ноет какая-то обида, какая-то незавершенность, страх.

«Ты готова. Просто живи»

И я открываю двери.

В белый-белый день.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Молитва", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

В детстве ко мне приходил человек. Он сидел на люстре и говорил на неизвестном языке. Он был одет во что-то странно-восточное. Никто кроме меня его не видел. Я не знаю, кто это был – дух места или дух крови, но он был и что-то настойчиво говорил мне. Однажды он направил на меня фонарь, я отвернулась к стене от ужаса, свет медленно пополз по стене, а потом исчез. Вместе с моим страхом исчезло что-то важное.

«Ничего не бойся. Кто не боится – уже победил».

Мой папа принадлежал к сгустку пост-революционного кровесмешения. Фамилия отца осетинская, бабушка говорила, что ее родители переехали на побережье из Украины. Мама со стороны мамы наполовину полька, наполовину белоруска, со стороны папы – носительница неизвестной крови со странной фамилией «Качармина», которая будоражила всю семью, словно была вином.

Больше всего мне хотелось вспомнить запах духов. У мамы были разные духи, но я их не помню. Я помню только ярко-красную помаду и красную розу на моем пиджаке. Туфли, лосины. Но мне нужен был именно запах. Мне казалось, что я его вспомню и вернусь.

Я вышла на крышу и просто вдыхала воздух.

Махала руками как птица.

«Бог в каплях дождя».

В них тоже. Я помню.

На вдруг меня падало что-то. Как будто само небо. Словно я вновь обретала тело.

Я смотрела вверх - этот майский дождь мне казался снегом. Как когда я обливалась ледяной водой в Краснодаре, а сверху в глаза летела шевелящаяся белым бездна. Я жила у бабки-казачки в самом центре Краснодара. Она была настоящая казачка - гордая, своенравная, дугобровая - буйная помесь

Кавказа и степи. Казаки ненавидели кавказцев, будучи полукровками, как волкодавы ненавидят волков. Бабка-казачка меня не очень любила за то, что я тихо хожу, мало разговариваю и не встречаюсь с мальчиками. Соседка была тоже казачка, это был большой коммунальный двор с деревянным туалетом посередине. У соседки была грудь и толстая черная коса, она выносила свой беременный живот на улицу и всем показывала. Я никогда не жила с чужими людьми до этого, и мне это совсем не понравилась. Бабка научила меня готовить кубанский борщ и делать клецки. У меня был закуток в три метра с занавеской и окном на уличный тупик. В том закутке я научилась писать, думать и преодолевать страх. Когда она уезжала на дачу за помидорами, я танцевала в халате вокруг круглого стола в центре комнаты. Таскала из ее кастрюли клецки. Мылась в тазу на кухне. Это она мне в 16 лет на картах нагадала любовь. «Но я никого не знаю». «Ты такая скрытная, как цацпка. Знаешь, просто не признаешься». Я не знала. Еще. Но я ее не переубеждала. «Твоя мать такая сумасшедшая – то в йогу, то в религию, - потому что не любит мужа». Я это запомнила. «Вы не знаете свою дочь!!!». Она была женщиной до мозга костей - цепкой, горячей, страстной. «Мой муж меня все время целовал и носил на руках через лужи».

Я для нее была как бесполое марсианка в папиных брюках, существо нечеловеческого пола. Не такая. Другая. Она меня ненавидела, как и я ее.

Простите.

Хьянцыгуаш. Молитва о дожде.

Ко мне приходила какая-то странная сила, которая меня вела.

Россия присоединила Западный Кавказ в 1864 году, в результате чего девятьсот восемь процентов местного населения, отчаянно защищавшего свою территорию, были убиты. Остатки переселяли на заболоченные низменности Прикубанья, где они, будучи горцами, снова погибали, не умея вести хозяйство в условиях равнины. Часть отправили в Турцию, где те, став махаджирами, почти все умерли от непереносимых условий и холеры.

От них остались только слова: Су-Аран. Тхаб. Мархотх. Шесхарис. Жанэ.

Джанхот. Дугуаб. Пшадэ. Адэрба. Мезып.

Хьянцыгуаш.

Но они не ушли. Они здесь. Их песни, их могилы, их бог.

Хьюленджый.

Главное.

Сотни лет – быть может, с самого начала Творения – часть этого мира ждет, чтобы ваша душа исправила ее. И теперь вы здесь.

«Слова живут дольше людей».

Я не могу делать что-то от себя. Я все время заставляю: просыпаться, есть, рисовать. Я запихивала в рот несколько кусков сыра, запивала кофе и это была моя еда. Я не умела чувствовать, из всех чувств работал только мозг. Я знала, что мокро, потому что шел дождь. Мне ничто не приносило радости – ни день, ни любовь. Я не была такой. Я такой стала.

Ведьмой.

До сих пор неизвестны условия соглашения между Александром Вторым и турецким султаном, но некоторые корабли были потоплены самими же турками. Их бедой было оказаться между трех империй: османской, британской и российской. Все виноваты. Все три империи пали. Революция смела Царскую семью, за несколько миллионов черкесов были положены более сотни миллионов русских.

Чтобы вернуть себе чувства, нужно понять, куда и когда они ушли. И почему. Вернее, они не уходили, а их замуровывали в кокон, сооружая ограду вокруг. И вот возведена толстенная стена, через которую не проникают ни звуки, ни вкус, ни запахи, ни голоса. Не проникает жизнь. Я ее заставляю проникать, но не получается.

Я ответственна за все, сотворенное позади меня, понимаете? Я не знаю, могут ли прощать горы. Может ли простить время. Это была пустая смерть, подобная пытке, когда после тебя ничего не остается. Но я говорю: «Простите», потому что им нужна память, а мне родина.

«Очищайте время».

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Воронка", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

В нашей семье существовала черная воронка, куда затягивалось все: счастье, любовь, будущее. Я это знала всегда, но не понимала, откуда это исходит.

Я не верю ни в оружие, ни в политику, ни в войны, ни в психотерапевтов. Я верю в искусство. В то, что оно способно, соединив небо и землю, изменить человека.

Однажды я встретила удивительную женщину. Она жила в горном поселке Текос, перебравшись туда из Киева, молилась по два часа в день, была кандидатом наук и часто бывала на дольменах. Это она мне сказала: «Если в женщине не выполнена женская программа, она превращается в ведьму». Советский Союз породил огромное количество ведьм. Это было государственным приоритетом - освобождение женщины от ига семейного труда. Она обязательно должна была стать кем-то: летчиком-испытателем, космонавтом, известным художником, ученым, руководителем.

У меня была бабушка, Бабуля, которая любила меня, а я любила ее. В ее доме все было покрыто паутиной, под столом жили кошки, на подушках спали куры, сараи падали своими развалившимися крышами, а деревья говорили. Я ходила на рынок за зерном и мир ужасал меня своей нормальностью. Я покупала пшеницу, собирала сухие соцветия семян на городских клумбах и возвращалась обратно.

Все уходит, чтобы вернуться. И если в этом дне, в этом месте я могу что-то сделать, я беру это место и время.

У моей бабушки был зоб, костыли, одеяние из бесконечных латок, у нее никогда не заживали и гноились ноги, она на протяжении 40 лет не выходила из дома - упав в подвал во время наводнения в Геленджике, она так и осталась инвалидом.

Она не любила жизнь. Она ненавидела детей, людей, бабу Власевну, бегавшую в церковь, ненавидела родителей моей мамы, соседку, с которой они периодически срывали друг у друга объявления «Сдается комната». Но она любила меня и папу.

Бабуля приходила часто ко мне, и я чувствовала это дыхание, это странное

желание смерти, но сражалась.

Вчера я сказала: «Я куплю себе красное платье, оно будет красиво смотреться на зеленой траве». Сегодня я пошла и увидела его, оно лежало прямо для меня. Не знаю, найду ли я в себе силы для этого платья.

Однажды распутившись как бутон однодневного цветка, что-то во мне закрылось и превратилось в коробочку с семенами. Они из меня сыпались и сыпались, я их собирала и нанизывала как паук на свое руно.

Я привыкла прятаться, закрываться, ввинчиваться внутрь. Я привыкла поглощать свет и собирать его в какую-то внутреннюю энергию, которая, дойдя до максимального сжатия, взрывалась и освещала на годы вперед. Я знала, что я маленький щуп на тонкой простыне перемешанных нитей времен, крови, судеб, поколений, слов, бесконечности. Я не знала, что будет завтра, но протискивала нос в таинственность, которая представлялась мне настоящим. Я не могла жить настоящим. Любовь, Бог, деяние - это категории моментальные. И если ты не понимаешь настоящего, ты вне судьбы.

Я была вне. Я чувствовала, что так нельзя, что это наказуемо, я прочитала много книг по психологии и психиатрии.

Я смотрела на птиц и мне хотелось знать их беззаботность. Смотреть на солнце и пронизывать свое тело улыбкой. Я все теоретически принимала, но шла ставить воду на чай и знала, что будет продолжением через полчаса: кто мне напишет, кто позвонит.

Я была мечтателем-маньяком: разговаривала с людьми, ездила в прекрасные города, где никогда не бывала, давала интервью, целовала мордочку верблюда и плыла на полярной льдине, сидела в кафе в шляпе и длинной белой одежде на берегу моря, писала что-то в блокноте, шурясь на морозящий дождь, ждала кого-то, глядя на часы, беззастенчиво любила. И все это клубилось вокруг с такой интенсивностью, что когда нужно было просыпаться и осознавать, где я и кто я, мне казалось, что у меня забрали жизнь.

Мне мучительно хотелось стать собой из своих грез, но так как я была

столькими сразу, то понимала, что это невозможно. И именно поэтому знала, что обещанное землетрясение в Риме не состоится. Потому что, если на борту самолета есть хотя бы один человек, которому надо что-то сделать в будущем, самолет не упадет.

Ее редкие седые волосы, коричневый гребешок, янтарные бусы от зоба, венские стулья, железный будильник, вальс «Амурские волны», который она хотела слышать на своих похоронах.

Она была коммунисткой. Она была женщиной, которую действительность превратила в монстра. За ней, в ее прошлом, стояли пустота и какое-то отчаяние.

Я помню бренди в ее секретере, печку с пшенной кашей, темноту за окном.

Бабуля готовила мне все время эту желтую кашу. Адыгейский заменитель хлеба. Паста. Без нее не обходился ни один стол. Хворост, чебуреки, фасолевый суп, мамалыга, сладости с медом. Мне казалась, что вся эта еда внутри меня.

«Сотвори добро и брось его в воду и не проси за это цену. Почтение к тому, кто творит добро из уважения к Хабзэ, но кто поступает по велению своего сердца и без свидетелей, тот, поистине, самый богатый человек, ибо высшая тому награда – от Тха».

Она умирала страшно. А я была ее продолжением. И поэтому у меня было ошутимое желание, чтобы на мне эта цепочка прекратилась.

Я задыхалась. Мне хотелось плакать. Мне хотелось выйти за дверь и закричать: «Мир, забери меня, я не могу больше». Я легла на кровать и смотрела в потолок. Я не видела выхода. Наверное, от меня ничего не осталось.

Любить намного проще, чем ненавидеть.

Я знала, что меня вырубят. Болезнью, даже смертью. Я создавала, как и Бабуля, вокруг себя воронку, в которой, как в мясорубке, размалывалось все: пение птиц, цветы, волны моря, прикосновения других рук, мои волосы, глаза, лицо.

Я впитывала жизнь и раскладывала ее по целлофановым пакетам. Я вставала утром и говорила себе: «Сегодня буду жить». А потом засматривалась на какой-нибудь предмет или белый лист бумаги и меня уносило на часы.

Однажды я посмотрела в зеркало и увидела там старуху.

На мне росли мечты, как грибы после дождя. Я не успевала их собирать. Я не понимала, как обозвать это «предназначение». Я любила работать лишь потому, что это давало привязку к реальности. Меня тяготили тело, руки, зубы и люди.

«Много лет тому назад захотели Нарты — те, что были до нас, — дотянуться до неба. Взошли они на самую высокую гору, стали друг на друга, вот уже достигли самых высоких облаков, но так и не дотянулись до неба. Тогда они поставили свой скот, и лошадей, и мулов, и опять не дотянулись до неба. Оставались только маленький мальчик со своей кошкой. Потерявшие надежду Нарты поставили наверх громадной пирамиды кошку и ребенка — и мальчик дотянулся до неба».

Когда в ежедневном скулении я пыталась построить над землей идеальный мир, где смогла бы жить, после двух-трех минут в парах фантазии я начинала угадывать окна нашей веранды и грузное тело Бабули возде маленькой газовой печурки. Хворост, присыпанный сахаром, виноградное варенье, мир, который был достаточен своей скудностью, лишенностью минимальных удобств и белой-белой отрешенностью от мира. Ведь здесь, за пределами тех стекол и деревьев, я почти ничего не нашла. Больше потеряла. Даже больше: я росла-росла, жила, падала и поднималась, а в итоге свернулась в маленького ребенка, пересчитывающего в памяти количество кошек под накрытым клеенкой столом.

Воронка внутри меня забирала мое настоящее. И тоска на том краю была такой же сильной, как и моя непринадлежность этому миру.

У меня была бабушка, Бабуля, которая любила меня, а я любила ее.

У меня есть бабушка, Бабуля, у которой я всю жизнь вымаливаю прощение.

Я ее, и свой город, и саму себя все время пыталась забывать как что-то лишнее и ненужное. И когда приступы удушья уже перехватывали горло, я слепо тянулась к этим островкам прошлого, параллельным мне, и хваталась за них, как за деревяшку в море.

“Господи, дай мне все исправить....”.

Я просила Бога и мертвых моей земли....

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Гора", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Внутри не переставала одна мелодия. Ее тонким чистым голосом пела женщина в высоком черном клобуке с золотым узором.

Я шла за теплом и делала лишь то, что приносило чувство завершенности.

«На вершине Ошхамахо пребывают Тха, Псатха, Шыбле и другие боги, которые один раз в год звуком трубы, пробуждающим горы, приглашают к себе на санопитие самого выдающегося героя из смертных».

Казалась, что от меня отваливаются куски каменной штукатурки, а из-под нее выглядывает что-то голубое над горами.

Я любила любовь, свою собственную. Когда тебя накрывает сон, запах, когда не можешь спать и встречаешь утро с первыми птицами. Я любила свою любовь. Мне не хотелось прикоснуться, разделить хлеб, ощущать кого-то рядом. Я любила сначала бабулю, потом кошку, потом маму, потом собаку. С настоящим меня соединяли еле заметные нити и от этого мне становилось не по себе.

Я проходила через мир как тень.

Когда моя мама была беременная, ей так сильно захотелось в лес, что она не могла с этим желанием справиться. Она попросила мужа отвезти ее в лес, но тот отказался. Тогда она села в автобус и поехала на Михайловский Перевал, к месту, где у моего деда стояла мельница на шапсугской реке Догуаб, у подножия горы Тхаб, горы бога Тха, главного бога кавказского пантеона. Мама вышла и пошла наугад. Конечно, в лесу она потерялась и так блуждала до вечера. Когда стали наступать сумерки она в отчаянии залезла на самый высокий ясень, и в ужасе увидела только горы покрытые лесом. Тогда она просто пошла наугад и к ночи вышла на дорогу.

Пса-тха, бог жизни, покровитель этих лесов и Амыш, бог животных.

А потом родилась я, веревкой привязанная к этим камням настолько, что часто уезжала за километры, дабы порвать эту связь.

Это человечество почти мертво.

«Твори дело так, как считаешь нужным, говори там, где следует говорить, становись впереди, где чувствуешь свои силы. Не позволяй ложной скромности ограничивать твои возможности. Познав дух Адыгагэ, придет различие».

У меня была душа, но я ее потеряла. Когда не помню. Я ее променяла на ненависть.

Я привыкла к пустоте. Но Бог знал меня, а я знала его. Он также знал, что я попытаюсь найти выход.

Они пришли в черном, с распущенными волосами. Похоронное одеяние адыгов.

Бог пернатых, Тха и главный бог Тха, были чем-то вроде вечно сражающихся половинок одного целого. Убыхи поклонялись каменной птице, Бы-тхе. И когда они уезжали, навсегда покидая свою землю, они взяли с собой малую Бы-тху, оставив большую птицу на горах реки Мзымта.

Бог-птица и бог-человек сражаются, будучи одним целым. Как их можно разделить?

Русские освободили несколько дорог, чтобы убыхи могли сесть на турецкие корабли.

Как только появилась машина, я проехала все побережье от Сукко до Очачмыры. Оно все было внутри меня. Меня засыпало снегом на перевалах Туапсе, я чудом проскакивала в гололед через закрытый Михайловский перевал, мне дарила закат Пшада, обняла Абзхия, болел Геленджик. Во мне болела каждая пустота этой земли. Выкорчеванные виноградники, пустые пространства, импортные фрукты. Моя страна, где все можно было купить и продать, умирала.

Я читала про ушедших и ко мне приходили горы. Души мертвых живут на их земле. Они умирали в Турции, Египте, а возвращались сюда: на перевалы и на пастбища, к звонким рекам.

Но это была и моя родина.

Каждый день, каждый шаг, каждый текст. Мне открывалось что-то красивое и справедливое, как небо.

Мне снились горы и леса, мои горы и мои леса, у которых вдруг открывались глаза. Ко мне подходили высокие мужчины и тонкие женщины с детьми на руках. Они ничего не говорили, только смотрели. Это были корни моей земли. Я пришла разделить их боль. Слушать их истории. Плакать и смеяться за длинным столом посреди леса. Греть руки у очага. Собирать на поле кукурузные початки. Давить ногами виноградные кисти. Купать лошадей в горной речке. Набирать воду в глиняный кувшин у родника. Оставлять хлеб для косуль в лесу. Таять в летний зной под стрекот цикад. Закидывать сеть в море. А потом сесть рядом с богиней-матерью Кавказа, белокожей Сатаней-Гуаш, матерью нарт-великанов, чтобы чувствовать жар лошадей под ее ста сыновьями, и самый младшим, богатырем Сосруко.

Рядом со мной всегда была птица. И никто меня в этом не переубедит. Может из-за их крыльев и моей любви к самолетам.

Но она была, и я ее знала.

А я была Сосруко, рожденный из камня. И каждый день билась об облака, надеясь получить в награду сердце.

Я искала свою душу по всему миру, а она ждала меня внутри.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Бог животных", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

В том, что бандиты честнее правителей, а животные добрее людей, состоит самый большой парадокс нашего времени.

Человек рождается великим и свободным. Но с годами теряется величие и остается только зависть.

Я выросла во дворе, который кишел разнообразным зверьем, спавшем и евшем где попало. Куры, черепахи, ежики, мышки, птицы.

Меня вырастила кошка, в мою жизнь пришла собака, когда та была похожа не беспроглядный тупик.

Звери, в отличие от людей, всегда занимались своим делом.

Я никого кроме себя не взвешиваю на весах. Просто пытаюсь каждый день быть лучше.

То, кем я была вчера – меня больше не касается. Мне не стыдно и уже не больно.

Амыш приносил воду и сено лошадям, помогал овчаркам пасти стада, знал имена всех коров в округе и утро, когда должен был родиться жеребенок.

Ни один дух не опаснее человека.

Однажды мама решила поехать в поселок Аибга. Туда добирались автостопом от Сочи на разных тягачах, так как поселок был на самой верхатуре реки Псоу. В нем жили глухие местные жители, рыжие и не похожие ни на армян, ни на грузинов, бегали общие свиньи. У них был один трактор и одно радио. Они говорили на странном языке. У меня было чувство, что я попала на съемки фильма. Всего в нескольких десятках километров был гремевший машинами и модными барышнями курортный город, а над ним – такая этнография. Мама витала в медитациях, а мы сеяли кукурузу в окружении гор, ели салат из травы и купались в горной речке. Кто бы знал, что я к ним, к этим людям в черном, вернусь через двадцать лет.

В одной исторической книжке я прочитала, что казаки – это коренная национальность Кавказа, в другой, что черкесы приплыли в Анапу из арабского халифата в 14 веке и далее расселились по берегу моря. Я была счастлива, что не историк.

Орнамент на абхазо-адыгских коврах часто изображал богиню-роженицу, праобраз северной Макоши. Это был древнейший символ человечества со времен матриархата.

Боги Кавказа спят. Их глаза закрыты. Что будет, когда они проснутся?

Они не строили городов, не изобретали порох, не громоздили университетов. Они пасли овец, охотились на оленей, варили сыр и поддерживали огонь в очаге. Они не знали ожирения, забвения и отсутствия смысла жизни.

Сегодня я весь день была кем-то. Шла и понимала, что я не здесь. Что мне срочно нужно в другое место. У меня было простое имя, Варенька, на мне было хлопковое платье с прорубленной рюшей оборкой и пуговицами по спине, обшитыми тканью. На мне не было косметики, потому что это считалось пошлым, волосы двумя натуральными волнами спускались по плечам, на руке маленькие часики на тонком кожаном ремешке и небольшая белая сумка с металлической застежкой. Набережная моря, вокруг дышали олеандры и дельфиниум. Это был такой курортно-идиллический пейзаж из 1964 года. Варенька была молодым ученым, изучала литературу народов мира и приехала в черноморский пансионат отдыхать. Рядом с ней шел молодой писатель в легких брюках и парусиновых туфлях, они о чем-то говорили, обязательно серьезном и научном. О литературе, о будущем. А потом они нашли кафе, так как на это теплое долгое место опускались сумерки, и заказали «Советское Шампанское». Конечно же, он произносил интеллектуальные тосты о том, как много нужно сделать, сколько замечательных книжек написать, и обязательно для детей. Чайки бродили по пляжу, море красило горизонт в розово-желтый цвет. Варенька смотрела на молодого писателя и понимала, что, несмотря на то, что они такие разные, он умен и близок по духу. А писатель как-то нежно впитывал в себя все: горы, сосны, закат и запах водорослей и знал, что в жизни Варенька ему просто необходима. И эта данность давала легкость и новую болезненность.

Однажды я видела передачу о горе Афон и старец-монах сказал: «Вы сейчас не понимаете, почему все так произошло, почему был Советский Союз, его падение, революция, вы поймете причину позже».

Мне хотелось, чтобы быстрее наступило это «позже».

Я не помню Союза, лишь его развал, но мне о нем много рассказывали, хорошего и плохого, и по той стране я скучаю. Даже не по стране, а по общему духу строительства чего-то справедливого.

Я живу в Италии. Я жила во многих странах мира. И везде знала, что живу в прошлом. Мы вернулись от идей к потреблению, но, к сожалению, это не приносит внутренней полноты. Человек меняет марки, женщин, он покупает детям дорогие игрушки, но от этого «вискас» не становится вкуснее. И он бедный бежит, а догнать не может. И даже не знает что.

Люди будущего - это люди идеалов, скромности и культурной самобытности. Именно поэтому я скучала по Советскому Союзу. По искусственно созданному миру, в котором жили разные народы и было неизвестным модное слово «ассимиляция». Пусть этот мир был построен на костях, но даже глоток, десятилетие бытия другими никогда не насытит пустоту современности.

Я считала любовь высочайшей мудростью. У меня жили кот и собака. Они любили безусловно, не за еду, а просто так. Умерли бы от голода, но любили. Неужели высочайшая мудрость дана животным, а не людям?

Я все время искала исток. Я придумывала своей тоске разные причины – от пробки в ванной до неправильного пляжа.

А потом я спросила себя:

- На месте Вареньки, ты была бы счастливой?

- Да.

- Почему?

- Они были другие.

- Какие?

- Сумасшедшие. Идеалистичные. Они жили не для себя, а во имя чего-то важного для других.

«У них была Родина?». «Да». «Идеалы?». «Да». «Бессмертие?». «Может быть».

Амыш был богом крупного рогатого скота, а также всех лесных зверей. Мне он представлялся таким мохнатым дядькой с посохом и милейшими голубыми глазами. А еще коровой с лицом человека.

Большой собакой, упирающейся в небо.

И бесконечным облаком.

Моя тоска встретила свое имя.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Камень", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Я шла утром по земле, на которой пели птицы, стояли засеянными поля и луга, стоял огороженным лес, в котором ходили непуганные звери, по земле, где каждый дом утопал в цветах и зелени, а кругом были сады и виноградники и думала: моя земля должна была быть такой же.

Любимой, как невеста своими женихами. Оберегаемой, как дитя.

Сосруко, рожденный из камня.

Однажды, когда мне было 16 лет, мне приснился сон: огромный крест до неба во дворе художественного училища, где я училась. Но потом случилась любовь, после смерть, потом университет. К концу первого курса меня исключили. Но приехала мама, и мне дали шанс сдать экстерном экзамены. А потом, через несколько лет, совершенно случайно встретила женщину, которая была сестрой одного знакомого и деканом факультета искусствоведения в Петербурге. Я не сомневалась, я даже не поняла толком, что это за факультет. Я сделала все, чтобы уехать.

Я шла к себе через все попытки жизни повернуть меня вспять, но это было так долго. И вот я у точки, где нет другого выбора. Я совершенно одна. Даже священники сомневаются в Боге. Это как канатоходец над пропастью. Я не дизайнер, не искусствовед, не маркетолог, не переводчик, не редактор, не бизнесмен, не директор журнала, не все остальное, кем и чем я была До. Это как признать свое сумасшествие. И только улыбающиеся глаза Босха на мониторе говорят, что я, может быть, права.

Мы забываем, а вместе с забывьем мы заставляем себя ненавидеть. Так как забвение, настоящее забвение, дает только ненависть.

Своему ребенку я бы хотела рассказывать сказки об огнеподобном коне Бзоу и племени Аирг, жившем на неприступной вершине Кавказа во дворце из птичьих костей. И если бы он меня спросил: «Мама, кем были наши предки?», я бы ответила: «Мы из детей, воспитанных и выращенных Советским Союзом, самой страшной и самой прекрасной страной, существовавшей всего 70 лет. В этой стране все были братьями - белорусы, украинцы, узбеки, армяне. Во мне перемешано минимум пять национальностей и я нисколько от этого не страдаю:

я пела украинские песни, ела белорусские драники и читала персидскую поэзию. Я родилась на Кавказе, где Россия, еще до того, как стать Советским Союзом, пролила море крови. Никакие уговоры и санкции не могли помочь остаткам народов, населявших Кавказ со времен, как эти горы стали горами, и которых лишили родины, многие из которых навсегда исчезли, простить русских за то, что те сделали. И только покаяние одних и приятие других могло выровнять все более увеличивающуюся черную воронку над моей землей, землей, где я родилась...»

Я видела, как ласточки купаются в земле. Они совсем другие, маленькие, с синей спиной и белым животом, и называются певуче – рондине. Я видела, как черный мерло с оранжевым клювом нес по веткам черешни червяка. Я видела, как другой мерло заливался песней на соседней крыше, и когда заметил, что я его слушаю и снимаю на камеру, стал петь ее еще изощренней. Я видела, как мышка грызет камыш и бежит по нему вниз и вверх. Как по вертикальной стенке ходит на своих липучках ящерица Жако. Я видела как приходит гроза, и, не успев пролиться, исчезает за горами. Как растут мята, розмарин и лаванда.

Я не видела этого с тех пор, как была ребенком.

Я жила так, словно Бог мне вдруг подарил мир. Это ощущение приходило постепенно, но оно было как первые зеленые ростки на выжженной земле.

Я пыталась затоптать прошлое, я его цементировала, запрещала, убивала. Я пыталась все выжечь, а потом начать сначала. В этом я была традиционалистской. Но чем больше я жгла, тем отчетливее передо мной вырастал призрак Бабули, человека, в чьей памяти были не сказки, а вырезки из газет с фотографией моего папы и разными историями «невероятно, но факт». Она их пересказывала снова и снова: о медведе, надевшем на нос банку сгущенки, о мальчике, возвращенном волками.

Я жила сражаясь с прошлым, а его нужно было принять и поблагодарить. Оно, мое прошлое, привело в эту страну, где у меня есть свои мертвые, только этруски. Они меня знали, потому что мы были одной крови. Прошлое заставило писать, рисовать, оно отправило искать что-то сначала на север, потом на восток. Я нашла много глаз, много сердец, но главное, с каждым путешествием,

я откалывала от своей души очередной кусок камня, под которым билось живое тело.

Однажды мы сели и поехали в Абхазию. Из всего адыго-абхазского ареала это были единственные счастливые люди, оставшиеся жить на своей земле. Аpsны, страна души, лежала в руинах, но это был лишь на время замолчавший рай. Мы были там один день, общались с местными жителями, монахами, подвозили старую абхазку, не говорящую по-русски и поделившуюся с нами бубликом, даже познакомились с гаишниками. Мы ели в придорожном кафе, над огнем в центре висел котел, где варилась мамалыга, по стенам - сушеный красный перец. Нам дали кукурузную кашу с твердо-соленым адыгейским сыром, соленья, мед.

Словно ходить по небесам. Высоко, высоко. Брошенные дома, эвкалипты, снежные вершины гор. Море. Она как свеча, эта земля, которую лишили современного мира и магазинов, но оставили душу и тело.

Когда-то абхазы и адыги решили, что они разные народы, и тогда старейшины велели обеим сторонам привести двести женщин с младенцами. И эти женщины протянули младенцев друг другу и поменялись детьми. Так братство навсегда было скреплено кровным родством.

Как когда-то абхазы и адыги поменялись детьми, так должны были сделать Россия и Кавказ, пока не стало слишком поздно.

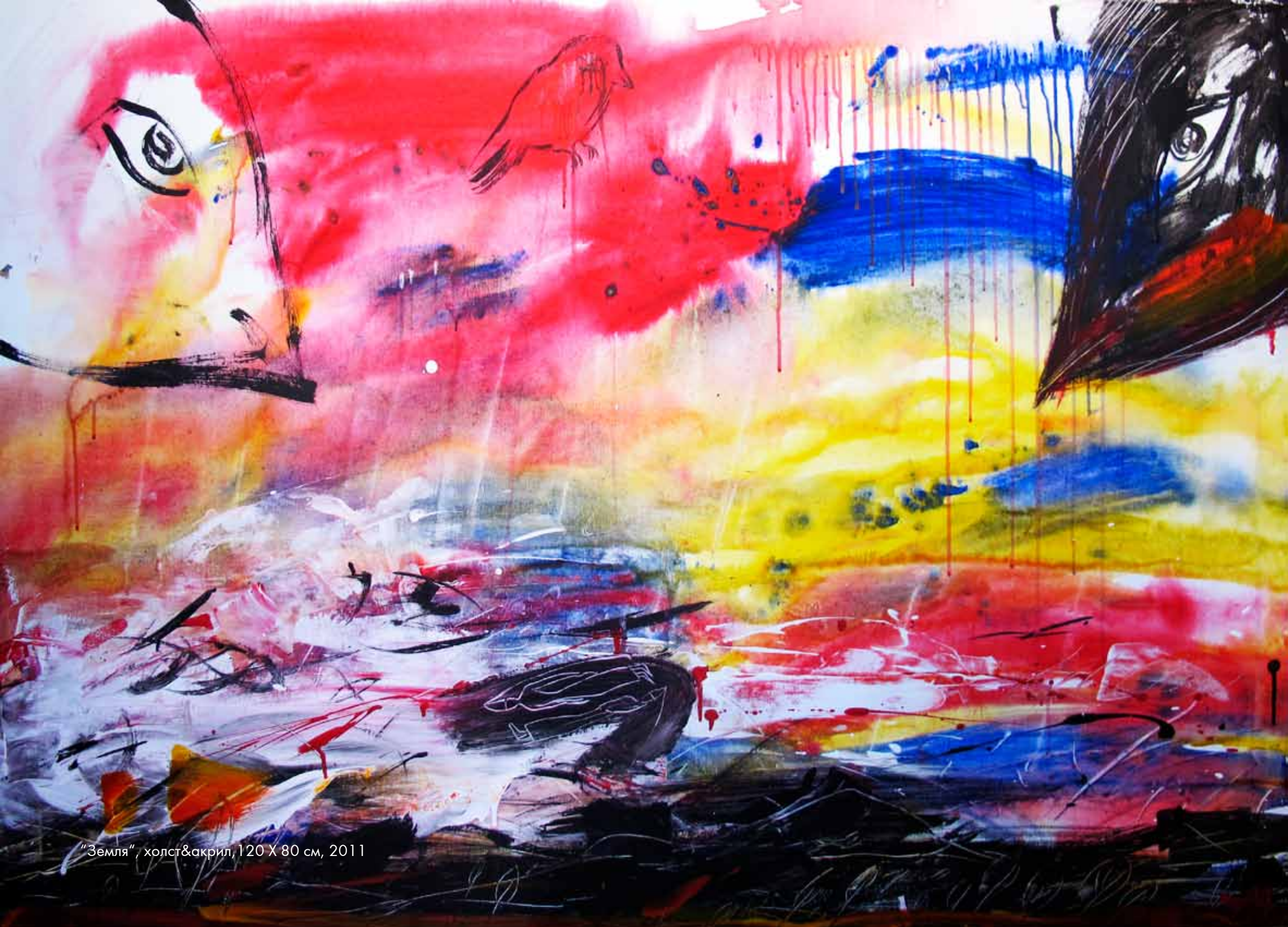
Мои горы, мои реки, мои родники и источники с водой, мои дубы говорят на их языке.

Абра – огромный камень, которым испытывали нартских богатырей.

«Не давай Емынежу пахать, не давай сеять, пока я не узнаю, где находится его душа».

Я должна, наконец, проснуться.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Земля", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Я родилась в прекрасной стране. Мы учили танцы и читали сказки всех пятнадцати республик. Мы жили вместе, перетекая друг в друга. Почему это не продолжилось?

Человечество еще не пришло к той стадии совершенства, чтобы провозгласить равенство.

Даосы говорят, что мы не можем любить других, не научившись любить себя. Но мы не можем по-настоящему любить себя, не став частью целого. Лишь полюбив целое, мы обретаем силу.

Я не знала родины. Хотя, я не представляла, есть ли в наше время у кого-то родина. Мой муж все время грозился нелюбовью к Италии. Но как только оказывался вне ее пределов, он вдруг становился похож на подвешенного в воздухе беспомощного жучка, отчаянно шевелящего лапками.

У меня была маленькая земля, на которой я родилась. Птицы, звери, соседи и деревья. Над этой маленькой землей парили море, газоны с семенами, базар с цыплятами, кулинария с несъедобными котлетами и мама как сказочная фея со свитой. Над морем и мамой - горы, а за ними другие горы, и еще большее море. Дальше, за горами и морем, была Родина, которую нас учили любить, но я ее не очень любила. Я знала, что на востоке живут крабы и киты, на севере якуты, а где-то еще есть пустыни, где папа запускал ракеты.

Моя родина была другая: с инжиром и полянами орешника, колючей ежевикой и дельфинами, рыбаками и минеральными источниками, псеками в бесконечных горах и безмерной соленой водой, утопающей в соснах.

Про нее не существовало книжек и песен, но я любила именно это, даже не зная ее имени.

«Родина - это источник силы и энергии, которую даровал Тха, чтобы народ Адыгэ вечно питался от него, только здесь он обретает и сохраняет силу и величие духа. Ибо величие не есть число, а есть свобода духа и мощь разума».

Мой прапрадед, Качармин, был из переселенцев. Только его переселяла

Екатерина, после завоевания Крымского Ханства Россией. Крымчан переселяли в Рязанскую губернию, и все российские Качармины образовались оттуда, из села Ягодное. Их объединяла повальная тяга к морю и строительству. Мне же передалась только мания к перемене мест.

Откуда они знали такие мудрые слова, эти горные жители, которые не имели даже письменности?

Моя земля была больна. Не первое десятилетие. Мы стали верить в Бога, но не нашли его. Мы променяли искусство на что-то легкое. Мы стали пустыми.

Я родилась в прекрасной стране, по которой все скучают, но не признаются.

Почему мы ее потеряли? Почему потеряли себя?

Русская культура слишком бескомпромиссна. Русская история страшна. Но она есть, и словно свое прошлое, от которого я раньше пыталась сбежать, я принимаю ее. Я основание этой истории, в которой убивали, убивали, убивали. Своих и чужих. Чужие и сами себя. Тысячи, миллионы. Я основание этого.

Человек, рядом с которым ходит смерть, не может врать. Наши поэты в земле, но смотрят сверху. Они смотрят, как безымянные мертвые, по которым прошли бульдозером беспамятства.

Моя земля больна, потому что ей столько раз приходилось возвращать себе душу после электрошока.

Человек однажды приходит к пониманию того, что он не один. Причем, не один не на земле, но не один во всех временах, во всех пространствах. И мертвые вдруг начинают подпирать твой ствол, почти накренившийся, изнутри.

Меня тянуло на Восток, причем так сильно, что я туда однажды ринулась. Именно ринулась, иначе это нельзя назвать. Первый востоком стал Стамбул. Нигде мне не было лучше. Вторым - Ливан, но это был почти не Восток. Потом Афганистан. Это как улететь в открытый космос. В афганцах внутри был не корень, а гранит, они держались за свою землю поколениями наковален,

духом благородства, острым и высоким как шпиль в небо, рядом с которым я почувствовала себя манной кашей. Эмираты. Арабский мир обрушился на меня новомодным базаром. Больше я туда не вернулась.

Мне же хотелось Востока с лесами, горами и снежными вершинами, с конями и черноглазыми прямыми девушками, со звонкими реками, гранатами, пахлавой, улочками, очагом в доме, домашними сыроварнями, старейшинами под чинарой, лавками, где можно купить глиняную посуду и медные ковшки, с рыбацкими лодочками, с базаром специй, где можно встретить и грека, и армянина, и украинца, и татарина, и русского. С высотой души, с теплым морем, с коврами, которыми застилают двор, с многонациональным хороводом, плетущимся вокруг огромного дуба предков...

Я этот мир искала повсюду, а он был здесь, он жил параллельно мне, на моей земле, на земле, где я родилась.

Только в Италии я поняла, как мне ее не хватает, только другой.

Настоящей. Зрячей.

Мне бы хотелось дать каждому по листку бумаги, чтобы он написал на нем всю свою жизнь. И пусть у меня будет двести-триста таких листков. Я их положу в тетрадь и в ней будут лежать двести-триста душ. Человек, написавший свою жизнь на листке бумаги, не может жить по-прежнему.

Я хочу вместить самое главное, я отрезаю лишние слова, ненужные описания. У меня остается слишком много личных местоимений, но как иначе? Это все, что я поняла за время нахождения в этом теле. Мне стыдно писать о других, ведь они знают о себе намного больше. Мне надоело придумывать вымышленных героев, потому что они будут говорить не моими словами.

Нет ничего более несуразного и невероятного, чем жизнь.

Моей маме запрещали рожать, так как папа был несколько раз облучен. Когда я родилась, был странный день – утром град и снег, днем дождь, а вечером выглянуло солнце. Я сильно болела и несколько раз почти умерла. У меня до пяти лет не было волос. Я часто размышляю, что по законам естественного отбора я должна была не быть. Но я осталась.

Я не выбирала Италию своей страной. Но мне здесь как-то все виднее – я сама, мои люди – словно сидишь на горе.

В марте у меня на балконе вылупился голубенок. Я видела его яйцом и желтым уродливым цыпленком. Между чашкой с кофе и стулом он учился летать, бегал по крыше, так как еще не знал как махать крыльями, а теперь, взрослый и похожий на настоящую птицу, сидит на полу и греется на солнце. Целая жизнь за весну. Он ее не понимает. Он внутри, а я снаружи.

Мне необходимо было видеть свою жизнь снаружи, чтобы понять, зачем все.

До и После.

Мне нужно было принять себя в полной проекции бытия, где каждый человек – это окончание пирамиды времен, поколений, слов, музыки, отчаяния. Человек – это не только кровь, нация и религия, он венец взлетов и падений своей земли. Подо мной были не только забытые боги Нартов и великаны Кавказа, моими ногами были Рублев, Филонов и Шаламов. Это были не корни, не кумиры и не предшественники, а именно мои ноги, моя трава, мой ветер, мои родители, мои сны. Мне нельзя было их разочаровать.

Мне часто было больно и плохо, но когда я понимала, что я их цветок, а они ушли вниз, в темное, чтобы я могла родиться частью их слов, то становилось легче. Я вершина и поверхность их земли, подо мной кровь, слезы и надежда.

Надежда на то, что они были не зря.

Мою пустоту заполнили тысячи теней, звуков, голосов, глаз и рук. Они уже жили внутри и делали меня лучше. Просто нужно было не испугаться.

Теперь уже не я, растерянная и обессиленная, стучала в дверь белой глинобитной хижинки в горном ауле в надежде, что мне откроют. Уже не я задавала идиотские вопросы и о чем-то невнятном просила. Плакальщицы умолкли, ведь не все время нести траур. Вокруг меня расселись женщины и дети, витающие духом над горами старики в высоких шапках и молодые юноши, сверкающие злыми глазами.

Есть время скорбеть, но еще – смеяться, танцевать, собирать виноградные грозди и слушать птиц.

Продолжиться.

Теперь они ждали, что скажу я. Я не знала, что мне делать точно, но понимала куда идти. И это было только начало.

....возвращая Память, возвращать Душу...

“Голоса”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Однажды я поняла, что больна. Не физически, а как-то по-другому.

Было нечем дышать, внутри стояло болото, хотелось найти повод разрушить то малое, что мне досталось.

Казалось, что я барахтаюсь как лягушка в кувшине, но молоко не становится маслом.

Подо мной не было ничего твердого. Я все время тонула.

Я спрашивала психолога, ходила на разные форумы, но это были всплески, слабые, как прилив ветра. Я стала искать причину неспособности выплыть изнутри – у меня были миллионы причин не желать плавать вообще, но источник находился вне меня, и даже не надо мной, а где-то глубоко под моими ногами.

Моя душа была больна.

Тогда я решила проделать ход вниз, чтобы найти лекарство.

Наступает возраст и человек приходит к пониманию, что он часть организма. Этому учат все, но мы косвенно этого не принимаем, ведь впустить в себя истину, что ты молекула не только людей, земли, камней, моря, животных, растений, но также мертвых - их мыслей, воспоминаний, времени и какой-то всеобщей взаимосвязанной плазмы, просто страшно. Но происходит слияние и этот страх проходит. На его месте рождается новое чувство ответственности за прошлое и будущее, не только свое, но и других.

Когда я сказала, что буду делать проект о Черкессии, все решили, что я сошла с ума. Также как когда отправилась в Афганистан. Я ни на секунду об этом не пожалела.

«Твоя честь - это твое лицо. Нет ничего дороже Напэ. Потерять ее - значит отступить от Тха и Хабзэ».

У меня были семья, дело, но что-то неподвластное разъедало и становилась все больше.

Мне казалось, что верю в Бога. Я ходила на исповедь, писала грехи, но ничего не менялось.

Кто-то сверху смотрел равнодушными холодными глазами и я понимала, что все не то. Попытки сделать реальности макияж не могли увенчаться успехом. Меня преследовало желание уйти из жизни. Я не видела в ней смысла.

Ребенка из черкесского знатного рода было принято отдавать на воспитание в простую крестьянскую семью, которая растила его до совершеннолетия, после чего между семьями устанавливались отношения, неотличимые от родственных.

Аталычество. Уникальное явление в мировой культуре.

Краснодарская бабка-казачка часто говорила: «Ненавижу тихушников», имея ввиду меня. «Тихо ходишь, как подкрадываешься, ни с кем не встречаешься». К ней приходила племянница, работавшая на фабрике. Она была на год старше меня, шестнадцатилетней, и доверяла бабке свои любовные похождения. Та ее внимательно впитывала и расплачивалась женскими советами. В эти моменты во мне росла буря, но я ее убивала. После очередного письма родителям, мне помогли поменять квартиру. Новая хозяйка была москвичкой, перебравшейся по научной работе в институт зерновых исследований. Она стала для меня Мариной Цветаевой в пожилом возрасте. Они чем-то неуловимым были похожи. Она называла на «вы» всех своих приятельниц и водила показывать им мои картины. Я помню ее первую фразу: «Лена, Вы устали, примите душ», и надо мной разверзлись небеса.

По столу и плите ходили тараканы, она их бережно величала «рыжиками» и не травила, так как перетравила огромное количество сельхознасекомых. Она не умела готовить, цветы стояли в колбах, из них же мы пили вино, в секретере вместо фарфоровых статуэток жили два микроскопа.

Она ездила на дачу «смотреть на небо». У нее были маленькие руки и ноги, я их до сих пор помню. Ручки и ножки. Эпилепсия и одиночество. Она очень любила оперу. Иногда я по ней скучаю.

Подо мною стояло море крови. В нем не было героев, не было голосов, и

не было будущего. Я родилась в городе с адыгейским именем Геленджик, Хьюленджи, «живописная полянка». Последователи Льва Толстого и его философии «простого труда» основали в округе поселения, воспитывали детей, сажали яблони, но почему-то гордо молчали об этнической пустоте местности. В моем классе учились греки и украинцы, немцы и евреи, но не те, на чьем языке говорили деревья.

Я не знала о них ничего, кавказская война закончилась давно и после нее пришли другие потрясения, настолько огромные, что трагедия народа, когда-то жившего на черноморском побережье, уже не казалась актуальной.

Я не могла смотреть на себя в зеркало. Я молилась, мылась, но состояние чистоты не приходило. Я чувствовала себя грязной и слабой.

Я стала задавать вопросы. Я нашла их за километры от Черного моря.

Во мне не было нравственного закона, мне его никто не передал. Это как подставка для статуи. Она либо есть, либо нет. Он был в моей белорусской бабушке, маминой маме, но я ее почти не знала. Я в себе его выращивала, как растение, которое с трудом пробивалась к свету. И только через ненависть к поступкам других, которые могли быть моими поступками, я потихоньку поднималась на свою собственную гору Тхаб.

Человек однажды приходит к точке ответственности за все позади себя. Я могла решить, что меня не касается случившееся сто пятьдесят лет назад, если бы это прошлое не прорастало. Но оно было живо, жива его душа, и она пришла ко мне, и я не могла поступить иначе.

Человек - это не любовь, к сожалению. Ему не дана любовь, он должен за нее сражаться. Человек рождается равнодушным и проходит миллионы километров, чтобы найти что-то теплое внутри.

У людей, населявших мою землю много лет назад, понятие «чести» было основополагающим для взрослых и детей, мужчин и женщин. У них не было четкой религии, но был нравственный закон, в котором вся жизнь была накручена на это старомодное основание.

Уважение, любовь, справедливость и неприятие лжи. Нравственный кодекс. Адыгэ Хабзе.

Что такое духовность?

Напэ.

У моих людей было огромное желание жить в другой стране, но они не могли ничего поделать с собой.

Моя земля была больна, она была обесцечена столько раз. Ее убивали, а потом заматали следы.

Однажды я прочитала у Гинзбург об оргиях, которые устраивали конвоиры и заключенные в лагерной тюрьме для заключенных, приговоренных к смертной казни, «Серпантинке», на колымских приисках. В том месте, где они знали, что нет выхода ни у тех, ни у других. Самым страшным были не убийства, не поедание трупов и приготовление в котле парохода мяса живых людей, а именно «Серпантинка». Я все время ставила себя на место и заключенных, и конвоиров, и не могла понять: перед лицом смерти они становились животными или самими собой?

Рак живет в человеке с детства. Это программа самоликвидации тела, которая приводится в исполнение, когда процент ошибок носителя перевешивает.

Почему ушел весь культурный цвет нации, несший в себе нравственный корень?

Почему русские уничтожили сами себя?

Мы ничего не знаем о времени.

«Боже, это был плохой сон».

Для того, чтобы вернуть душу, я должна была принять память. Взять их всех обратно. Не религию, не книги, не обещания. Я должна была, и каждый сам с собой, и все вместе понять, что честь и память — основания человека, а человек - основание страны.

Однажды эта оргия конвоиров и заключенных должна закончиться.

Мне хотелось чувствовать себя чисто выметенной избой, пахнущей хлебом, снегом и деревом.

Мне нужно было знать, что во мне, за моей спиной, нет ничего гадкого, свербящего и затоптанного. Иначе нет шансов вернуться.

На моем столе лежали скопированные орнаменты древних кавказских ковров, на мониторе - старая карта Кавказа. Со мною на связи находились люди, которые искали похожее. Я видела себя пульсирующей точкой, соединенной множеством нитей, словно капилляров, с именами, сердцами, городами, горами, прошлым и будущим.

Было было страшно, но я понимала, что нет выбора.

Я никогда ничего не делала от себя, просто шла за знаками и совпадениями.

Я нарисовала птицу и мне стало ясно все — от начала и до конца.

Как все началось и чем все закончится.

"Огонь", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Псапэ тхэм йыш! (адыг.) – «Да воспримет Бог как псапэ».

В моей жизни была история, соединившая все кусочки в одно, заставившая пересмотреть представления о добре и зле, о дне и ночи, о любви и одиночестве.

Июль.

За окном плавают облака, но я помню терпкий запах того июля. Музыка в проигрывателе в огромной квартире, где я рисовала по ночам. Море. Тени. Это была история двух волшебников – он взмахивал рукавом и из него сыпались игрушечные зайцы, она делала выдох и на бетоне расцветали фиалки. Я помню свое не-существование и понимание, что любовь – это в принципе лишь ты сам.

Он с самого начала сказал, что любовь между волшебниками невозможна. Но она была. Столько обрушившейся нежности, того, чего в моей жизни больше не существует.

Иногда мне становилось себя жалко. Но я понимала, что все имеет плату.

Люди спят. Этот сон больной. Раньше люди были другими.

Он почему-то стоит рядом со мной и держит за руку. Не отходит.

Псапэ шэи псым хэдзэ (адыг.) – «Сделай добро (псапэ) и брось его в воду»

Мое тело работало в режиме автономии. Я отключилась от людей, от желаний, от каких-то амбиций. Я пыталась завести сердце, а потом поняла, что это глупо. И успокоилась. В сказках волшебники живут в одиночестве. Я была близка к такой сказке. Меня почти не осталось.

Единение. Простота. Свобода.

Делать то, что приносит любовь и делает счастливой.

Главная сила тех, кто хорошо учился, разум.

Я мечтала и это делало меня счастливой. Была ли такая работа?

Человек рождается чистым и спокойным. А потом перестает им быть, потому что вступает в соревнование в погоне за множеством зеркал. По мере достижения каждого на него выпяливается собственная звериная рожа.

Всегда есть кто-то, кто идет впереди. Легко устремиться в погоню, тяжелее быть собой.

Надо спокойно и точно делать своё дело.

Іуэхуым зэрыпхуэш! йынагъшъ (адыг.) – «Дело велико настолько, насколько его возвысишь».

Я быстро теряю баланс и схожу с дистанции. Потому что утром не обрела баланс. А надо каждое утро обретать его.

С тех пор как началось это путешествие, я, заставляя себя жить, двигалась к цели. Какой была цель? Она тоже менялась, и из вытянутого огурцом облака превращалась в дом с камином, парк или старое дерево. Абстрактно мне хотелось быть просто счастливой, но когда я оглядывалась вокруг в попытке найти людей, у которых я могла бы этому научиться, мне становилось грустно.

У меня не было особых причин винить судьбу, но я была недозавершенная в свое первое и последнее «Я» и эти десять процентов незаконченности не давали мне спать, дышать, верить.

«Отныне будете видеть небо разверстым...».

Люди моей земли. Земли, на которой я родилась. Живые и мертвые. Ко мне пришли они и дали знание. Не о семи небесах, не об именах ангелов, не о мифических животных с лицами людей, которых я часто кормила по ночам, и даже не об этрусках, приходивших ко мне и предсказывавших землетрясения, а о простоте и человечности, о со-существовании. И я должна была это передать другим. Или сделать что-то в жизни, что потребует этих знаний.

Я шла по итальянской улице со своей мексиканской собакой мертвых, моей копией и другом, и вычеркивала лишнее. Изначально описание себя было на страницу, и в него входили такие глупости как машина, здоровье, семья, дом, утро в кафе с ажурными столиками, школа итальянского, галерея, книги, аэропорты, библиотека, мастерская, ребенок. И вот этот список я каждый день урезала до самого необходимого. Из него исчезало то, без чего я могла обойтись. В нем стало появляться что-то страшное. И я взглянула в лицо этому страху.

Мне не нужно было ни-че-го.

Больше.

Фиакъыл зы тхъэм йышI (адыг.) – «Единомышленниками Бог вас да сделает».

Это знание имело имя. Адыгэ. Это знание имело кодекс - Адыгэ Хабзе. И это знание имело этический постамент. Адыгэ Нэмыс.

«Человечность, почтительность, разумность, мужество, честь».

Нэмыс зиIэм насып иIэщ (адыг.) – “Тот, кто почтителен, тот и счастлив”.

Мы все знали об этом, но забыли. Мы все коллективно забыли о главном.

Иногда нужно просто о чём-то подумать и понять - это тоже считается делом. То, что подумаете, будет потом использовано, и работа будет сделана.

Мне нужно было успеть. Я уже не боялась ничего другого.

Чэзу зымыIэ шыIэкъым (адыг.) – «Всему свой черед».

Нужно находить то, что имеет звук внутри. Любой поступок меняет будущее. Это можно почувствовать, если понимание или поступок значителен.

Я принимала новую реальность, имя которой было «простота». И только с позиций этой реальности мне приходилось оценивать все внесенное в меня двадцатью годами бытия взрослым человеком.

Человек постоянно находится в состоянии войны с миром, его породившим и эту войну он проигрывает каждую секунду.

Вопрос, который не давал мне покоя: «Я завершенная» не буду ли собой последней? Той, к чему приду, как к последнему вздоху жизни?

Что есть сердце вселенной?

Мне часто казалось, что сделанное мною – предел и больше во мне ничего не будет. Но приходил день и наполнял новыми деталями и смыслами. И тогда я поняла, что человек - бесконечность, но эту бесконечность он может постичь только каждую минуту заканчивая себя, подходя к своей крайней точке.

Нужно быть скромным. И честным.

Помогают тогда, когда хотят учиться, если нет, то оставляют одних.

По мере коррекции списка «Бог дал, Бог взял» тоже изменилось. Я вдруг осознала, что выбор делала именно Я, а не кто-то сверху.

Он не ушел, он был рядом, как и раньше. Но вместо бородатого мужчины с глазами младенца он становился то говорящим облаком, то мордочкой собаки в ночном небе, то поющей птицей.

Иногда Он становился мной. Иногда я понимала, что ошибаюсь во всем....

Я шла маленькими-маленькими шагами, час за часом.

«Человек рождается дважды. Первые раз для себя, а второй раз – для людей».

Я просила о смерти, но Бог посылал время.

И тогда я поняла, что жить или умереть буду решать я сама.

Я всю жизнь шла к самоизоляции, но только сейчас поняла, что это была дорога к людям.

Акъылыр яшъэркъым, къашъэхуыркъым – зэхалъхъэ (адыг.) – «Разум не продают, не покупают, его внедряют в себя».

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Песок", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Мы часто не понимаем главные вещи. Хотя их понять очень просто. Вместо этого мы стараемся утопить свое внимание в бессмыслице. И самое страшное, мы топим в ней внимание других.

Простые вещи самые элементарные.

Этим они и страшны.

Можно ли жить равнрдушием?

Бог был ближе. Он не был буддистом или мусульманином, якутом или евреем.

Он был рядом. Мне отвечал мир и люди - от случайных прохожих до детей.

«Никогда не оправдывайся».

Шынэ зиэм укытэ илэш, укытэ зиэм напэ йылэш (адыг.) – «Знающий страх знает стыд, знающий стыд имеет честь»

Он пришел и подарил мне бесстрашие. Кажется, что любовь дарит теплоту. Но это совсем не так. Чаще боль, которая при пробуждении становится мудрой. И если в тебе есть силы продолжиться, она оставляет бесстрашие. Бесстрашие и безразличие. Так ты превращаешься в человека разумного.

Однажды я нарисовала – любовь это пустыня.

В пустыню осознанно уходят, чтобы остаться.

Бессмертие.

Моим новым местом жизни оказался самый большой некрополь этрусков, второй после египетских пирамид. «Почему ваш ресторан называется Тукулька?». «Тукулька – это этрусский Харон, проводник в мир мертвых». «Почему от этрусков остались только гробницы, но не дома?». «Они считали эту жизнь лишь подготовкой к главной жизни. Гробницы были их настоящими домами».

У меня была собака ацтеков, проводник в царство мертвых, мы с ней каждый день гуляли между гробниц и иногда заходили к Тукульке.

Возвращение – это миф или реальность?

Постепенно моя жизнь превращалась в служение чему-то После.

«Человек живет инстинктом, чувством самосохранения — тем же началом, что и дерево, камень, животное».

Шаламов был моей твердостью. Мне казалось, что он ушел не жалея. Но иногда я понимала, что ошибаюсь.

Нэмысыр лъэлуклэ къахьыркъым(адыг.) – «Честь и признание не достигаются просьбами».

Я учила себя «быть» каждый день. Я училась видеть каждый шаг, различать цветы на деревьях и цвета облаков.

Я молилась. Мне больше не нужно было в соплях умолять, я просто называла имена и они становились рядом.

Тело уходило, как и все вокруг. Окружающего становилось все меньше и меньше. Но я не умирала. Я была тем же человеком, просто сузившимся. Меня уже не волновали выставки, книги, путешествия. Мне нужно было успеть.

Я не знала, сколько у меня на это времени, но подозревала что немного.

«Мой отец, слепой священник, ходил сражаться за Бога. Я водил его под руку, как поводырь. И учился крепости душевной».

Я слабая, но когда-то была сильной. Для меня смерть была освобождением и я часто о ней просила.

Даже зная, что этого делать нельзя, что это слабость.

Этот день был похож на прошлое и будущее одновременно. У него был запах прощания, скорой дороги и осени посередине лета. У этого дня были странные низкие облака с серым дном, свежий ветер, пахнущий горами и заросшие травой дома, в которых давно не было хозяев. У меня все валялось из рук: убежали кофе и собака, разбилась тарелка, вместо ангела с холста глядела мышь.

Я слабая, но когда-то была сильной.

Этот день был вне времени. Так, словно время было искусственно придумано и, наконец, исчезло.

Россия пришла на Кавказ незаконно. Она незаконно выпустила медали «За покорение Черкессии». Она незаконно пришла и неправильно поступила. И ничего и ничем нельзя оправдать. Мы называем белорусских партизан героями, а черкесов – разбойниками, хотя и те, и другие, воевали на своей земле против чужестранцев. Я бы хотела оправдать своих, и даже попыталась, и даже оправдала, но земля ушла из-под ног и небо стало необыкновенно душным. И тогда я прошептала: «Я не сомневаюсь. Больше».

«Никогда не оправдывайся».

Я потерялась на секунду, а потом вернулась.

Я очень сильно попросила.

ЕкӀуымрэ емыкӀуымрэ зэвгъашӀэ (адыг.) – «Стремитесь узнать, что прилично и что неприлично».

Я поняла, что ничего нельзя вернуть обратно. И что невозможно постичь свершение будучи еще здесь, на Земле.

Мое возвращение началось с банального места: самого высокого небоскреба мира. Бурдж Дубай Тауэр. Окна нашей прекрасной квартиры, в которой нельзя было открыть окна из-за нарушения работы климат-контроля, смотрели прямо на шпиль Бурдж Дубай. Мои прогулки осуществлялись по небольшому окруженному водой скверу вокруг нее и шоппинг-моллу Эмирэйтс, населенному русскими продавщицами. Я научилась заходить в дорогие магазины и плавать в бассейне. У меня появился гардероб с платьями. Я снова проскреблась на самую вершину мира, с которой так хорошо видна суть происходящего. И именно там я поняла, что нужно срочно бежать.

Я ушла, а он остался.

Каждый ведет бой только наедине с собой.

ЦӀыхуым хэхьэн хуейшӀ. Ар акъылшӀ. Акъылыр псалъэ зэрыз тӀурытӀушӀ зэрызэхуахьэсыр (адыг.) – «Разум «собирают», осваивая по крупицам одно суждение за другим».

Разум собирают людьми и дорогами.

Это и был мой песок.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Солнце", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Что-то случится.

Вчера болела голова весь день. Болела ночью. Болела утром. Мне снились выставки с моими безобразно-цветочными работами.

Так сложно жить не надеясь.

«Юэм ущ 1 ыхэркъым, шхэм ущ 1 охъ» (адыг.) - «Идущего не догонишь, кушающего догонишь».

Мне нужно было набраться терпения и тишины, чтобы продолжиться. Чтобы соединиться со своей душой, которая все еще стояла в стороне.

Сделать из себя наполненное существо, за которое мне не будет стыдно.

Июль.

«Ц 1 ыху ц 1 ыху щ 1 ыжщ» (адыг.) - «Человек творит, воссоздает человека».

В адыгском языке «любить человека» означает «видеть его хорошим» – ф 1 ыуэ л 1 ьагъуын.

Мне нужно было даже не подпрыгивать, чтобы взлететь, а просто отпустить руки от отчаянно сжимающей их крыши.

Зызыш 1 эж ш 1 ыла мэ зызыл 1 эж къахэк 1 ынт (адыг.) – «Если бы люди могли увидеть себя в истинном свете, нашлись бы такие, кто, ужаснувшись, покончил счеты с жизнью».

Под покровом небес. Английский пациент. Blade Runner. Это все были части чего-то целого во мне: любви, не имеющей пристрастия, пустоты, которая боялась назвать себя пустотой. И света, который на горизонте сливался с морем.

Я распрощалась с детством и юностью. Они остались вместе с музыкой.

Сложно переступить через край, который отделяет остатки трепыхающегося существа от птицы, оторванной от мира и соединенной с ним.

Но однажды нужно принять, что «обратно» не существует.

Пройдя через смерть, человек становится сильным.

Таким, каким его хотел бы видеть Бог.

Чтобы Видеть этого человека.

«Только в аду можно увидеть рай, а вот в раю невозможно, как невозможно на белом нарисовать белое».

Не бойся.

Мне был не нужен учитель.

Мне нужен был человек, который бы сказал: «Ты готова стать собой».

Ты готова.

Стать собой.

Псэм ф 1 ыдэмылажъэ»(адыг.)- «Не потворствуйте душе!»

Почему я вдруг о нем вспоминаю?

Круг замкнулся.

Есть вещи, которые трудно объяснить. То, что нельзя объяснить, невозможно оправдать.

Мне нужно было знать объяснение, потому что я родилась на этой красивой земле, усыпанной цикадами. Мне нужно было знать не для того, чтобы обвинить в убийстве кого-то еще, а для того, чтобы я смогла продолжиться.

Это была страшная история истребления одним народом другого и присвоения чужой родины, под которой поставили подписи русская монархия, православная церковь, русская армия и культура.

Как это не страшно.

Есть ужасающее знание, принесенное в человечество коммивояжерами. Это азбука торговцев и она гласит: «Если с тобой случилось что-то плохое, забудь об этом». Им вторит весь мир, в котором не принимают неуспешных людей.

Этот мир на краю себя.

Те, кто оставил память и передал ее детям, навсегда возненавидели мою страну.

Она напоминала мне огромного страуса завалившегося в песок и боявшегося подняться, ведь прошлое было огромно. Но мы выживали из своего прошлого совсем не те крохи и пытались на них выстоять как канатоходцы.

Марди шъапхъи йы|экъым (адыг.) – «Не имеет ни примера, ни меры».

Мне нужно было дотянуться до солнца.

Мне нужно было взять еще немного неба.

Мне становились смешными все мои мечты.

Я постепенно теряла все, что когда-то было мною.

Вернее то, что никогда не было мною.

Душа становилась сильнее, и я знала, что когда она победит, тело больше не будет нужно.

Зы ц|ыфым зы ц|ыфыр йышьхэпс (адыг.) – «Человек для человека бальзам»

Впереди великая Эпоха Воображения.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Очаг", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Я - русская.

Мне не стыдно, потому что со мной рядом святые и иконописцы, поэты и художники, философы и композиторы, не будь их, я бы изменила фамилию.

Но я не могу без них.

Они – мое единственное начало.

Оправдание всего произошедшего.

Россия – это они.

А еще души, невидящими глазами смотрящие на летящий снег.

Даже когда не могу простить прошлое и не могу придумать объяснение, почему я должна была родиться в Геленджике, который веками населяло племя натухайцев, исчезнувшее благодаря России, я пытаюсь, пытаюсь, пытаюсь восстановить ткань судьбы.

Ты только там, куда ты идешь.

Там, где ты есть, тебя уже нет.

«Гупсыси псальэ, зыплыхьы тI ыс» (адыг.) - «Подумай и говори, осмотри и садись».

Я гналась за собой чистой.

Бесстрашной.

Сильной.

С одной стороны от меня стоял призрак с рожей свиньи. Моей рожей.

С другой - рога козы, новоявленной художницы, возмнившей себя гением.

Мне нужно было взять обратно свою жизнь.

Она была рядом. Но все время убегала от меня.

Он выковал из меня клинок.

Я же пыталась снова нацепить на себя куриные перья.

Простите меня.

Мне часто становится просто невыносимо.

Меньше слов.

Я захожу в старый-старый дом с охапкой сухих веток.

У меня от жары кружиться голова.

Я бросаю на старую каменную лежанку бумажки со стихами, которые, как птицы, часто врываются в утро и сидят там, пока я их не вытащу на свет.

Эти бумажки мучают меня, поэтому я хочу растопить ими очаг.

Меня мучают буквы, люди вокруг, слова, собственная слабость, невозможность не реагировать на мир, раздражение к тем, кто меня раздражает, зависть к тем, кто свободен.

Я хочу собрать все внутри, как хворост, как засушенных птенцов, и поджечь, чтобы стать тихой.

Я не могу изолировать себя от жизни, она мне нужна, просто хочу сжечь все, что было мной.

Двадцать, тридцать лет, которые сделали из меня соломенное чучело.

И я сжигаю.

А потом разгребаю угли и подвешиваю над ними котелок с водой.

На своем собственном пепелище вскипачу воду и заварю чай.

Потом нарву ягод ежевики, приглашу на чаепитие кота, собаку, пару белок и синепузую сойку.

Уи псалъэ гъэлэси, уи нэмыс гъэбыдэ (адыг.) – «Ограничь свою речь и укрепи намыс».

«Что отмечаем?» - протрещит сойка.

«Смерть одного чучела».

«А-а, это чучело с поля подсолнухов, которое между холмами. Я за него ог-ро-менно рада!».

«Это чучело из чучел», - насыпаю сойке ягод ежевики. «Единственная достойная вещь, которая в нем была, это дырявая голова».

Сойка отчаливает, оставив на столе следы своего пребывания. Кот и собака тихо посапывают в углу.

В этой избушке посереде макушек деревьев я остаюсь.

Сушить грибы, носить ветки для огня и знать, что каждый день - последний.

Любовь меняется, потому что меняются люди. Они переросли любовь, которую создали. Но есть другая, которая объединяет в себе все виды: детскую, старческую, братскую, небесную, по-ту-реальную, к мертвым, живым, животным.

Она делает человека менее счастливым, но более другим.

Она рождает Человека в человеке.

Псэ зыхэту хъуам гушлэгъу хуэшлын хуейшь(адыг.) – «Необходимо сочувствовать всем существам, в которых есть душа».

На Руси купцом считали человека, который трижды разорился и трижды встал на ноги.

Первый раз меня скинули с небес, в которые я проскреблась, и те небеса назывались Harvard University. Так я не стала искусствоведам. Второй раз меня скинули с успешной карьеры в одной из крупнейших корпораций. Так я не стала управленцем. Третий раз - с небес бизнеса, у основания которого я стояла, и который ломал всех на своем пути. Так я не стала богатым человеком. Во всех этих падениях была виновата любовь, скорее так – любовь всегда срабатывала как стоп-кран, и падения заканчивались в моем родном городе на берегу Черного моря, где я еще долго не могла понять, что же со мной произошло.

Я поднималась. И только потом понимала, что самое сложное это не пережить крушение, а успеть вовремя переключиться в невесомость. Ведь именно в ней, когда ты видишь мир далеко-далеко внизу, приходит, втекает главное: изменение.

Принять в себя пространство боли.

«Мысль должна быть длинной, речь – короткой» (адыг.)

Они создали идеальную систему, которая не могла быть рождена ни в одной современной религии.

Кодекс уважения.

Уважения к женщине, к старикам, уважения к ребенку, уважения к гостю, уважения к самому себе.

Это было какое-то понимание, пришедшее из далекого прошлого, которое была для нас всех - будущим.

Бзыльфыгъэм жьыгъэ раты(адыг.) -«Женщин почитают как старших».

Кавказ был изолирован от мира, и именно благодаря этой изоляции они сохранили все это.

Этическое, социальное сознание было следующим витком человечества, и носителями его были те, кого Россия считала разбойниками.

Откуда?

В истории нет ошибок, надо просто очень сильно захотеть вспомнить, и это будет дорога в будущее.

Нэмысыншэр нэсыпыншэщ, (адыг.) - «Лишенный почтительности лишается счастья».

Держите меня те, кто меня любит и слышит. На земле и на небе. Кто знает лучшее во мне.

Просто держите.

Прометей был прикован к кавказской скале. Одни считают, что это гора Фетш в Адыгее, другие – что это Орлиные скалы в Сочи. Есть версии даже о мысе Утриш и о горе Эльбрус. Какой бы ни была скала, но он был, о нем есть сказания повсеместно на Кавказе.

Енох написал, что боги научили всему людей, а потом смешались с ними и породили великанов, за что и были наказаны. Книгу Еноха, один из самых уважаемых апокрифов, не включили в Библию, потому что никто ничего не мог в ней понять.

Италия была образована после извержения вулкана, произошедшего 20 000 лет назад. Мягкий вулканический камень, туф, остывшую лаву, этруски использовали для строительства своих гробниц и храмов. Они приплыли с востока и выбрали Италию новой родиной. Их искусство совершенно.

История человечества такая маленькая.

Мы можем провести прямую линию от трилогии Эсхила до фильма «Матрица».

Какой огонь принес Прометей людям?

Скрипят цикады, а дождь все не идет.

Цыфым кӀуэчӀэ лыеу хэлыр акъылы (адыг.) – «В резерве человека сила разума».

Мы только родились.

И даже еще не проснулись.

"Кровь", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Сегодняшний день был похож на дом. Вернее на чувство дома.

У меня никогда не было дома, лишь в детстве.

Мое чувство дома было похоже на мечту Тарковского.

И тогда я решила придумать себе дом, пусть даже его никогда не будет.

В нем обязательно должна быть веранда с круглым столом под абажуром, где можно пить чай с оладушками. Здесь на окне будет мурлыкать кот, на пороге мечтать грустноглазая собака, а на стульях сидеть люди. Перед верандой должна жить огромная сосна или секвойя, в которой шуршат сойки, белки, совы и летучие мыши. У дома должен быть очаг и крыша. А еще я хочу видеть, когда просыпаюсь, хвойные ветки и горы.

Мне все равно, в какой стране будет этот дом - хоть во сне, хоть на другой планете.

Псапэ куэд хъуыркъым (адыг.) - «Не бывает и не может быть излишка псапэ».

Я спотыкаюсь не когда скулю, а когда решаю, что могу. И сразу щелчок. Потому что после каждого «могу» приходит зависть к тем, кто может лучше, и начинается погоня. И в этой погоне я знаю, что проиграю. Потому что «я могу» - не обо мне. И тогда я тихо прошу: «Дай не оглянуться».

Дай просто идти по дороге.

Я не жаловалась. Только себе. Но у меня не было выбора, потому что на большой земле, в большой жизни, я никогда не могла найти себе места.

Уже.

Бзэджэ пшлэныр лыгъэкъым, лыгъэр фы пшлэныршъ, (адыг.) – «В злодеянии нет мужества, мужество в благодеянии».

Я становилась тверже. Дышать становилось легче. Я не ела половины продуктов,

не пила и почти забыла о сладком. Просыпалась на рассвете.

Buona Vista Social Club. Я их слышала даже во сне.

«Думай чувствами, чувствуй разумом».

Бутырка. Она так похожи, это две тюрьмы. Когда меня шатало, я читала тексты Шаламова.

Они знали рецепт человека.

Однажды мне было очень плохо. Все делала правильно, и – потерялась. Как всегда. И тогда мне подарили Евангелие, которое всегда лежало рядом. Просто в один момент все совпало - Афганистан, землетрясения, люди с глазами ангелов, пыль, боль, отчаяние. И это совпадение сделало буквы большими, чтобы я их увидела. Тогда я поняла, что такое причащение.

Среди сотен книг о Черкессии, которые мне прислали, я пыталась найти то, что отразится внутри. Мне нужно было зацепиться за что-то. Километры текстов о зверствах русских генералов, о жестокости черкесских князей мне порядком надоели, и мне уже не было жалко ни тех, ни других. «История имеет свой смысл в будущем», - говорила я и ползла дальше.

Но потом пришел день и принес мне Адыгэ Нэмыс. Эта книга вдруг упала как камень на дно колодца и я услышала всплеск воды.

Я все это уже знала. Про уважение, про равенство, про беззаветное служение делу.

Я все это знала из своего пионерского детства – вот что было самое странное.

Моя сердцевина была советского производства, как старый тяжелый облезлый утюг, но она была, потому что иначе, как все могло прийти в движение?

В течение шести веков, с четырнадцатого по почти двадцатый, адыгская этика, адыгский этикет (адыгэ нэмыс) и моральный кодекс адыгского рыцарства (уэркъ

хабзэ) оставались эталоном нравственной культуры народов Кавказа.

В пятнадцатом веке пала Византия.

Из золотой империи, оставленной Западом и не устоявшей перед тюркскими племенами, эвакуировались тысячи носителей высочайшей культуры и той, самой первой, философии. Один из них, Абакум, мой пра-пра-прадед, оказался в Крыму. А после, его потомки, уже были переселены в село Ягодное под Рязанью. Все Качармины были высоченными, голубоглазыми и русыми, с греческими именами.

Черкес намысха – дуньяда зат жетмез (адыг.) – «Нет ничего на свете, что может сравниться с черкесским этикетом (черкесским нэмысом)».

Нам передали душу, мы ее не могли вырастить в степях и лесах, не могли позаимствовать в Хазарском Каганате или взять напрокат у викингов.

Душу нам передали Феофан Грек и Дионисий, Григорий Палама и Кирилл с Мефодием.

Как все могло совпасть?

Я не знала, можно ли вернуться к нормальному подобию улыбающегося красивого человека, или это дорога домой. Я не боялась смерти, она всегда была рядом. Но перед лицом смерти, зная, что она через год, через полгода, через месяц, о чем бы я попросила?

Я долго думала. Я думала, когда шла по улице и говорила с теми, кого люблю. Когда смотрела на эту странную землю – Италию. Когда пришла и принимала душ, и за стеной слышались детские шаги, это бегал ребенок, хотя я знала, что ванная комната не имеет никаких соседских стен. И тогда я поняла: мне бы хотелось стать частью людей. Чтобы то, что я делаю, стало их частью.

И я просила еще немного времени. Чтобы я успела стать тем, что делаю.

Чтобы я перестала спешить.

Делэм уз ф|эк|, губзыгъэр езыр кыпф| эк|ынщ (адыг.) - «Глупого ты обойди, а умный сам тебя обойдет».

Все будет в свой срок.

«Каждый день я боялся, что силы кончатся, что я уже не напишу ни строчки, не сумею написать всего, что хотел».

Хахуагъэ – победа человека над обстоятельствами и над самим собой.

Есть люди, которые нашли мир и будут жить прекрасно и вечно, но голоса их звучат тихо.

«Мои рассказы — это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе. Не только левее левых, но и подлиннее подлинных. Чтобы кровь была настоящей, безымянной».

Я сама, моя земля, моя страна, были больны. Самое страшное, что в этой оргии само-низвержения все отдавали себе отчет, ведь за плечами не было ничего нормального.

Шаламова спасла совесть. Он умер в доме престарелых.

Каждое утро я молюсь моим любимым святым и иконописцам.

Я прошу их стоять рядом и помогать быть сильной и свободной, не отчаиваться и не надеяться на другую жизнь.

Зи нэгу кьабзэм йыгур кьабзэш(адыг.) – «Чистый взгляд – чистое сердце»

И чтобы кровь была настоящей: безымянной.

Я знала, что когда-то уже была С собой.

Только забыла об этом.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Хлеб", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Еще один удар.

Но я его переносу прямо.

Как будто ничего не видела и не слышала.

Ведь та, которая реагировала на мир – сгорела.

А та, что осталась, еще не научилась поведению.

Меня оградили от жизни. Не существовало таких проблем, которые бы мне нужно было решать. Я их просто перестала замечать.

Моя жизнь текла как река в разговоре в самой собой, голосами мертвых и многостраничными текстами, которые по семь штук в день мне приходилось в себя запихивать.

Ко мне приходило понимание начала и конца, но потом это край отодвигался.

Когда становилось грустно, я переносилась в другие места и времена. Мне было очень уютно в советском прошлом, среди ученых и художников, я представляла НИИ, разные пансионаты, в которых отдыхали писатели на берегу моря, их разговоры, подобные монологам из книг Ефремова и мне становилось спокойно. Я знала, что они есть, что они живы, что они все еще Там.

Я читала историю черкесов, их этику и нартский эпос, а мысли все чаще заносили меня в двадцатый век моей страны. Я была к нему привязана якорями и путами, не могла оторваться, и только сейчас поняла – как я могу оторваться от самой себя?

У меня пока было две родины, которые я помнила – Кавказ и Советский Союз. Мне было жалко себя и всех, кто ошибся. Кто танцевал как маленькие адыгские карлики, испы, на теле заваленного нарта-великана. Мы все схватились за мечту о еде, одежде и побежали как арестанты, волоча за собой веревки, по рукам и ногам связавшие нас всех: малороссов, белорусов, казахов, калмыков, армян. Мы все устремились за самой тупой мечтой на свете и дружно упали в

пропасть, на дне которой не нашли ничего.

Я пробую объяснить ошибки Российской империи на Кавказе. Я осуждаю, но этим самым я кажусь себе фарисеем, так как на моей памяти была революция 1991 года и развал Советского Союза. Когда этот гигант заваливался, было весело и казалось, что мы поступаем правильно, и что впереди – рай. И только через двадцать лет те, кто были взрослыми в тот момент, те, кто были детьми, те, кто спрыгнули с этого корабля или остались на нем, поняли, что потерянное имело необратимую ценность. И лишь когда мы всего лишились, потерянное засияло грустью.

Почему мы разрушаем все своими руками? Почему Россия не устояла перед октябрьской революцией? Почему нужно было присоединять Грузию и Азербайджан ценой ликвидации Черкессии? Мы же могли просто начать развивать эту землю, строить дороги, заводы, открывать школы, развивать письменность и цивилизация сделала бы свое дело. Зачем нужно было убивать? Могло ли вообще произойти иначе?

Зачем с 1917 по 1953 умерло в пять раз больше людей от рук своих же, чем от рук Гитлера?

Зачем мы, построив в итоге на этом кладбище какое-то подобие дома из фильма «Солярис», подошли к этому строению и подожгли его?

Зачем во мне столько жизней?

Я часто переносилась в Абхазию. Мне снились горы и перевалы, идущие от моря. В моих снах давно существовала отдельная страна, помещенная в какое-то будущее-прошлое. В ней были пальмы, мороженое на палочке, танцплощадки, города на пике гор, туманы, утесы, кто-то сочиняющий стихи или музыку, женщина-в-белом-с-книгой, мужчина, курящий сигарету, облокотившись на балясины, катера, исчезающие в горизонте, утреннее поле с рекой посередине, сады.

Это был мир, нарисованный во сне. Он не принадлежал какой-то одной стране, лишь одной земле.

Моей земле.

«Проза будущего кажется мне прозой простой, где нет никакой витиеватости, с точным языком, где лишь время от времени возникает новое, впервые увиденное — деталь или подробность, описанная ярко. Этим деталям читатель должен удивиться и поверить всему рассказу».

Мне всегда приходил летающий сон с горами, когда я освобождалась от какого-то наваждения.

Гуыр зыдаклорэм клуэшурэр лышлу (адыг.) – «Способный сделать то, к чему призывает сердце, – благородный муж».

Я видела демонов и самого страшного из них. Я проснулась ночью, горел экран телевизора и в нем было синее лицо, впившееся в меня, где лишь впадины вместо глаз. Меня трясло, я молилась перед зажженной свечей пока не наступило утро. Два дня не проходил вкус железа во рту. Тогда они победили, но не меня, а другого. Через день умер человек, а еще через день у меня забрали любовь. Мне оставили что-то похожее на новую душу.

За мной приходила смерть, но какая-то золотая нить заставляла выползать и просить пронести над пропастью. Я говорила и звук летел как стрела: «Выбираю жизнь». А потом что-то соскальзывало, я снова падала и шептала: «Господи, забери меня отсюда...».

Я пыталась понять, что такое человек. Один и много. В их силе и слабости. В их перетекании друг в друга.

Я пыталась стать одним из них.

Псалъэшхуэ тхъэшхуэ и жагъуэшъ (адыг.) – «Длинная речь Богу противна».

Венчает этику Жабаци Казанок категория «лъэпкъ» - «род», «народ» и тесно с ним сопряженные категории «родина», «страна», «родимый край».

Родина — пристанище человека и человеческих дел. Единственное питание человека.

Я не знала, был ли механизм нравственности заложен от рождения. Была ли это прививка от падения?

Я знала, кем хочу быть, и от чего прошу отделиться.

Чтобы став камнем не превратиться в камень.

Я пыталась кормить свою душу отчаянием, опасностями, лишениями и верой.

Но она оставалась голодной, потому что каждая вера должна служить другому, ведь все мы связаны, как элементы одной огромной грибницы.

Я пыталась ее кормить одиночеством и смертью, пыталась кормить любовью, но ей было все равно.

Я так устала.

И тогда я спросила внутри себя ту, которая только родилась, ту, которая еще не знала много слов и еще не разделилась: «Чем смогу накормить тебя?».

И услышала тихий ответ:

- Хлебом.

Небо начинается прямо от земли.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Соль", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Мне хотелось соединить небо и землю.

Не выбирать аскетизм или дадаизм, а принять существование одного из элементов биосистемы.

Просто более разумного элемента.

Стать чем-то менее карабкающимся.

Мы скушаем по чистоте как испачкавшиеся ангелы.

Гроза.

Я отказалась от серого советского наследия, где все были одинаковые, а мир пришел к этому андрогизму эволюционно.

Оттолкнуться от себя: видящей, равнодушной, слушающей кошек, тихой, тихой, тихой. Такую себя я забыла в парке в восемьдесят девятом году, так как впереди была эпоха «Up close & personal». Мне нужно было запрыгнуть в этот фильм. И я запрыгнула. Но главное во мне именно из серого мира - того, где долго думают.

У меня появились любимые вещи: аэропорт Франкфурта, салат Табули, ливанский хлеб, суп Клам Чаудер, фотоаппарат Ломо, библиотека Гарварда, афганские розы, крем-де-кофе, Новая Англия, Порт Эрколи. Да вроде и все.

Так мало.

Я читала историю и моя земля оживала. На ней выдавали замуж девушек, ждали в лодке у берега, смотрели, щурясь, на закат солнца в море, пекли хлеб, ехали в повозке по перевалам. Но в ней также были Белла и парус контрабандистов Лермонтова, босые ноги Горького и старуха Ких Джангирова.

В ней было все слито воедино - кровь, небо и слезы.

Хъуышхъуэри ебгъэлеймэ шхъуыхъшъ (адыг.) – «В дозах, превышающих меру, и лекарство яд».

Мы удачно придумали, что «не помнить» - это решение.

Я нарисовала картинку, где по небу плывет хлеб. И у него был один глаз. А потом в темноте я присмотрелась и увидела второй. Второе всегда тише и страшнее, но оно есть. И оно мне снится всю мою жизнь.

Я видела сон, в котором меня убили. Чем-то стукнули по голове. А после этого в глазах был такой серый мелькающий экран телевизора – смерть. Я проснулась в холодном поту, в дверь ломился и скулил Чак, моя собака-проводник.

Соль.

«За пределами света никогда не бывает темно».

Я переносила себя на маленькое место в нашем старом офисе с окном на кирпичную стену, где играли тени от сосен. В этот офис мы ходили в мамой пешком каждое утро, впереди была неизвестность и надежда. Мы открыли школу, у нас впервые появились деньги посидеть в кафе, я надела платья, похудела и отпустила волосы. Мои тексты перетекали из одного в другой, я отсчитывала свою жизнь по количеству строчек.

«Когда говорят о ком-либо: лыгъэ хэльшъ – «обладает мужеством», обычно имеют ввиду, что он честен, добр, внимателен, скромнен».

Я скучала по своему городу. По людям. Мое молчание длилось 10 месяцев. За это время можно было уже выносить ребенка. И он вынашивался – этим ребенком была я сама. Я та же, но немного другая.

Меня учили не внутреннему сумасшествию, не путешествиям по вселенной, не смелости или любви, но поведению просто человека. Вниманию, соединению, сопереживанию, бескорыстию и стойкости. И я училась, потому что все остальное у меня было.

Гуыгъу уызэрехъар псапэу тхъэм къуитыж (адыг.) – «За все испытания, через которые ты прошел, да воздаст тебе Бог благоденствием и спасением твоей души».

«И это вся его жизнь, в которой ему самому изначально не было места».

Я завидую всем, кто свободен от зависти.

Моя дорога к счастью была страннейшей. Я себя точила как карандаш и записывала отвалившееся в блокнот. Я хотела всего лишь превратить себя из человека в Человека. Мое счастье было простым. Но достичь его никак не получалось.

Мой Человек мне казался самым красивым. Но пока это был лишь воздушный силуэт.

Мне казалось, что двое – останутся. Только это будет любовь другая. Та, которая продолжится После. Бескрайняя, странная, безвременная, всеобъемлющая. И это будет больше того, что люди привыкли называть любовью, потому что реальность всегда мала.

Я скучала по своей земле, но знала, что она, идеальная, лишь в моем воображении.

Она со мной, как волшебный чемодан Шадаб Виаджи. Я открывала этот чемодан, сидя на итальянском камне в этрусском некрополе Бандитакья, и со мной рядом опускались маленькие говорящие теплоходы и самолеты Ан-24, глиссеры, на которых можно было кататься за пятнадцать копеек, и со всех улетали шляпы, и вальс «Амурские волны», который я так и не поставила на похоронах Бабули. Там были горы с телебашней, ноги в октябрьской морской воде, газировка из автомата. Из чемодана выпрыгивала моя кошка Ю-ю, раздавленная машиной и звонко говорила мне «М-м-м-урк», я доставала из него свою хризантему со странным именем «Белая лебедь», которая засохла и куст бесконечного ночного жасмина.

Здесь была виноградная беседка, инжир, посаженный в день моего рождения, дети на утреннике в мамином детском саду, и она, красивая заведующая с накрученными волосами и бусами. Из чемодана высыпались снег, родительские друзья-йоги, ветер, запах нового года, песня «Ты слышишь море», мой зеленый ранец, пожелтевший вентилятор, синие пластиковые пластинки, одеяло «серушечка», алюминиевая кастрюлька и фотографии моих прадедушки и прабабушки.

Это все я раскладывала на траве. А потом каталась как кот в валерьянке.

Мне некуда возвращаться. Этого мира не существует. Он есть лишь в моем чемодане и памяти тех, которые, открыв окно странному ветру, вдруг улетают в теплое время других людей: смелых космонавтов и бородатых ученых.

Тхьэм уигьэлуэтэж (адыг.) – «Бог это горе с легким сердцем пусть даст тебе вспоминать»

На мгновенье.

Иногда мне становилось грустно, и тогда я вспоминала любовь – от самой смешной до самой беспредельной. Я ее назвала простым именем. «Счастье». Оно никогда не стало моей семьей, моими детьми. Оно не проросло в дом, рукоделие и ожидание ночи. Мое счастье всегда было поднебесным и в нем было больше грез, чем реальности.

Я приходила к безвременью сначала спонтанно, через потери, а потом уже осознанно, создавая вокруг себя вакуум. В него проникала жизнь, из него истекала жизнь. Но она была совсем другой. И грустной, и высокой.

Мне хотелось слушать.

Ко мне пришли тени и силы, имени которых я не знала.

Полнота человека – это служение другим.

Уинэмыс нэхь льягэ уыхьу (адыг.) – «Твоя честь да будет еще выше».

Нет такой вины, которая бы не явилась в итоге круговой порукой.

Мой новый метод вырабатывался годами и, наконец, я перешла в ту стадию почасового существования, которое подчинялось только внешнему движению. Этот метод не был тяжелым, но чтобы до него добраться мне потребовалась целая вечность. Суть его была отпустить жизнь в ее собственное течение и не создавать препятствий. Не спешить, не отставать, не наполнять пространство негативными звуками. Тело я перевела на автопилот. Я вдруг поняла, что можно не тратить ни грамма энергии разума на то, что случается само собой. Когда я перестала создавать препятствия миру, он радостно вздохнул.

И не потому, что я поумнела.

Я завидую тем, кто свободен. Я завидую им смертельной завистью, потому что

для меня каждый день это ожидание казни, которая все никак не происходит.

И так длится и длится и длится эта пытка.

Зышъхъэ уасэ фэзымышыжырэм уасэ йы|эп (адыг.) – «Невелика цена человека, который сам себя не ценит».

Мне хотелось подпрыгнуть и удержаться в воздухе.

Мое лето 2004 года не запечатлено ни на одной фотографии, но я его помню. Я дизайнерила, мечтала, писала, плакала и ходила все время по одной улице. И это тоже был июль. С грозами, ливнями и потоками между пальцев ног. Июль, уносивший любовь, очищающий. И после очищения приходила смерть, но не серым экраном, а тишиной.

Чтобы то, что ты делаешь, стало частью людей, ты сама должна стать частью этого.

В августе после сдачи в печать семи буклетов я поняла, что такое дойти до края.

К сентябрю мы сняли для своей школы дом с сумасшедшей хозяйкой и я снова пробралась на кухню, где нашла окно в зарослевый тупик. А потом я купила себе ботинки на каблучке и в октябре уехала в Афганистан. Потому что окно стало для меня слишком узким миром, а мне нужно было сделать вдох.

Двадцать восьмое июля две тысячи одиннадцатого года.

Так просто.

"Дорога", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

У них не было городов, лишь рассыпанные по горам аулы.

Они легко покидали свои дома турлучного типа, а по завершении вторжения русских войск быстро их отстраивали.

Это слово, «турлучный», несколько дней не давало мне покоя, пока я не нашла его значение.

Деревянно-соломенный скелет, обмазанный глиной.

Дом моего детства.

С глиняными стенками, выкрашенными известью, где мы жили вместе с Бабулей и кошками. В нем иногда я выковыривала кусочки глины и добиралась до палочек. В его стенки засыпала, на его лампе ко мне приходил бородатый человек, говоривший на неизвестном языке. На его стеклянной крыше, покрытой облетающей туей, мне было видно голубей и снег.

Лишь одна фотография, которая у меня от него осталась.

Мой единственный дом. Турлучный.

На фотографии мой папа маленький, молодая Бабуля, еще до падения во время наводнения, сделавшего ее инвалидом на всю жизнь и мой дед, Григорий Асеев, который умер за много лет до моего рождения.

Всю жизнь он был просто далеким именем в помяннике. Это он построил для нее стеклянную крышу и веранду, так как она почти не выходила из дома.

Изящный, какой-то вкрадчиво-птичий, с копной стоящих дыбом черных волос.

И он мне - улыбался. С фотографии.

Все остальные были отсканированной бумагой, а он улыбался. Смешливыми грустными голубыми глазами.

«Я тебя вижу».

Дигория - местность на Кавказе, откуда родом все Асеевы. Ирон и Дыгорон - две основных ветви Алании, и некоторые историки склоняются к тому, что светлоглазые и тонкие дигорцы, Дыгорон, были адыгского происхождения (а-дыгорон), в отличие от ирано-арийских Ирон.

Все соединилось вдруг. Мне хотелось увеличить и впрыгнуть в эту картинку на мониторе, но она лишь превращалась в размытые пиксели.

Через него посмотрели все, кого я любила, все, о ком скучала.

Слова, боль, недосказанность, время.

В прошлом и будущем.

В этих глазах на одно мгновение отразилось вся моя жизнь.

«И я тебя вижу».

Они были такие красивые.

Мой папа жил сам по себе. Мама жила с людьми, но чаще одна. Я жила сама по себе, но понимала, что это неправильно. Но я не могла прийти к ним без ничего.

Я снова, снова, снова догоняла себя.

«Надо брать на себя немножко больше, чем кажется достаточным» (адыг.).

Льет дождь. Июльский дождь перед августом.

Моим месяцем смерти.

Я уснула и спала весь день. В каком-то забытье.

Тридцать первое июля.

Я ненавидела свою фамилию по одной причине. Марина Цаетаева перед смертью написала письмо советскому “поэту” Николаю Асееву с просьбой позаботиться о ее сыне, Муре, как о своем собственном сыне. Асеев отправил Мура в детский дом. И вдруг несколько дней назад я узнала, что “Николай Асеев” было псевдонимом Николая Штальбаума, сына львовского страхового агента.

Черкесия девятьсот лет, вплоть до Орды, была христианской. И только в 16 веке была вынуждена примкнуть к Турции и Крымскому Ханству. Поступила ли бы Турция так же, если бы по договору 1829 года Черкесия осталась ее колонией? Наверняка, Турция бы сделала все, что бы черкесы стали турками. Были бы уничтожены Грузия и Армения. Не пришло бы короткое время культурного возрождения во время Советского Союза. Но Турция вряд ли бы стала убивать почти все население, так как они были единомысленны.

Во мне не должно было остаться темных углов.

Я хотела проснуться и знать, что нет ничего, что бы делало меня тяжелой.

Пустота. Ничего не предопределено. Нет ничего такого, чего нельзя было бы избежать. Очиститься можно только делами. Мы изменяем будущее каждую секунду.

Цыхуыр гъэлапIи, уишхъэр лапIэ хъуншъ (адыг.) – «Почитай людей и сам будешь почитаем».

Их чистая-чистая мелодия, воистину из допотопных времен, сохранялась в неприступных лесах Кавказа. Их древнее единобожие никогда не было язычеством в чистом виде.

Карл Маркс хотел избавиться ото всех древних народов, включая своих же.

Знание трансформируется в понимание.

На короткое время прекратился дождь. На голубом небе были белые лапы большой итальянской пастушьей собаки. А потом в луже асфальта я увидела раду. Подняла голову – действительно радуга. Первая в этом году. Посередине серого неба.

Столкновение жадной и умной цивилизации землян с социально гармоничной, этично- и экологично-ориентированной цивилизацией аборигенов планеты Пандора.

Люди устремились по пути разделения. Люди не поняли, что им сказали, и из знаний сделали инструменты власти.

Противоядие миру – человек соединенный.

Для меня Восток не был черным миром. Я туда сознательно шла, чтобы найти, и находила.

Я приняла Восток как свою вторую жизнь. Для меня Ислам, его мир, его минареты, его люди стали родными. Не везде, но в тех местах, где им жилось тяжелее всего, где молились перед подписанием каждого договора, где добрые и цепкие глаза афганского министра энергетики в тюрбане прожигали до дна.

Я понимала, от чего защищался Запад. От собственного страха. Запад был обречен. И не потому, что культура Европы была дряхла, а потому что она, как заменитель веры, тоже была отставлена в сторону.

В мир пришло опустошение и даже источники рядом не могли его наполнить.

Советский Союз провозгласил равенство. А потом все испугались и решили, что ошиблись. Россия всегда была первой, но никогда не пользовалась своими открытиями.

Адыгэ Нэмыс и Адыгэ Хабзе не были частью религии. Это были очень древние основания человечности.

«Вы все поймете потом», - ответил монах из Афона на вопрос о смысле Советского Союза.

«Мы все пойдем потом», - говорю я себе, когда спрашиваю, почему Россия разрушила Черкесию.

Почему так сложились обстоятельства: подстрекательства Англии и Турции, объявление войны на Черном море, мюридизм, не совсем успешные попытки защитить христианские страны на Востоке.

Падение Византии. Освобождение Балкан. Революция. ГУЛАГ.

Что все это значило?

Можем ли мы понять одновременно начало и конец?

Можем ли увидеть историю в шевелящемся шаре, где все соединено, все перетекает из одного в другое, предопределено и одновременно оставлено на человеческий выбор? Где ангелы учат людей астрологии и являются пророкам, где тонут и покрываются льдом цивилизации, где Ной строит корабль и взрывается Хиросима.

У меня на крыше поселился голубенок. Голубенок-номер-два. Мы нашли его на дороге. Он отважно шел пешком по асфальту, прямо посередине машин, с коротенькими и еще не пригодными для полетов крыльями и желтым пухом на голове. Я его перенесла в кусты, зная заранее, что он продержится максимум один день. И уже стали уходить, но Чак вырвался, забрался носом в колючки и вытащил его оттуда. Мы его принесли домой, он оклемался и начал есть муку с водой из шприца. И еще через день клевать семечки, как заводная машинка.

Как странно все связано. Озверение людей.

«Отливший из сердца колокол».

Все заверчено в один клубок совпадений, знаков, слов, случайных случайностей, людей, проходящих мимо и обронивших фразу. Мир все время находится в диалоге. Я задаю вопрос, и мне отвечают тексты.

«Я поняла», - шепчу в небо.

«Господь всегда был со мною рядом. Он и сейчас рядом. И ты - это тоже Он. Как последний резерв бытия, как то, что не позволит мне оказаться поверженным».

Я вчера думала, что такое счастье. Лично для меня. Мне кажется, мы все должны хорошенько разобраться с самими собой, прежде чем начинать приносить свои суждения. Прежде чем вообще их формировать.

Цыхум хуэпц| пц|эр зыхуэпц|ыр уишьхьэш (адыг.). – «Уважение, которое ты оказываешь другому человеку, суть уважение, которое ты оказываешь самому себе».

Любовь всеобща. Не нужно разделять ее. Или ждать, что она придет или

вернется. Имеющий любовь знает ее главный секрет - единство. Равенство перед Богом.

Щ|эблэ зимы|эм мыгъуэр йымахуэш (адыг.). – «Общество, не имеющее достойной смены, ожидает трагичный конец».

Он пришел в мою жизнь таким же странным летом, чтобы соединить все произошедшее со мной в одну цепочку. Моя судьба вдруг казалась начертанной передо мной как программный код, и в этот круг повторений, который тянулся за мной по всем странам мира, вдруг ворвался ветер и разорвал обязательства, данные до моего рождения. Я увидела себя совсем не той, к которой привыкла. Я вспомнила все и улыбнулась этому ветру, который, растаяв, принес самый тихий и самый желтый август на свете.

Мне казалось, что я умру. Но это было лишь наваждение. Тогда я просила: «Господи, дай мне выстоять».

И сейчас я прошу:

«Господи, дай выстоять, чтобы продолжать путь. Дай мне быть рядом со всеми – живыми и мертвыми. Дай видеть и слышать. Дай быть с другими, быть частью. Дай не ослепнуть. Дай помнить, что если мы начнем разрушаться, то никогда не сможем соединить все в одну единственную картинку».

У России должно быть будущее. Над ней тени всех, кто умер, держа в руках ее сердце.

«Господи, мои ангелы, мои небесные бесплотные силы, начала и господства, удостойте стоять твердо, знать, что настоящее не внизу, и неверху, а вокруг и во мне, удостойте иметь мужество, удостойте отличать истину, удостойте иметь сердце».

Не спеши. Ты все успеешь. У меня день. А после – я поеду в страну, которой нет на карте и которая мне только снилась. Смогу ли я что-то сделать? Я просто буду идти за разворачивающимся свертком и стараться быть честной.

Псэ быдэ, тхьэм йыш| (адыг.). – «Крепкой его душу Бог да сделает».

Дорога домой?

Спасибо.

“Дождь”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Он шел день и ночь. И снова ночь. И опять день. Он шел день и ночь, но он не был слезами.

Уэшх - дождь.

Священный месяц август. Мой месяц смерти.

Это всегда так. Не умирая, ты не можешь продолжиться. Вернее так - чтобы понять, что ты на верном пути, и то, что ты делаешь это единственное возможное развитие событий, нужно умирать снова и снова. Рождаясь. Немного более взрослым.

Но он не был слезами. Он был водой, которая умывала.

О чем я? О том, что земля нас слышит? О том, что совпадения, знаки, путь – это дорога, по которой нужно пройти? О том, что можно быть счастливой?

Мы лишь там, где открываются одновременно глаза неба и земли, и через них ты соединяешься со всеми, превращаясь в антенну, которая отдает и получает.

У меня не было родины. Я ее искала. Мне везде чего-то не хватало. И я бы ее никогда не нашла, если бы не захотела увидеть все по-другому.

В моих снах были дорога, ущелья и реки, горы.

Если бы не захотела увидеть по-другому Себя.

Я слышала ее стуком дождя по стеклу.

Мы сели на машину и проехали всю эту землю – от моря до Эльбруса. Она была зеленая и прекрасная. И она меня видела.

У адыгов не было учения о загробной жизни, так как они не верили в прошлое и будущее. Все времена существовали в шаре, одновременно, продолжаясь и замыкаясь в одном целом.

Они все рядом – тонкие высокие девушки и горячие юноши, танцующие на носочках, великаны Нарты и дольменные карлики Испы, катающиеся на зайцах, кони и покрытые соломой длинные дома.

Мои волосы, мои руки. Моя земля, моя страна. Все перемешано...

Феофан Затворник писал, что почувствовать Бога можно только делая что-то.

В Коране сказано, что Всевышний создал разные религии, чтобы люди соревновались между собой в праведности.

Я научилась балансировать над пропастью. Я не понимала, зачем делаю все это. У меня просто не было выбора. Да и выхода. Каждое утро я сверялась с изображением на своем мониторе.

Мне было страшно, и лень, и ужасно надоело, но я знала, может первый раз в своей жизни, что «Иначе» не существует. Иначе – снова брожение в сумерках в попытках найти выход из тумана. Легче умереть.

Уалэ – туча.

Я всегда думала, что любовь – в настоящем. Но она во всем. Это соединение с миром через то, что у тебя под ногами и через людей.

Одновременно.

Быть дождем, снегом на вершинах, английским разведчиком, грязевым вулканом Шуго, призраком черкесской девушки.

Мне подарили мир. Он дал мне в сердце шар с копошащейся жизнью, всадниками, танцами, звуками, ненавистью. Он дал мне совсем не так, как я просила или как кажется правильным. Но я, сузившись до маленькой точки, впрыгнула и все со мной заговорило.

Уафэ – небо.

Я вспомнила все – аллеи, ели, сад, озера.

Моя безымянная земля обрела имя, слова, голоса, глаза, вкус и музыку.

Я прожила тридцать шесть лет как скулящее недоразумение, не знающее, чем наполниться. Я падала, что-то немо делала, кого-то обвиняла. И только когда я почти дошла до края и лишь тихо молила о смерти, он дал мне все это: высокие деревья, вкус инжира, покрашенные известкой бордюры, виноградные беседки, сумерки, горы, много моря.

Желтые листья, художественное училище в Краснодаре, молодая мама.

Я сделала УЗИ, у меня опухоль, но не рак.

Уащхъуэ – небесная синева.

Мы все далеко ушли. Мы стали внешне нормальными, но потеряли время.

Мой город был другим.

У меня была впереди целая жизнь, чтобы вернуть ему, всем им, всем нам, себе самой - Дом.

Пусть это страшно, пусть это дико. Но это – дождь.

И только им можно по-настоящему напиться.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Вода", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Я прожила тридцать шесть лет жизни, из которых двадцать промучилась от одиночества, нереализованности, зависти и сожаления.

Десять лет я провела в разных странах, в попытке обрести что-то, что меня удержит. Я видела, что делает с людьми религия и что сделали с ней люди. Я видела, как ломают деньги, а как тяжело от них отречься. Я видела тысячи несчастных людей и десятки счастливых, верных своему делу. Их духовность исчислялась качеством служения. Я видела прекрасных женщин, которые светились изнутри и мужчин, за спиной которых сияли крылья. Они были рядом, около всех нас, надо было лишь разорвать пелену.

Псы – вода.

Черное море. Кровь. Стамбул. Мой Константинополь. Моя Византия. Я плачу каждый раз, когда вижу камни бухты Золотой рог. Меня не разорвать с ней.

Псы шыугъ – соленая вода.

Я научилась корректировать свою траекторию. Бог был ближе и проще. Я научилась слышать мир. Я почувствовала, что от меня к нему, через землю, через деревья, через небо и море, протекла тонкая линия света. Я соединилась с ним. Мне больше не было холодно.

У меня был город, где я родилась. Он был моим сердцем, моей болью, моим центром. Я от него уезжала, зарекалась возвращаться, но когда вдыхала воду, закат над Михайловским перевалом - приходило тоскливое чувство боли, и я не могла ни уйти, ни остаться.

Почему я не жила там? Потому что... Я не знаю. Я оправдывалась. Я просто не могла.

Псы – веревка.

Я помнила другой Геленджик. В нем за бутылочкой Рислинга и разговорами о чем-то неземном встречали сумерки над морем. В нем жили виноделы и ученые. В нем рассказывали детям о своих путешествиях геологи и моряки. В нем я сидела на песке и что-то записывала в блокнот, а вечером под виноградной

беседкой, закутавшись в шаль, слушала сверчков, разливая чай. В нем было много звуков, вкусов, цветов, голосов, языков. В нем не было черных и белых.

Праотец Апсу, хозяин мирового океана поземных вод Апсу, в древне-шумерской книге творения Энума Элиш смешивал свои воды с праматерью Тиамат. Так образовался мир. Я не знала, на чьей я стороне. Мне просто хотелось оставаться человеком.

Псы, Псэ – душа.

Мой рецепт счастья был в соединенности и точном служении. Человек обязан найти и первое и второе. Пройти ненависть, любовь, чтобы понять – центр находится в нем. Центр мира находится в нем в постоянном обмене мыслями, информацией, светом и нет такой энергии, которая могла бы сравниться с чудесами, которые окружают его.

Древние боги, кто они?

Мне хотелось смешных и странных вещей. Например, научиться снова спать. Улыбаться. Ничего больше, так как многие годы я была лишена главного.

Я проплакала целый апрель. Моих слез накопилось на целый месяц. Они вытекли. После них пришел свет. А после света – слова. Все соединилось в орнамент: моя жизнь, дедушки, прапрабабушки, кровь, горы, реки, люди. Из него нельзя было что-то убрать, настолько каждая деталь являлась истоком другой.

И начинался он не с моего зачатия, и даже не с приезда одного моего прадедушки на черноморское побережье Кавказа и отъезда другого моего прадедушки с крымского побережья Черного моря в Рязань, а с каких-то допотопных времен великанов и богов, обретших твердь в скалах Анатолии.

Этот орнамент был живым, как мицелий, подземная грибница, в котором поток слез был лишь взрывом созревшего гриба, открывшего глаза, чтобы дать продолжение.

Псынэ – родник.

"Слова", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Мне снился Эльбрус. И Афганистан.

Все снега соединенные воедино.

Что-то возле неба.

Каждый день начинался и кончался сном.

Я его читала.

Для Эсхилла Прометей был почти забытой древностью, как для нас – Эсхилл. Аргонавты проплыли все Черное море, они были очевидцами того, о чем я пытаюсь вспомнить.

Из двух трагедий о Прометее до нас дошла лишь одна.

Древняя страна пра-греков, которые еще помнили свою миграцию из Анатолии. Эсхил был из ахейцев. Аххиява.

Сколько нам лет?

ГУ – сердце.

Я тосковала. Но это была светлая грусть, при которой пишутся слова.

Еще в новокаменном веке примерно из Анатолии на Западный Кавказ переселилось какое-то племя, принесшее с собой матриархальные традиции малоазийской культуры Чатал-Хюк.

В моих глазах было много-много дней и все они были о несбыточном, о странной жизни, которая не случилась или никогда не могла случиться.

Тени на асфальте, тротуары, падающие листья, кладбище в Санкт-Петербурге, Александровский парк. Бостон.

Я не заметила, как пришел октябрь.

Желтая-красная теплая осень Новой Англии и высокие дома с незашторенными окнами, которые не стали моими. Море и причалы. Стамбул. Топкапи. Чайки. Рыбки под рестораном. Щуриться солнцу.

Оно все проскользнуло перед глазами как моросящий дождь, сквозь который видно почти высохший виноград, забытый на ветках. Он такой сладкий, каким бывает только что-то последнее. От него слипаются пальцы. Я их отмываю в соленой воде спустившись вниз по скалам.

Набережная моего города. Всегда грустное море.

Я не знала, что будет завтра, но понимала, что в прошлое вернуться нельзя. И что я живу в этом прошлом. В каком-то параллельном пространстве.

Вся жизнь как лист, вращающийся калейдоскопом на солнце.

Я отпускаю ее без сожаления.

В ней было много любви, слез, зависти, тупиковых дорог и молитв о ерунде. И, лишь научившись идти навстречу с легкостью, я произношу тихо: «Отпускаю».

Меня ничего не держит.

Во мне нет обид, чего-то несбывшегося, чего-то лучшего, чем сейчас.

В тех годах и городах были другие существа, они больше не есть Я, а я – больше не связана с ними.

Мне не трудно. Потому что - октябрь. Потому что ночью снились горы, дороги и небо.

Монастырь «Нерушимая стена» в Апшеронске подпирает предгорья Кавказа как бастион, словно там, за следующим поворотом серпантина – враг.

Все будет связано. Это будет шар. И я в нем буду внутри свободной от всего, что тянуло в пропасть.

Их мир был нанизан на кровное ощущение земли и рода, воды и деревьев. Он был сложнее, архаичней, суше, но вернее в звучании каждого человека как единицы выращенной тысячелетиями системы. Эта система была диаметрально противоположна существующему миропорядку.

Я ни с кем. Я не должна выбирать ничью сторону.

Нет однозначно правых людей, есть время. Невозможно бесконечно топить прошлое, нужно просто крепко встать на него, как на кусочек травы посередине болотной зыби.

Они все во мне.

ГУ – дух.

Мне не хватало всего сразу. Я тосковала не по снегу или пустыне, я тосковала по целому миру.

Мы ошиблись. Из темной бездны веков мы ошиблись. Не должны перемешиваться языки, крови, гены. Каждый должен населять свою землю, как вид растений или животных. И не потому, что это национализм, а потому что дети, рожденные после, обречены на несоизмеримую ни с чем бесконечную неприкаянность.

Мне некуда идти.

Народы моря - группа средиземноморских народов, двинувшаяся во втором тысячелетии до нашей эры к границам Египта и государства хеттов, предположительно из региона Эгейского моря. Они делились на племена, в названиях которых не было гласных букв. Этнографическими следами их миграций считают гарамантов, сикулов, филистимлян, фригийцев и этрусков. Народы моря, как и их предки, хатти, были бесписьменной культурой.

«Ты чужая им», - говорило мне будущее.

«Я чужая всем», - отвечала я ему.

ГУ-РЫШ – мысль.

Будущее, которое мы строим словами.

ГУ - сердце.

РЫЩН – водить.

Слова транслировались как радиация, как облучение. Мы получили язык как инструмент и видоизменили его как и все остальное, что получили. А значит, это могут так же легко забрать.

Мыслить – водить сердцем.

ГУ-ЩЫИ – слово.

Я ищу то, что никогда не найду.

Я лишь оставляю слова.

Пусть они прорастят другие слова и других людей.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Сад", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

AA. #

Мне снилась старушка, выходящая из своего выросшего в землю домика. Вокруг стояли высокие деревья. Ее сад напоминал лес, но я знала точно, что это дом, где я родилась.

Совсем недалеко от моря. Третья улица от моря.

Этот сад-лес и эта седовласая старушка жили здесь до моего времени. Она не была мне родственницей, но это когда-то был и ее сад. Она была духом, ожидающим здесь. Одним из духов.

Чего бы я хотела для себя?

Хъэ – злак.

Геленджик на английской фотографии 1854 года. Порт с белыми строениями вокруг бухты. Впереди еще десять лет Кавказской войны.

Сажали сады черкесы. Весь дом был один большой сад, переходящий в бесконечный лес.

Мы пришли сюда в августе. Со скрипом отворилась железная калитка. На меня обрушился страшный хаос человеческого забвения и безразличия.

Я хотела еще раз увидеть это место. Чтобы у меня хоть что-то от него осталось.

Когда-то это был и мой сад.

Хъэ – собака.

Как перестать бесконечно создавать Солярис внутри? Как оторваться? И нужно ли?

Все не просто связано. Все - соткано. Нужно просто захотеть прочесть этот узор.

Чъыгы - дерево.

Турчанинов дал название цивилизации существовавшей в четвертом тысячелетии до нашей эры исключительно исходя из текста расшифрованных письменных артефактов, согласно которым автохтонные жители Кавказа именовали себя «Ашуйцами», а свою царство – «Ашуа». Хатти были родственниками Ашуйской цивилизации Кавказа. Лидия и Иония были частью хаттии, а прибрежная часть могла пострадать от цунами в результате извержения Санторина.

Лъапсэ – корень. Шъэфы – сокровенный.

Был сад, был лес, были реки. Мою сирень, мои сливы и орех давно срубили. С каждым срубленным деревом я заболела.

Есть вещи, которые отзываются во мне тупой болью. Я их не понимаю, но стараюсь об этом не думать. За мной никто нигде никогда не стоял. Я выросла и научилась видеть тени стоящих надо мной в другом мире. Они были разных родов, но от каждого из них шла ниточка в Белоруссию, Рязань, Крым, Украину, Осетию, Стамбул, Прибалтику. Все эти места включались и резонировали, стоило мне перенестись туда даже мыслями.

Я была связана со многими. Но в моем войске не было людей, не было никакой стаи.

Только деревья и птицы.

Кемаля Ататурка в войне против Армении в 1920 году поддержала деньгами и вооружением только образовавшаяся РСФСР. В итоге Армения потеряла западные земли. На западных землях ранее христианской Армении, в восточной Анатолии, потихоньку расселялись черкесы-махаджиры, бежавшие с Кавказа.

Я немного пошатнулась, но вернулась в точку равновесия.

Мир состоит из крови и света. Все переплетено как корни.

Если бы мы знали, что прошлого нет, что мертвые – рядом, вокруг нас, их мысли,

их боль, их страдания – быть может, понять настоящее и будущее было бы проще.

Мне было плохо. Физически. Тошнило. Но потом эта боль прошла.

Я поняла что-то неуловимое и грустное.

На меня вдруг обрушились все октябри.

Мэзы – лес.

Кольцо гор и море перед ними, лес, о котором я знала лишь то, что он живет, чем я о нем думаю, мои тонкие волосы, зеркало, где я отражаюсь маленькая.

Мама подарила мне кошку-рыбу. Я лежу в коляске, а, напротив, светятся окна моего дома и телебашня на хребте Мархотх.

Чего бы я хотела?

Стать частью.

Расшифрованные Турчаниновым письменные артефакты Майкопской культуры прямо свидетельствуют : ашуйцы поклонялись единому богу-творцу Тхъэ, при этом себя они называли «дети солнца» - Аттыгъэ.

Любовь – это механизм, благодаря которому мы вставляем друг в друга, чтобы образовать единое целое. Круг. Лес, корни, деревья, животные, люди, небо. Те, кто ушел, те, кто любил раньше, те, о ком мы думаем. Вокруг каждого из нас пучок ниток. И это – сад. Необыкновенный гармоничный узор. Надо только немного забыть о себе, чтобы стать элементом этого. И тогда понимание прошлого и будущего приходит сквозь воздух.

Как пахнет этот последний виноград.

Мне некуда бежать.

Путь вперед был лишь в том, чтобы не сойти с пути.

Тыгъэ – солнце.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Дом", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Мне снился дом. Именно сегодня.

Я не спала, у меня была простуда, дикая головная боль, но под утро пришел сон. В нем были дом и тепло. Деревянный забор, дверь, кровать, диван, бабуля. И даже ванная, хотя у нас ее никогда не было, мы ходили в городскую баню. Она мне говорит: «Я хочу на службу». «Но ты ведь никогда не верила в Бога?». Улыбается. В этом сне она верила. А я была там, где мне тихо.

Не бывает много домов, он один у каждого.

Мой дом был только там, а все остальное – пристанища.

Адыги не верили в рай или ад, они считали, что умершие живут рядом с нами.

Души Татьяны, Тамары, Лени и всех остальных жильцов этого длинного коммунального турлучного дома, имен которых я не помню. Если его не будет, где они все будут жить? Где буду жить я?

Лъяпъэ- сокровище.

Что любила я в нем? Воспоминания? Воспоминания, которые никогда не были моими?

Это дом никак не снесут, хотя он стоит в самом центре города как огороженное гетто.

Нет больше моего инжира, на котором я пела песни весне. Нет и другого инжира, совсем маленького, который посадила мама в день моего рождения. Нет колодца с минеральной водой, нет калины, ягоды которой я сушила и заваривала чай. Нет больше дорожки из лилий, винограда и виноградных беседок, под одной из которых стояли качели, скрип которых я до сих пор помню. Нет больше жасмина, дурманящего ночью и бульдонежа, сначала зеленого, а потом белеющего снегом. Нет больше смородины, нет огромного ясеня с сойками, нет туй, на которых жили белки, нет яблонь, нет печки, нет моих друзей-кур, нет стеклянной веранды с крышей, прозрачной в небо.

Не осталось ничего.

Этот мир разрушен.

Он приходит ко мне лишь снами и душами, которые, как и я, тоскуют по тому, чего не вернешь. Они живут в том мире, который помнят. А я – в том мире, который помню я. Нас много, но мы дружим, потому что любим одно и тоже.

Хы щыгъу – морская соль.

В конце третьего тысячелетия до нашей эры ашуйское письмо было занесено в древнюю Финикию продававшимися туда ашуйскими рабами и утвердилось в ней как протобиблское. Этим объясняется однообразие в письменностях Ашуи и Финикии. Ашуйское письмо в Библии явилось в дальнейшем основой для создания собственно финикийского письма. Обсуждается гипотеза, что впоследствии финикийское письмо было использована эллинами для создания своей письменности.

Когда мы пришли в мой дом, там жили обозленные узбеки-бомжи и добродушная собака. На веревке сушились плавки.

Эта земля перепродана несколько раз, только пока никто не осмеливается купить ее под строительство.

Гу-къау – печаль.

Вполне возможно, что в свое время часть Хаттов предпочла бежать от захвата страны индоевропейцами Хеттами, которые успешно воевали с Египтом в страну Ашуа, которые были практически соседями, а возможно и родственным народом.

Я пересекаю толщу земли, я опускаюсь до самых горячих вод. Вершины Эльбруса с великанами и богами и предгорья Анапы с булькающими грязевыми вулканами, греческим входом в Аид.

Я вдыхаю все – запах сероводорода, слезы, кровь, имена, танцы.

Девушки-птицы и юноши-птицы.

Этруски не произошли от греков, и, даже если Эней, герой троянской войны и дал начало династии, из которой впоследствии произошли Ромул и Рем, это не значит, что те переплыли Адриатическое море и основали колонию в Италии. Потому что греки тоже переселенцы. Ахейцы, ахейне, ставшие одними из основоположников древнегреческого этноса, пришли из более древней страны – Аххиявы, «живущие на земле Айявы». Хеттская страна Аххиява.

Мы все - переселенцы.

Я опускаюсь на дно моря и прорастаю на противоположном берегу, в золотом городе, самом золотом городе мира. На Кавказе мне было слишком сухо, в Италии слишком мокро, а в моем городе мне всегда было хорошо. Я его знала, словно жила здесь всю жизнь.

Унэ– дом. Унэ-Гуащэ – княгиня дома.

Этруски помнят свое лидийское происхождение. Адыги помнят племена Хатти, которые перешли этот сравнительно небольшой отрезок земли и основались на Кавказе, принеся с собой культ матриархата. В пятом веке нашей эры Псевдо-Арриан писал, что «от гавани Пагра (Новороссийск) до Старой Ахэи (Туапсе) прежде жили ахейцы, а теперь живут зихи».

Весь мир человека вмещался только в его дом. В этом Тарковский был очень близок к истине.

Она вся подо мной – зеленая как изумруд. Единственный изумруд на этом кусочке шара. Снизу каменные Армения и Иран, слева Черное море и Босфор, а на северо-западе выщербленные степи Калмыкии и Дагестана.

Я всю тебя видела. От края до края.

Я теперь знаю Тебя.

Я теперь вспомню все – и Здесь, и Там.

«Ты никогда не будешь одной из нас», – говорят мне деревья.

«Я уже была одной из вас», - отвечаю я им.

Я отталкиваюсь от земли и взлетаю.

Слишком много неба.

«Я благодарна вам», - говорю я голосам и отпускаю.

....возвращая Память, возвращать Душу...

“Время”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Мне казалось, что я поймала за хвост какую-то проекцию знания.

Это знание объединяло в себе Византию, Константинополь, Хаттию, шумеров, Кавказ, этрусков, Италию, иесихазм, йезидов, «имена ангелов» Дионисия Ареопагита, Григория Паламу, Армению, “16 тонн” Карена Джангирова, дудук, дольмены, майкопскую культуру, Прометея, Нартов.

Это было все, чего касалась моя душа в течение всех моих лет жизни.

Мой город.

Все соединялось во мне через мой город, мой старый дом, птиц, кошек, собаку, сны, лес, море и горы.

Никакое настоящее не может наполнить, пока не обретает фундамент из душ, поддерживающих в прошлом. Пока не понимаешь, что ты – острое пирамиды, уходящей в туман тысячелетий, и на тебя возложена миссия дикой ответственности - не разочаровать их всех. Только тогда «момент сегодняшний» становится «настоящим».

Все соединяется.

Уахътэ- время.

Мне казалось, что осень не наступит. И что, если она наступит, все изменится.

Все изменилось.

Не нужно искать ответ, нужно правильно задать вопрос.

Человек не может жить для себя, в этом случае он превращается в отделившуюся от грибницы раковую клетку. Их становится все больше и больше, и среди них есть даже хорошие люди. Но как только чаша весов переполнится, нас не станет.

Мы входим в круг обменом.

Времени.

Я жила как ошибка системы, которая хотела исправиться. Мне всегда хотелось стать частью чего-то. И вот, пройдя сотни дорог, я возвращаюсь в мой город, который был таким наполненным, только когда я любила.

Я возвращаюсь, делая то, что меня соединяет.

Мы уахътэр – настоящее время.

Возлюбленная Зевса по имени Ио нашла себе пристанище в бухте Золотой Рог, здесь она родила свою дочь Кероэссу, которая позднее продолжила род. Ее сын Визант стал в будущем основателем города, мимо которого проплывали аргонавты.

Я знала, что все – так. То, что пришло – так и есть. И что это правда. Но еще я чувствовала, что под этим всем слоем каких-то движений на воде есть еще один слой - объединяющий. Никто его не хочет видеть, так как объединение никому не нужно, ведь люди мечтают снова разделить землю.

Но я знаю. И он знает. И оно знает.

Къэхъуныр – рождение.

Мы монтировали видео, в котором Андрей Хакуашев говорил, что собирал слова для словаря профессора Турчанинова. Профессор Турчанинов многие годы прожил в Кабардино-Балкарии изучая кабардинский язык, чтобы расшифровать надписи на Сухумском камне. Надписи были сделаны на пра-адыгском языке, еще до момента разделения этноса на северный – адыгов, и южный - абхазов. Пра-адыгская цивилизация поклонялась единому богу солнца, поэтому большинство скелетов в могильниках найдены на боку, в положении младенца в чреве матери, обращенными на восток. Была ли смерть для них – рождением?

Чыгыр – земля.

Исихазм как течение возник в Малой Азии, в Анатолии, в Византии незадолго до ее исчезновения с карты мира. Исихазм заставлял человека принять свою Божественную сущность. Это была совершенно противоположная западному христианству теория, которая настаивала не на первоначальной грешности, а на первоначальной Божественности.

«Мы должны включиться».

Ашуя, древняя цивилизация Кавказа, была точкой, откуда во времена энеолита в страны Малой Азии мигрировали племена. Ашуйцы писали справа налево, как и этруски.

«Мы должны включиться и не отрываться». Хоровод – танец солнца.

Чудеса не заставят ждать, когда принимаешь время и перестаешь идти против ветра.

Тхьашхоудж - хороводный танец посвященный верховному богу Тха, от которого до нас дошло только окончание – Удж.

Солнечный танец включения.

Я все больше понимала, как мне нужна моя земля. Но я не знала, где она.

В этом ли она мире.

Ко мне приходит тепло только во сне.

Мне кажется, что во сне я нахожусь в том мире, где меня любят.

В двух мировых религиях, христианстве и исламе, в разное время возникли два мистических течения. Суфизм и исихазм. Оба претерпели гонения и возвышения, но тайна в том, что и то, и другое обитали в одном и том же месте – Анатолии. Стране грома. Джаллаладин Руми свои «Маснави» записывал поэтическим размером, а Иоанн Дамаскин, Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби, отстоял иконопись в период византийского иконоборчества.

Мне очень срочно нужно было принять решение, как это стягивающуюся воронку черного ветра над моей землей нейтрализовать.

Мы скучаем по общезитию. Несмотря на тотальный вакуум, в котором

оказалось человечество в начале 21 века, мы все безумно, по-детски, мечтаем о единении.

Мы скучаем по Богу и по другим.

По своему совершенству.

Мою веру в будущее поддерживает лишь слабая надежда на то, что что-то должно измениться на всей планете.

Небо не опускается к людям, это они поднимаются к нему.

....возвращая Память, возвращать Душу...

“Звезды”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Моя душа находилась в каком-то параллельном мире.

Этот мир не был Италией, не был Россией. Это было скорее прошлое, но не то, которое было, а которое было одной из возможностей развития времени.

Одним из вариантов настоящего.

Я ходила по другим улицам, другим горам. Это был мир из кинофильма, со скрипящим полом, чайником на плите, двором с хризантемами. Это был даже не дом детства, а очень похожий на него дом.

Ге-лен-джик. Странное турецкое слово. Подкова гор.

Существуют две подковы на Кавказе – Нальчик, чье название буквально переводится как «подкова», и Геленджик. Нальчик, чье население почти полностью черкесское, и Геленджик, где от них не осталось и следа. Самый красивый город у подножия Эльбруса и самый красивый город на побережье Черного моря. Так совпало.

«Те, кого мы любили, навсегда остаются с нами...».

Я не смогу уже разделить на крови, гены, разные ДНК. Я так и останусь – соединением всего. Скифов, киммерийцев, аланов, древлян, германцев, белорусов и еще бог знает кого.

Быть везде одновременно.

Я больше не могу искать. Я устала.

Безбрежность.

Псэ - душа

Главное – не отрываться.

И тогда все будет происходить правильно.

Нужно каждый день сверять свой путь. Он не должен расходиться с землей, растениями и облаками.

Безысходность появляется тогда, когда ты стараешься остаться в том, что было.

Шіу плъэгъун-любить

Меня преследовали желтые дороги и первый снег. Я искала этот мир на фотографиях других людей, в своих снах, в своей памяти. Мне казалось, что он почти рядом. И что там обязательно должны были быть осень и зима. Мне их так не хватало.

Мне быстрее хотелось стать взрослой. Это было почти нереальной мечтой. Я забыла, что такое друзья.

Вот и все.

Ищите среди пепла.

Нужно делать все обдуманно. Нужно видеть, как каждая мысль и поступок отражаются в будущем на твоей судьбе и судьбах других людей.

Внимательный человек – как дерево. У него есть все богатства.

Гъун – видеть.

Вокруг меня вдруг все зашевелилось и стало складываться в тот орнамент, о котором я так судорожно просила.

Моя бабушка родилась в селе Михайловский Перевал, аборигенным населением которого были шапсуги. Именно здесь, на реке Догуаб, полноводном притоке реки Пшада, на соединении с которым расположен самый большой дольменный комплекс, мой прадед соорудил мельницу. Это эпицентр дольменной культуры Западного Кавказа – справа памятники реки Жане, построенные по типу храмового комплекса, слева – каменные свидетели Пшады, ведь только в Долине безветрия, Долине изобилия, Пшаде, том самом

Пшаде, где обитал князь хапсугов, насчитывается около семидесяти дольменов. А в центре этого места - две горы. Слева – гора Тхачегочук, возвышающаяся с запада. А справа - самая высокая гора района - гора Тхаб, выше которой только уже горы Большого Кавказского хребта начинающегося через несколько десятков километров.

Гора Тхаб, река Тхаб. Тхэ – бог. Чьыгу – земля. Тхэ Чьыгу – земля богов.

Это одно из древних святилищ, густонаселенное в течение тысячелетий, уходящее кровью, названиями рек, святых рощ и божественных гор вниз, вниз, вниз, до той темноты, где уже не видно ничего, только сотворение вселенной.

Дольмены стоят на горах. Чтобы душам, оставленным в них было все-все видно сверху, чтобы им было проще. И ближе.

Именно здесь, в сердце, в сосредоточие земли Богов. Именно в этой долине я с самого детства летаю во сне. Словно плыву под водой.

Жьыбгъэ-ветер.

Когда ты понимаешь то, что тебе начертано сделать, у тебя появляется свет и тебя начинают видеть.

Жьуфгъо уашьшом ипхьагъэх – небо усеяно звездами.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Люди", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

A. II

Он шел день и ночь.

Но он не был слезами.

А потом день взорвался солнцем.

Я увидела снежные скалы и двугорбую вершину Эльбруса.

Снова, снова, снова абстрактный орнамент памяти.

Иногда нам кажется, что мы страшно одиноки и рядом нет никого. Но в этот самый момент с нами стоят и держат за плечи десяток, сотни людей. Кого-то ты знаешь, кого-то нет, чьи-то черты слабо узнаешь в своем лице. Это учителя, это жизнь, это любовь. Они знают. Но им сложно. Потому что наш фильм – это миф, в котором мы счастливы заблуждаться.

Каждый шел рядом со мной свой отрезок. Кто-то из них жив, кто-то ушел, кто-то никогда не был живым, но находился так близко, что я чувствовала его дыхание.

Я не понимала, почему они мне даны. Мне. И такие. Лишь чувство баланса, что за каждое взятое нужно отдать втройне, не позволяло остановиться: «Ты – никто.

Ты – никто».

Ты – никто.

Еще.

Они любили меня. «Ты можешь больше», - и я бежала, как сумасшедшая, пока не понимала, что забрела в очередной тупик. Как торпеда неслась с закрытыми глазами то в одну пустоту, то в другую. Ведь они не сказали мне, чем было То. Но каждый из них оставил во мне узор, который в какой-то момент соединится в целое. Как в игре «морской бой».

Цъфхэр - люди.

Однажды мама решила посетить старца Прокопия. Он жил в избушке рядом с монастырем и ел бананы. Удивительно, но он сказал: «Пусть ко мне придет твоя дочь». И что? Я не смогла. Смешно. На самом деле, мне казалось, что я имею право на все свои ошибки.

Тогда.

У меня есть экспериментальный материал – тридцать шесть лет жизни. Я не могу из нее вычеркнуть какие-то события. Как только я их убираю, настоящее теряет смысл. Все выверено по секундам. Каждое отчаяние было дверью. Выходом. А каждая любовь - анестезией. Все бесконечно логично. Каждый сегодняшний шаг начинается за несколько дней, месяцев, лет назад.

Я прошу только времени.

Загадочный род моего деда Качармина, папы моей мамы, начинает свой отсчет с конца восемнадцатого века, именно тогда появился в Рязанской губернии, в селе Ягодное, первый двор Аббакума Ефимова Кочармина. 8 апреля 1783 года Екатерина Вторая присоединила Кубань и Крым к России. В рязанской губернии выделялись земли для переселенцев из бывшего Крымского ханства и, скорее всего, для единоверцев.

9 апреля 2010 года умерла Татьяна Ефимовна Шехтер. Мой учитель. Мой друг. Мой профессор. Я только узнала об этом. «Я не вижу предела, Леночка», - говорила она мне. А я не понимала.

Да и сейчас не понимаю.

Каждый свой день нужно проверять делом. И если это дело служит только тебе, а не другим, то рано или поздно приходится за него расплавиться.

Кочерма – турецкое морское судно, а еще «кочар» по- армянски «святой луч». И – мужской народный танец в Восточной Анатолии. Все Кочармины были светлые и высоченные, как великаны. На корабле, кочерме, бежали в Крым после падения Византии в пятнадцатом веке те деды, имен которых я уже никогда не узнаю.

Светлыми тонкими великанами в Малой Азии были только выходцы с Кавказа, потомки нартов - Хатты. Они мигрировали в Малую Азию с Кавказа, и потом, под давлением хеттов, произошла вторая, обратная миграция. Третья же миграция, самая масштабная, происходила после захвата Константинополя турецкими войсками будущей Османской империи. Они принесли в мой род беспокойную кровь, а в Россию – бесконечные поиски чего-то невыразимого.

Мне снился научно-проектно-исследовательский институт, такой советский, из восьмидесятых. С кульманами, железо-бетонными стенами, деревянными панелями, с уголками, где сплетничают и пьют чай красиво накрашенные научные сотрудницы. А я бежала по нему в черном вечернем платье, на каблучках, через какое-то праздничное мероприятие.

Я что-то, кого-то искала, в этом красивом черном платье с нашитыми на нем звездами, и оно мне напоминало звездное ночное небо.

Я не помню, нашла ли. И найду ли когда-либо.

Это был бесконечный поиск. Во всех временах.

Византийский богослов, Григорий Палама, умер в Фессалониках в 1364 году. Последними его словами были: «К высотам!». Он ушел за 100 лет до падения Византии. И ровно за пять веков до покорения Россией Кавказа.

«Главное добро посылается свыше. Это залог будущего века, таинственное познание вечного света».

Единобожие было изобретено далеко до язычества. Оно было свойственно всем древним народам, и только страх заставлял нас придумывать разделять одно на несоединимые части. Сначала разделили Бога, потом распались сами.

Если какая-то колония вирусов, клещей и грибков может действовать сообща, передавая импульсы друг другу, почему мы не можем делать тоже самое?

Мы оторвались от воды, травы, земли, предков, даже семьи – оторвались от всего. И потерялись. Но ведь счастье – такое простое. Оно – в других.

«Пока есть любовь, люди не потеряются».

За свои тридцать шесть лет я не родила детей, не опубликовала книг, не стала художником, не построила дом, не посадила дерево. Вместо этого

я проболталась по разным странам, заработала резюме, пережила два то ли брака, то ли недоразумения, несколько влюбленностей, много расставаний. В этом всем не было ничего правильного, ничего здорового, ничего человеческого. Никто не хотел моих детей, которых я в итоге заранее возненавидела. Никто не хотел, чтобы я делала свое дело. И я это все-все-все предала. Но я перемотала жизнь назад, как в магнитофоне, и начала все с начала. С шестнадцати лет.

С огромного креста, который мне приснился во дворе художественного училища.

Главное – внимание.

Наше коллективное безумие излечимо. Для этого нужно перемотать все ужасы, которыми мы наполнили свое тысячелетие, и начать все сначала.

Не знаю, возможно ли. Но если это сделает кто-то один, или двое, или пятеро, значит, все остальные клетки системы смогут починить себя.

Хотя бы потому, что дети, рожденные со смешанной, как вино, кровью, способны соединить мир в одно целое, так как для них «своих» и «чужих» больше не существует.

Юдыш – Кавказ.

Зэпэцэчыныг – равновесие.

Цыфы – человек.

Вне нас Бога нет.

ЧЕЛОВЕК

"Слезы", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Я плачу. Я скребусь. Я устала.

Забираться на деревья и падать с них, снова забираться и снова падать. Мне хочется на несколько дней, я не прошу жизни, устроить себе отпуск. Сидеть и смотреть на море. А потом снова сидеть и смотреть на море. А вечером идти по безлюдной ноябрьской набережной.

Это было какой-то мудростью и, если честно, я уже не понимала, что лучше. Ведь кроме самого движения были: семья, искусство, страна, прошлое. Я им всем была должна. Мне казалось, что если остановиться в осеннем кафе на берегу моря, мне это так понравится, что я не захочу возвращаться.

Тени. Все время чьи-то тени. Я не знала, почему выбрала такую жизнь. И не видела смысла в другой. И ее уже ненавидела. Все это ненавидела. Вот так из меня лились слезы.

От смысла и бессмысленности.

Я читала «Счастливую Москву» Платонова и мне становилось жутко. Так как в этом невыносимо знакомом образе сумасшедшей устроительницы будущего я видела себя. Свою маму. Бабулю. Наш бег был одинаковым. Принеся в жертву хрупкий мир самих себя, мы устремились за каким-то призрачным светом, в который не верили.

Я просыпалась, пила кофе, крутила, дышала, думала, рисовала, писала, делала, переделывала и отваливалась ночью в сон. Давясь слезами.

Я искала ответ во всем. В адыгских тамгах, в древней кавказской цивилизации Ашуи, которые вложили в меня что-то, но забыли передать инструкцию. Древность выстроилась передо мной в одну линию. Вопрос был – а что мне со всем этим делать?

Я была частью системы. Я проснулась и побежала. Спотыкалась о любовь, но отряхивала ее со своих век и снова бежала. И вот здесь и сейчас. Я вернулась, но забыла, как быть человеком. А когда вдруг понимала, меня отбрасывало к началу.

Счастье. Какое оно? В чем оно? Оно было неуловимым. Любовь была неуловимой. Я на нее все время натыкалась. Я смотрела на нее как кошка на солнечный зайчик. Я пыталась распутать жизнь, а в итоге сталкивалась с пустотой.

Я боялась за всех нас. Мы ошиблись. Я хотела помириться. Андрей Платонов написал, что у человека два мозга. И что костный мозг – это и есть внутренний мозг тела. И человек вырвался вперед животного мира, потому что его решения были спроецированы на стыке двух сознаний: человеческого и примитивного.

Я хотела помириться с телом, с полом, с женским родом. С родом вообще. С этим словом – Род. И не потому, что я по ним сильно соскучилась, а потому что знала, что дальше так нельзя.

Стоять на пути неба.

Я устала. Но снова возвращала себя в точку отсчета и начинала с нуля: поехать домой. Пойти с подругами в бар и выпить кофе с коньяком. Съесть мороженое с розовым сиропом. Солнце. Горячая ванна. Слушать музыку. Слушать. Зима. Книги под одеялом. Влюбленность. Запах моря. Теплый мир. Как рано мы теряем теплый мир.

Я знала, что буду ходить и ходить вокруг каких-то предметов памяти, и в итоге круг будет сужаться, и я вырву из его центра тот недостающий элемент, который не давал жизни. Который был как серебряный кол, забитый в сердце.

Я переложила на ответственность Бога слишком большую вину, которую он не должен был за меня решать. Я обогнула Вселенную, побывала на далеких планетах и в древних тысячелетиях, разговаривала со стойками и нартами, пила чай с Джалалладином Руми, стояла со свечой за плечами Андрея Рублева, а наткнулась на себя – с мамиными духами под подушкой.

Я помню все те вещи, листья, мысли. Я забыла, что у меня было в прошлом году, и даже неделю назад, но помню все из тех лет. Художественное училище, окошко, где покупала хлеб в Краснодаре, желтые листья. Я помню мамину синюю сумку и ботинки, ее куртку «летучая мышь» и папин кожаный ремень, в

котором я спала.

Допустим, я пришла на прием к психологу и он меня спрашивает: «Что вас беспокоит?». А я ему отвечаю: «Меня заклинило в девяносто первом году».

Почему. Почему там? Почему?

Я осталась там, где мамино отражение совпадало с мамой, а мое – со мной.

Она не завершилась. Она остановилась на полпути. И я зависла. В безвременье.

Я оставила что-то. И даже пройдя все, и приняв, и поняв, я все еще знала, что осталась там, а в мир ушел мой призрак. Ему было меньше больно, меньше страшно. Он был моей проекцией, которая умела сопротивляться жизни.

У меня от той остались предметы. Тетради. Запах. Следы помады на бумаге. Потрепанный сонник. Папин коричневый свитер и брюки, в которых она ходила на занятия в училище. Запах акварельных красок. Постоянная навязчивая необходимость видеть море. Стихи. Я их записывала, учила наизусть.

Небо.

Я думала, что пытаюсь догнать призрак, похожий на меня в шестнадцать лет. И только сейчас поняла, что призрак – это я. Это я - призрак, который пытается стать человеком. Она спала в автобусе Геленджик-Краснодар, оставив тело и душу в Геленджике, а параллельно дороге бежали белые-белые кони из тумана. Она не могла уйти от места, где любила.

Отражения в зеркале.

Я возвращаюсь на набережную моего города с еще бетонными ограждениями, которые позже сменили изящные балясины. Солнечный день опускается сквозь тонкие пальцы сосен. Тихо-тихо. Ноябрь. Ноябрь девяносто второго. Вот там, на скамейке, в курортной зоне, сидит женская фигура. Она все еще кружится, ей все еще нужно к кому-нибудь прилепиться. Она еще не раздробила себя на миллионы маленьких частичек, стран, писем, взглядов, строчек, билетов на самолеты, поселив в каждой из них пустыню.

Я сажусь рядом.

«Я люблю тебя», - она не слышит, но вздрагивает.

«Я люблю тебя. Все было так, как возможно понять, лишь видя все сверху, целиком».

Я медленно возвращаюсь.

«Все было правильно».

Она становится легче и прозрачнее. Ей в этот момент очень хорошо и счастливо, просто так сидеть, одной, и смотреть на море.

Она уходит в счастье, как в свет. А я остаюсь.

Все было правильно.

Мой Геленджик. Мои руки. Мои глаза.

Слезы.

....возвращая Память, возвращать Душу...

"Крылья", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Я свободна.

Надо мной нет никого.

Я делаю то, что чувствую правильным.

Ем, что хочу. Иду, куда хочу. Я никогда не жила труднее.

Я сверяюсь каждый день. Каждый час. Чтобы стать собой. Это мое единственное стремление.

Это маяк на моем пути.

Мне казалось, что хрупкое человеческое сознание спасается в нелюбимой работе. В такой, которая дает деньги и убийство времени. Мы красили, мазали, писали, играли на сцене, читали книжки, старались найти в жизни фундамент, но его не было. Поэтому мы ненавидели самих себя. И через себя - других. Ведь когда ты находишь свое дело, то, через которое проливается в мир другая сила, будь это руки врача или голос политика, ты с каждым днем становишься меньше и меньше, а то, что идет через тебя, растет.

Есть такой гриб – кордицепс. Самый ценный гриб китайской медицины. Самый сильный природный антибиотик, который разумно находит чужеродные клетки и убивает их. Потому что весь цикл его жизни разумный. Он сидит в замершем состоянии, но, как только чувствует приближение гусеницы определенного типа бабочек, выбрасывает споры. Эти споры, как ракеты с радиоуправлением, находят гусеницу и закрепляются на ней. Потом они проникают внутрь и прорастают, гусеница погибает, а все ее тело заполняется телом гриба, чтобы продолжить цепочку его жизни.

Я часто думаю, как эта гусеница умирает? Контролирует ли гриб ее сознание? Или она просто засыпает в блаженстве?

Я не могла заснуть в блаженстве. Меня травмировало то, что я ждала.

В моей жизни «любовь» не занимала никакого места. Мне казалось, что я ее

забыла и не могу вспомнить. Меня даже слегка подташнивало от этого слова. Это была какая-то инвалидность. Я еще была жива. Руки, ногти, нос.

Я хотела жить. В полной растерянности, прострации и недопонимании.

Ноябрь 1992 года. Поцелуи на парапетах, мартини, шоколад в серебряных обертках. Первые розы. Я много лет хотела развернуть время и исправить глупые запятые. Когда мы взрослеем, то начинаем ценить тех, кто делал нас лучше, чем мы сами в том моменте были. Да и вообще. Я проиграла. Самой себе.

«Что мне делать?» - спрашивала я море, землю, небо. «Как так ...».

Тело и душа жили в разных направлениях. Тело мучилось от недостатка любви. От него я помнила только замерзшие пальцы, стучащие по клавиатуре. Оно мне отвечало тем же. Я прекрасно понимала, что оно, тело, будет мстить. На приеме врач мне сказал: «Иммунитет в стадии сильного истощения» и выписал тонну витаминов. Но я-то знала, что иммунитет - это язык. Этой нашей машинки, в которую нас посадили и которая временами отказывается нас терпеть.

«Тело привет», - писала я ему. «Я не знаю, как тебя зовут. Я тебя ненавижу. За все. За то, что тебя надо кормить и одевать, и лечить, и ты всегда голодное, и все время вешишь больше чем нужно. А в Италии так холодно, что если я не наемся изюма, то замерзаю и мне кажется, что останавливается сердце. Я научилась над тобой издеваться – бегать утром, обливать холодной водой, кормить на завтрак грушами и постоянно ненавидеть. Что же мне делать? Что мне делать с собой? С тобой? С нами обеими? Скажи как. Как выпутаться? Ведь я уже не могу больше...».

Черкесия жила по кругу. Я прочитала более двухсот книг и могу уверенно сказать это. Адыгэ Хасэ - круг. Хаса нартов. Позже заимствованный у них Казачий Круг. Они жили по кругу, как единица планеты, космоса. Как индейцы. Как маори. Это движение, основанное на древнем обычае, не навязывало им захватывать другие территории или менять самих себя. Им не нужно было, как нам, становиться французами, американцами, буддистами, лицами с обложки, собой.

Они были счастливы. Как кошки.

Однажды мне приснилась моя душа. Эта душа была тем, кем меня задумали. Она была похожа на странную полусумасшедшую босую героиню из фильма «Сладкий ноябрь». И «Отель миллион долларов». Она от меня отличалась. Я ей завидовала.

Черкесия жила по кругу. А я - по прямой. Я просыпалась каждый день в страхе что завтра - конец, а кто-то шел, зная, что конца не будет. Но мне хотелось, чтобы все жили по прямой. Как в русской рулетке. Потому что вся моя страна сегодня жила по прямой. Все ее поэты, композиторы, актеры. Как пули.

Мне казалось, что сопротивляться силе сверху, которая превращает тебя в инструмент, можно только вцепившись друг в друга. Весь мир растений и животных живет по кругу, а человек – выращивает несуществующее. Невыразимое. Он прокладывает путь вперед, даже если это дорога в бездну. Но он уже не остановится. Потому что так устроен мир. В одиночку мы погибнем под тяжестью свершающегося через нас будущего. Поэтому нам дан Другой – чтобы замкнуть в себе бесконечность.

Подо мной перекатывающийся воздух-полусон. Он как плавающая земля, где то выглядит желтая одуванчиковая бесконечность Белоруссии, то французская Ривьера, где по песку идет босиком Марина Цветаева, иногда на меня взглянет зеленым глазом бронзовый дракон с мостика в Александровском парке, а вон там молоденькие военные, стреляющие друг в друга на дуэли. Я падала и мне казалось, что так нужно. Ведь в итоге я достигну чего-нибудь твердого. Либо зацеплюсь в этом летящем тоннеле за какой-нибудь крючок необходимости.

Я устала быть камнем.

Есть и такая усталость.

Я падала ниже и ниже.

Чтобы на самом конце бездны понять, что взлетаю.

Крылья.

....возвращая Память, возвращать Душу...

“Ресницы”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Проснулась утром, выпила кофе, посмотрела на горы.

Я находилась жизни, как в ссылке. Ноябрь достал деревянные счеты. Осенний ангел приходит и открывает дверь.

Я ничего не могла с собой поделать. «Ты не в форме». Я знаю. Ты хотела покоя. Ты это получила.

Вот оно – хождение по кругу. Из тупика в тупик.

Осенний ангел приходит, садится рядом. Он знает будущее, но не может помочь. Ты должна протиснуться в эту дверь сама.

Очень тяжело удерживаться в воздухе. Как на тоненькой веревочке. Каждый порыв ветра сносит в состояние немоты, из которого я выползаю со свечами, воспоминаниями и молитвами. Встаю в шесть и выползаю. Иначе – падение туда, откуда все меньше сил возвращаться.

Я мечтала, что уют станет реальностью. Уют, в котором ничто не убивает быстро, действительность почти не касается, а ты всегда сохраняешь нейтралитет. Мне казалось, что красота – в этом. Все это были оттенки света, в центре которого находилась любовь. Союз человека с миром. Удержание этого соединения было самым сложным. Как только оно рушилось, все приходило в движение и еле сложившаяся фигура разваливалась как неустойчивый конструктор. Но мне было важно снова ее собирать. Снова и снова. Чтобы однажды этот туман мог ровно и спокойно стоять не качаясь. Обрел плоть. Прочную связь со мной. Слишком велика была масса бездны на другой чаше. Она была рядом, и я знала, что в этот день, час, месяц, нужно приложить максимально усилий, чтобы выстоять. Иначе жизнь не имела смысла. У меня не было входа. Мне нужно было отрастить крепления в этом мире.

Я. Тело. Дом. Земля. Небо.

Все должно быть соединено.

Мне стало плохо, холодно и разболелась голова.

Я все успею. Мне просто нужно сложиться обратно. В систему.

Это моя кровать и я могу в ней лежать просто потому, что идет дождь.

Почему я все время должна оправдываться.

Я хочу знать, что я – в форме.

«Семейное счастье» Толстого. Апполон Григорьев считал, что это его лучшее произведение. У Горького, как и у Толстого, последние люди рядом были любовница-акушерка Черткова и друг, почти духовник, Чертков. Странно. Они оба попали в безвыходность созданного.

Дождь. Двадцатого ноября умер Лев Толстой. Сегодня двадцать второе ноября. «Казаки». Он был на Кавказе, он там начал писать. Горький прошел Кавказ по берегу. Прошли близко и ничего не разглядели. У Толстого, в том его последнем путешествии, когда он сбежал из дома, а Софья Андреевна бросилась в пруд, в кармане лежал билет на поезд. Во Владикавказ. Оленин из «Казаков» - это сам Толстой. Который хотел остаться на Кавказе, надеть черкеску, прыгнуть на коня, забыть об образовании, свете, манерах, приемах и стать одним из них. Но у него не хватило смелости, и он всю жизнь потом пытался это компенсировать.

Он проиграл.

Я всю жизнь мечтаю встретить гипнотизера, который меня отправит в детство, в старый дом, к моему человечку на люстре в странной нерусской одежде, говорившему на непонятном языке.

Осенний ангел.

Мой дом: на фотографиях кафе из американского клип-арта, где вместо девушки сижу я в теплом палантине и грею руки о чашку кофе.

Мой дом: на берегу атлантического океана в маленьком городке, где ловят лобстеров. И я пишу книгу и смотрю на волны.

Мой дом: в маленьком лесном домике, в окружении гор, зверей и орешника.

Небо. Земля. Дом. Тело. Я.

Осень и маленькие птицы в небе. Тени всех, за кого я молилась. Старый дом и в нем растет виноград. Из окна звучит музыка, на подоконнике играют птицы. Что мне делать, господи?

Есть ли любовь. И как ее вспомнить. И как вернуться в те годы, когда существование с пустыми глазами казалось бессмысленным хождением в сон.

Я шла и зашла в тупик. Хотя мне казалось, что все наоборот.

Человек.

Осенний ангел тихо целует меня в висок. Он так похож на все, о чем я скучаю. Он не мужчина и не женщина. Он знает мой путь, как я не знаю его. Он душа всех существ и предметов, что я любила: плюшевого льва, кошки Ю-ю, хризантемы, серого одеяла, пылесоса, леса.

Мне нужно еще немного времени. Я смогу сплести паутину из дыма костра, в котором горят бумаги, верещания ворон над потерявшимися деревьями, звука горящего газа на кухне, запаха мокрой шерсти.

Мои ресницы. Здесь и там.

Я бы хотела упасть в стог сена. Скатиться вниз. Видеть ветер, шагающий по траве. Ждать кого-то. Обязательно ждать кого-то. Все мои кусочки – билеты, багажные бирки, кафе, строчки, причалы, перчатки – все они были из странной пустынной жизни. И даже если они – это я, не значит, что они мне дают что-то, кроме отчаяния.

Вчера ночью приснился кошмар. Я перестала бояться в жизни, но все еще боюсь во сне. Но мой тоннель меня выбрасывает в самый желтый на свете стог. Мне не холодно под дождем, мне не нужно кутаться, мне не нужно ничего забывать. Мне нечего забывать. Я полна, как только испеченный хлеб. И этот вкус полноты я беру с собой.

Осенний ангел приносит солнце и утро. Я прошу его прислать мне книжки – он обещал. Я передаю привет своим. Он может приходить только утром, поэтому я встаю рано. Я обещаю, что справлюсь.

Мне мягко.

Я иду варить кофе и разводить краски.

Я никому ничего не обязана, не хочу удивлять или быть кем-то. Я просто строю мир в котором буду жить. Варю свое снадобье от холода, который идет шаг в шаг следом, словно тень, и мы вынуждены каждую секунду мастерить что-то теплое посередине стального неба:

Границы человечности.

....возвращая Память, возвращать Душу...

“Ноги”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

Первая молитва – Богу. Вторая – Духу. А в третьей три слова: «Держи себя в руках».

Мне больно.

У меня единственная мечта. Свобода от ненависти к себе. Я устала так жить. Я была легкой только во сне. Я не понимала, какая часть тела с каждым утром начинает раскручивать этот нарыв. В шесть я еще была счастлива, а в десять уже себя ненавидела. И так каждый день в течение двадцати лет, с редкими перерывами на забвения.

Раньше мне было важно нравиться. Сначала маме, потом мужчинам, потом одному мужчине, потом всем. А сейчас – хотя бы себе.

Летом я попросила умереть. Искренне, сильно попросила, и я знала, что он меня услышал. Я видела мордочку собаки в ночном небе, и она мне улыбалась. И я попросила со слезами: «Забери меня отсюда!». Утром проснулась с температурой и в волдырях. У меня вылезли почти все волосы. Никто не мог сказать, что со мной происходит.

Я забыла, что такое косметика. Я живу с мазями и витаминами. Надо мной каждый день та мордочка собаки, и она мне постоянно говорит: «По-простому не получится. Умереть – слишком легко. Заболеть – слишком легко. И даже прыгнуть с крыши слишком легко.

Попробуй жить».

Напэ и псапэ.

Быть человеком – это быть собой. Быть собой – значит не кем-то еще. Это быть единственным экземпляром. Не известной художницей, черкесской девушкой, экзальтированной поэтессой, строгим критиком, успешной галеристкой, стройной балериной, бесстрашным депутатом, непримиримым борцом за права животных, монахом, вегетарианцем, тележурналистом, а кем-то, существующем в гармонии с моментом настоящего.

Без спешки, без промедления, без ужаса.

Этот покой дает внимание, внимание дает ответственность, ответственность – свободу от бесконечной погони во всех направлениях. Свободу.

Ты собираешь кусочки душ по миру – слов, мыслей, слез, чтобы сложить их в свое правило. Чтобы потом кто-то взял и твой кусочек. Так мы делаем время.

Бостон. Домики, тихие и прекрасные. Я хожу по этому городу с одним единственным желанием. Я не могу говорить и ужасно стесняюсь, у меня комплексы по поводу всего, ужасно хочется есть. Моя первая заграница. Я купила духи Ланком в дюти фри с прекрасным названием Qui и мне хотелось остаться.

Вечер, Новая Англия, бесконечная мягкая осень. Готовят суп-ротатуй и пьют вино. Почему я это помню? Книжный магазин, метро, Оден. Мы жили в маленькой квартирке. Наша комната выходила окнами на фабрику. Эта реальность за окном все время шумела кондиционерами, не смолкая ни на минуту. В комнате были только матрас и стеллаж. Позже мы купили в антикварном магазине угловую резную полку за 10 долларов и я навсегда влюбилась в старьевщиков. На полке поселился Оден и Qui. Вечером на матрасе я писала свою сказку при свечах в тетради, и эта сказка стала для меня местом, в которое я убегала, чтобы набраться сил.

Днем я в библиотеке читала все, что можно было прочитать. В конце каждого книжного стеллажа стоял столик с розеткой, где можно было спрятаться с компьютером. Там все пахло благополучием. И люди им пахли. Можно было взять бумажный стакан с жидким кофе и сидеть на траве. Тут же рядом валялись американцы, они были для меня непостижимые ангелы из другой реальности, в которую я скреблась, стучалась, царапалась, но меня не впускали.

Ровно десять лет назад.

Я заглядывала в их окна. После уроков английского шла домой по вечерним улицам, парку, вокруг был изумительный Бостон, который для меня до сих пор как нестирающееся кино, и примеряла на себя ту жизнь. Она была непостижимо

моя и не моя. Ту часть, что была моя, я уже прожила. Почему я не смогла ее удержать?

У меня не было сил сопротивляться. У меня не было никакой системы координат. Еще. А другие, даже если любят, все равно ошибаются.

Это была одна из тех жизней, которые я вычеркнула из себя. В свое время я устала объяснять, почему вернулась. «Я не смогла». Меня это подкашивало. Но сегодня, сейчас, видя все внизу и во времени как удивительный орнамент памяти, я знаю, что ответ был: «Я не должна была остаться». Вернее, та я, которая желала быть всеми и сразу, и я, которая знала, куда нужно идти и вести за собой это отчаявшееся сознание, - они не встретились.

Что такое человек? Кто это? Как он выглядит?

Я не знала, что нужно было предпринять, на какой скале провести месяц без еды, с какого обрыва прыгнуть, чтобы обрести силу смотреть прямо.

Дай мне ангела любви. Пусть он будет сильнее.

В моем параллельном мире мир был белым, Советский Союз не развалился, мы жили на даче с туманом и лесом, я пекла по утрам оладушки, у нас была печка и яблоня, кот и собака. Почему я там? Почему на моих плечах шаль и все напоминает какой-то фантастический фильм? Почему мы ставим пластинки и слушаем «Воздух» Баха? Это ничего нет, нет, нет. Нет этого платонического существования, полубедного-полубогатого, нет вязания, портных, молодой мамы, ее друзей. Нет поэзии, альпинистов и дружбы народов. Нет зябких ладоней в кармане чьего-то пальто, нет узоров на запотевшем стекле троллейбуса, нет нового года и шампанского, нет кресла-качалки в библиотеке, нет философских разговоров и конференций, нет академгородков, нет ракет, нет теннисных тапочек. ЭТОГО НИЧЕГО НЕТ! И тебя там нет! В этих НИИ, деревянных панелях, в этом иллюстрировании «Калевалы». Ты заблудилась там, где ничего не может быть.

Сосруко отдал напиток богов, светлое сано, всем людям, вместо того, чтобы отдать его одним только нарским родовитым витязям. Окровавленный перстень Сатаней. Сосруко убили свои же - нарты.

Мне все время было холодно. Я не завидовала никому, кроме самой себя из параллельной жизни, той, которую я должна была жить сейчас.

Я сидела на лавочке и говорила, Он был так близко, что я могла чувствовать его слова, глаза и дыхание. И я возвращалась. С трудом, бессонными ночами. Проползала и просила еще один шанс. Просила его дать мне такую жизнь, чтобы была и жизнь, и Он. Вместе.

Я мечтала, мечтала, мечтала. Галерея, галерист, он говорит с мамой, он предсказывает ей, что она снова выйдет замуж. Жалуются на бизнес. Приглашает остановиться в его доме. Меня заносило мгновенно и в лицах.

Я жду автобус. Я жду автобус.

Я замерзла на остановке и жду автобус.

Я просила его не уходить и продлиться.

После каждой смерти рождается что-то.

Призрак, смотрящий на меня строгими глазами. Они держат секундомер.

И я бегу. Бегу, чтобы разогнаться и впрыгнуть в себя, и не иметь больше тени.

Все свою жизнь я стараюсь перезагрузиться.

Перезагрузится и встать на ноги.

Встать прямо и легко.

Стать легкой как ее воспоминания.

Стать.

....возвращая Память, возвращать Душу...

“Паутина”, холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

«Твой дедушка - настоящий кабардинец».

Они бежали из Византии в Крым.

«Урым» - адыгское название византийских греков.

Мне казалось, что я сейчас закричу, но это будут не слезы, это будет рев медведя в каменной берлоге. Я буду реветь, а потом царапать когтями до крови стеклянный вольер, на котором нарисованы кавказские горы, сосны, море.

Мне хотелось пить кофе под завывание норд-оста, спрятавшись за мамину спину подсматривать утренник в детском саду, развешивать на елке меренги, красить ногти и глаза перед зеркалом, одевать белье, лежать в горячей ванне с пузырями, готовить и ждать гостей. Но я была жалким железным медведем, который кричал, но его никто не слышал. Который ненавидел этот дом, вид за окном, ветер.

У меня не было сегодня, у меня не было глаз, елки, мамы, города, земли.

У меня не было настоящего и меня в нем не было. Вернее то, что было, было огромным грустным чудовищем. Суицид был бы слишком легким решением, и я убегала туда, где мне было легче, туда, где мне казалось, что не одна. В воздух.

Я год учила себя летать и не плакать. Я проиграла.

Я долго не могла выговорить букву «г» перебравшись из Краснодара в Санкт-Петербург. То, что мы считаем общекубанским «гхэ» на самом деле адыгское «хъэ», основной звук черкесского мира. «Хъэ», которое у черноморских адыгов заменялось на «джъэ».

Я – медведь, который ненавидит. Которому дарят медвежьи подарки, который тонет и кричит.

Уйдите все, оставьте меня одну в этой пустыне, мне надоело убеждать себя жить. У меня нет сил разворачивать эту гору. Можно я просто разобью стекло, открою рот хлынувшей с неба воде и буду тихо и счастливо погружаться на дно.

Восхищавшая Толстого в казачках славянская статность при четких, словно нарисованных, черкесских лицах.

Пцэ мэузы фэдэу шхэ, уинэ мэузы фэдэу плъэ, плъакьо мэуз фэдэу кло – «Кушай так, словно у тебя болят зубы, смотри так, словно у тебя болят глаза, ходи так, словно у тебя болят ноги».

Мои прабабушки по маминей линии были белорусскими целительницами, а бабушка - врачом, признававшим только антибиотики. Когда ее хоронили, говорили, что «ушла святая». Моя мама, как и многие из них, родилась в Черноручье. Это наше место на карте. Черная вода. Многие по этой линии умирали от рака. Мы все ждали эту метку.

Мне казалось, что она всегда со мной: черная вода.

У меня часто в голове вертелись какие-то слова, похожие на заговор. Так я начала писать стихи. В детстве я не могла спать. Мама меня водила к бабке, которая лила воск. В воске были лица, лица, лица. Я помню этот запах.

Пока я не встретилась с синим дьяволом лицом к лицу, я его боялась. Теперь не боюсь. Я привыкла к этой фантазмагии. Мне не верят, пока не живут рядом.

Ад – это ежедневное желание смерти, но только в аду можно вспомнить рай.

Я выползала, но не потому, что была сильной. Наше лекарство, заговор и антибиотик – теплое состояние сердца.

Мне нужно продлиться. У меня может не хватить сил. Вернее, у меня их просто нет.

“Геленджик”. Документальный фильм семьдесят седьмого года. Рыбаки, которые ловят рыбу. Лесники, которые засадили пустующие горы сосной. Ученые, которые помогли провести расчет и сделали в центре бухты песчаный пляж. Искусственные причалы, которые построили возле пансионатов для купания, дабы миновать неприступные скалы. Виноделы, которые разбили на камнях виноградники и стали выращивать Мускат и производить знаменитое десертное

вино. Я смотрела фильм, в котором жили люди.

Я выла. Я выла как какой-нибудь русский, оказавшийся в Геленджике после окончания Кавказской войны, видящий лишь запустение и трупы.

«Что мы наделали, что мы наделали».

Что мы наделали.

«Жила-была одна баба». Свои бьют своих. А потом крестятся и стучатся головами о землю. А потом бьют своих. А Он, на небе, все помнит. И помнит гыбзэ, песни-плачи, которые напевали во время застолий джегуако: «Пусть же сойдут наши враги с ума, пусть перебьют они друг друга».

«Какой ужасный темный народ», - провозгласили великие русские писатели. И Мариенгоф добавил: «Я ненавижу свою кровь».

Мы боимся признаться, что мы - нация полукровок. И никто не хочет отвечать за свое прошлое, потому что всегда найдется какой-нибудь полунемец или полуеврей или грузин, который был во всем виноват.

Что мы сделали с собой.

Во мне тонкими нитками мерцают звездочки от белорусского Полесья до Осетии, от Константинополя до Украины. У меня уже не будет другой системы. И плачу от того, что вижу. Мне больно. Но я сильнее.

Я люблю Византию за то, что она успела передать себя России. Я люблю генерала Раевского, который убеждал императора Александра Второго изменить тактику на Кавказе, ибо «выжженная земля» никогда не станет «землей». Я люблю Горького и Григория Асеева – у них не было выбора. Мы должны были утонуть. Я люблю Сталина, за то, что мы победили в войне. Я люблю ГУЛАГ, потому что знание изнанки было дано только нам и Шаламова за то, что он смог это вспомнить. Я люблю Брежнева за прекрасный ад мечтателей, которые не ведали, что живут свое лучшее время. Я люблю свою страну не так, как ее завещали любить. Я уже больше не буду плакать при звуках гимна, но знаю – я не должна отречься.

Потому что мы знали ад. А значит – видели все.

Я хочу любить себя.

Живые мертвецы – это те, для которых грезы и воспоминания становятся все ближе, а жизнь все больше меркнет в тумане. Живые мертвецы – это те, которым для соприкосновения с реальностью нужны все новые и новые потрясения: любовь, война, болезнь, театр. Живые мертвецы – это те, кто приносят в жертву воздуху все теплое и ароматное, те, для которых жизнь другого человека заменила свою собственную, те, которым одиночество дороже живых людей и которые предпочитают умереть, будучи «Здесь», не понимая, что этим предадут себя и Бога, в которого не верят.

На Кавказе человека со старым сердцем и бессильным смехом называли «недостойным», Православие просило оградить от «духов воздуха».

Это те, кто плодят грезы, в сети которых попадают живые люди, начиная грезить им в такт.

Я летала по своему стеклянному кубу, все больше растворяясь и уменьшаясь.

Мне доставляло боль любое движение мира – от подарка до поцелуя.

Признайся же, что тебя почти не существует.

«Это ошибка. Это путь в никуда. Ты исчезнешь!»

Человек вырвался вперед не потому, что у него ум или интуиция, а потому что ему дана сила подниматься. Это как взмахи крыльями, которые несут словно невидимые двигатели над землей. Каждый день создавать из хаоса гармонию, каждый день вытаскивать себя из пропасти, ползти, даже зная, что все безрезультатно.

Потому что остановки становятся все короче и короче.

Обрела ли я корни? Я их не теряла. Но они меня не видели. Каждое утро, я начала вспоминать имена, лица этих людей. Скорбные, скорбные лица, как все, что произрастало на этой земле. Я их собираю за столом, расставляю стаканы, хлеб и картошку. «Здравствуйте. Вы из разных мест, стран, крови. Я раньше вас не видела, и вы меня тоже. Но я пришла, чтобы соединиться. Я парю над землей, я люблю ее. Я иногда даже на ней стою. Но мне нужно прорасти так глубоко, чтобы не осталось сомнений. Мне нужна стойкость. Чтобы не осталось сомнений в настоящем. Дайте же мне себя, как я отдаю себя вам».

Они открывают глаза. Они поднимают стаканы. Они как запаутиненные статуи,

покрытые снегом. В меня ввинчиваются взгляды голубых и черных глаз, с каждым из них я задыхаюсь.

Почему мы никогда не могли жить в настоящем? Почему нужно было разрушать и начинать с нуля? Почему мы никогда не думаем, что будущее - это наказание? Что оно может мстить?

Зачем мне это, Господи?

Я застряла в нем, в этом фильме семьдесят седьмого года. В глазах тех людей. Других глазах других людей. Я застряла там, где меня нет. А там, где есть – пустота, которая становится все больше и больше.

Прометей был прикован к кавказской скале за то, что принес людям знания. Знания привели их в города. В городах они придумали письменность и стали писать. Им понравилось смотреть гладиаторов, а потом телевизор. Знания принесли скорбь, но еще страшнее - они принесли конец.

Человечек, который приходил ко мне в детстве – могли ли они быть одним и тем же призраком?

«Я нужна вам, а вы нужны мне».

Они жили тем же укладом, что и Нарты. Говорили на их языке. Они были как законсервированный образец человечества. У них не было письменности, театров, дорог, пароходов, пушек. Это все им было не нужно. Они не устремлялись в другие земли. Они сажали плодовые деревья посередине леса, а поля никогда не превышали размера небольшой поляны. Они жили тысячелетия в гармоничном балансе человека и природы, дома строились из глины и навоза, а путешественники поражались скромности и идеальной чистоте жилья. Древний этикет регламентировал все – от места за столом до поведения с животными, именно поэтому христианство и ислам столкнулись со странным равнодушием тех, для кого в этих истинах не было ничего нового. Их костюм совершенен. Их тела совершенны. Их женщины покидали корсет в день первой брачной ночи - его маленьким ножиком разрезал муж.

Любовь – это соединение.

Мы жили в настоящем, которое было будущем, но не узнали его.

Но ведь для чего-то нам дали это - Время.

Конец нартов связывается с их первой встречей с людьми.

«Грудная клетка человека представляет свернутые крылья».

Человечек, который сидел на люстре.

Ее съели ее собственные воспоминания.

"Смерть", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

«Твое счастье победило нас», - сказали Нарты.

Я нарисовала себя в идеале. Мое тело и душа следовали спроектированной картинке. Ответы приходили сами собой. Тело настроилось на программу и начало себя дорабатывать. Иногда бывают дни, недели, и даже часы, когда ты знаешь, что мир говорит: «Я тебя благословляю». Это люди, облака, надписи на упаковках с какао. Надо только идти не закрываясь.

Все было правильно.

Каждое утро я находила все нужные компоненты для жизни на собственной кухне. Я снова и снова повторяла – мы те, кто решает.

Я стою на ногах. Я стою на ногах. Подо мною земля. Она есть.

Турчанинов считал, что этноним Ахаи сохранился в синонимическом ему названии Аибга небольшого горного племени абхазов в верховье реки Псоу.

Аишъха – горя аиев. «Аргонафтика» Апполония Родосского.

Человек.

Я знала, что второй такой год не выдержу.

Я шла, бежала, снова шла и давилась сухими рыданиями ненависти к своей слабости. У меня была мечта. Мне хотелось выйти из тюрьмы и знать, что победила. Мне было тошно, все давило, как бетонная опускающаяся стена. Я билась со всех сторон. Я просила, просила, просила. «Как мне стать сильной? Как обрести веру в себя? Как закончить эту долбанную школу и встать на ноги?». Я больше не просила о красоте, здоровье, успехе. Лишь о том, чтобы вынести себя с достоинством. Чтобы знать, что я – не вопрос, не волосок, который трепещет и каждый день готов принести в жертву то, чем вчера клялся, а сильное бесконечное дерево, с бескрайними корнями и кроной, перерастающей в облака. Что моменты покоя – это не редкие затмения солнца, а плавное, тихое течение, которое не может сместить ветер.

Мне хотелось упасть в мокрую траву, извальяться в ней. Я шла по улице и вытирала слезы, на меня смотрели из машин, но мне было все равно – Италия это или Воронежская область.

Я должна была поставить диагноз. Я уже могла его поставить. И я набиралась смелости.

Что мне делать, Господи?

Он приходил и исчезал. Он приходил, говорил: «Я люблю тебя, девочка», а потом я что-то делала, даже не понимала что, и слова падала и извивалась как последний червь на самом конце дна. «Не оставляйте меня», - пищал этот червь без пола и имени. «Мне холодно, мне плохо, мне страшно». Земля вокруг шершаво ссыпалась от истощного усилия его писка, который никто не слышал. «Я проклинаю себя, я хочу умереть, я ненавижу свою жизнь, свое одиночество, ненавижу то, что жизнь как бесконечная одинаковая рутина, что нет никакого света, никакой радости, что я все время одна и мне плохо, плохо, плохо. Что я все время говорю с собой, и я все это ненавижу, а найти работу означает никогда не стать художником, и этот рывок в мир всегда заканчивался разочарованием. И я хочу бежать, но я не знаю куда. И я хочу быть счастливой, но не знаю, что это. И я плачу, плачу, плачу сухими слезами, которые надрыдают сердце. И я хочу выползти из этой паутины, из этого душного кокона, я хочу побрить голову и раздеться, пусть надо мной смеются и шарахаются все больше и больше. Я хочу уйти в монастырь и сидеть дни и ночи со свечой и маленькой иконкой, я хочу убежать ото всех и жить в лесу, как мои прабабушки с белками и лисами. Я устала барахтаться, у меня уже, кажется, нет больше сил. Что же мне делать, Господи, если я в тебя не верю...»

А Он смотрел.

Тихими глазами, в которых не было ни укора, ни осуждения. Он смотрел с экрана компьютера, с моей книжной полки, с иконостаса церкви в Геленджике, со стены фресок Айя Софии в Стамбуле, с моих картин и из моей памяти, из узора на столе, образовавшегося рассыпанным кофе, из облака, которое вдруг стало зверем, из морского тумана, накрывающего голову покрывалом, из снега, падающего на Константинополь и превращающего его в сказочный

лабиринт. Он смотрел, смотрел, смотрел. И я понимала, что и Он боялся. Но Ему хранить веру было намного сложнее, потому что от Него шли нитями светящиеся электроды ко всем еще более маленьким частицам.

Мы молились друг другу, потому что были одним целым, рождающимся и умирающим каждый миг. Этот мир был улиткой, меняющимся туманом, паром. Мы были воздухом, решившим, что рождены людьми. Но мы не были ими. Мы были заготовками, из которых какие-то единицы осмеливались на истощный крик падения. Мы были замороженными субпродуктами, которые могли стать самими собой лишь собственным усилием воли. «Господи, дай мне поверить», - шептала я, все еще распростершись на этой черной, влажной, пахнущей сыростью узкой земле. Мне было снова холодно, у меня коченели руки, мне казалось, что этой пытке не будет конца, что это самый настоящий ад с его вечными муками в бесконечном повторении одного и того же дня. «Дай мне поверить в себя, свое прошлое, будущее, в сегодняшний день. Дай мне знать, что могу быть человеком...».

У меня болели глаза, голова и снова хотелось плакать. Я пошла варить не помню какую чашку кофе. «Услы-ы-шьте же меня там...», - вопил голос, который уже осип от безнадежности. Мне не хватало тепла, света, пола под ногами. Мне казалось, что это все осталось в прошлом. Мне казалось, что то, где я живу, не моя жизнь. И моей жизни не существует. И даже в прошлом, в котором, кажется, было светло, мне тоже не хватало моей жизни. И так до бесконечности...

Я скучала по своему городу, по его улицам, кафе. Я просто скучала. Я скучала по тому, чего никогда не было.

Мне хотелось пойти к бабушке пить чай с блинами на теплой ароматной веранде с котом. Собирать калину. Наряжать елку. Прижаться к печке. Смотреть мультики. У меня не было ни бабушки, ни веранды, ни блинов. «Приглашение на казнь». Я не понимала, от чего бегу. И как выйти из этого колеса. И что еще с собой сделать, чтобы выпрямиться.

«У тебя все будет хорошо», - говорит улыбающийся голос сверху.

Когда мне хорошо, он плачет. Когда мне плохо, он улыбается. «Ты в двух шагах от края пропасти».

И я иду к ней, чтобы разбиться. С улыбкой и слезами. И разбиваюсь. А потом выскабливаю из этой разлетевшейся в прах посуды что-то маленькое, светлое

и живое. И это больше не червяк, потому что у нее есть ноги. И не слепой крик, потому что у нее есть глаза. Это кто-то, кого я еще совсем не знаю. И этот кто-то, эта «Она» остается. Остается на бесконечном расстоянии вытянутой руки. Чтобы потом всю жизнь звать меня и называть разными именами, каждую секунду забывая и вспоминая, что мы - одно целое.

Взятие Сочи означало завершение самой кровопролитной войны в истории России и Кавказа. После уничтожения отрядом Святополк-Мирского очага враждебных горцев, представителей небольшого общества Аибга, 21 мая 1864 года было объявлено об окончании войны и покорении Кавказа.

Аибга. Мне пятнадцать лет. Май девяностого года. Я, мама и Наташа едем на перекладных, автостопом на эту поляну над Адлером. Там мы сажаем кукурузу и просо на поле в окружении гор. Едим салат из травы. Одно радио на весь аул. Купаемся в речке.

Кукуруза – просо Нартов. Божественный початок, который даровал Нартам бог Тха, когда те, зная, что их время на исходе, попросили оставить память о них в ежедневной жизни людей.

Аибга. Зачем я туда попала? Как? Помню свое отражение в зеркале и Луну.

Александр Второй знал, что убыхи и абазины не остановятся в своем желании сражаться за родину.

Почему так совпало, что именно Западный Кавказ был истреблен, зачищен полостью? Почему именно русскими? Почему все время стирают древнюю память, пусть с даже совершенно другими намерениями? Почему зверствами генералов Зааса и Ермолова восхищался Пушкин и декабристы? Почему все молчали? Почему я родилась именно здесь, в февральский день, когда утром шел снег, днем дождь с грозой, а вечером выглянуло солнце?

Абазино-абхазо-убыхская письменность лежала в основе ашуйского письма.

Какой он, человек, когда он плачет? Почему ему нужны люди?

Я думала, что ошиблась. Но, в попытке найти ошибку и починить, я смотрела на маму, маму моей подруги, героинь фильмов, реальность, к которой мы все пришли и понимала, что равнодушие было не нововведением Советского Союза, это была фаза эволюции к которой Россия пришла через неправильно истолкованный идеализм Богданова, а позже Ленина, а Запад через повальное

разочарование в материализме.

Мы все зашли в тупик с обеих сторон и замерли в ожидании конца. Но мне хотелось жить.

Мне хотелось кричать от счастья, плакать от обиды, скучать, рыдать, целовать, кутаться в шерстяной платок, гладить кота. Что еще. Пить, есть - замечая это...

Мне казалось, что меня вылечит Италия. Здесь я нашла тех же равнодушных людей. Безумцы перевелись. Те, кто бегут ради бег.

Но мне хотелось жить. Человек равнодушный вне системы. Мы соединяемся родом, семьей, детьми. Этому меня научил Жабаци Казаного, адыгский философ семнадцатого века. Человечностью было это - Соединение. А еще равенство. Последнему меня научил афганский поэт и прораб Султан Ахмад. Я бы не нашла лучшего определения человечности.

«Они заранее строили себе рабочую родину в холодной стране, нагретой дружбой и теплом».

Я устала.

Я задавала вопрос. Я знала, что там, наверху, все хотят, чтобы я выбралась из своей смерти. Теней стало больше, это были души рек, гор, а не только мертвые поэты. Они стояли вокруг меня и держали меня за волосы. Мистер Джакомо Джойс, Рильке, а рядом с ними они, они, они, женщины-птицы, женщины-цветы, которые поют, пахнут, тают. И я. Никто. Я такой не была, я даже такая не есть.

Надо любить телом, глазами, завистью к себе, жизнью, где запах жасмина.

Во что она сама себя превращает, погнавшись за будущим, которого нет.

Возвращение в тело, а потом — к людям.

«Сколько нужно еще работать, чтобы развернуть из этого зародыша летящий, высший образ, погребенный в нашей мечте».

Надо подпрыгнуть и зависнуть в воздухе.

Только это правда. Высота. Чистота.

Состояние.

Это дается свыше. Подпрыгнуть и остаться там. И продолжать жить. Это моя мечта.

Я возвращалась в Геленджик. Садилась в маленьком греческом кафе. Здесь обменивались новостями, строили планы на будущее. Я была там, потому что не было на земле другого места, которое могло бы накормить меня. И здесь, потому что там уже ничего не было. Только воспоминания.

Помогите мне продолжиться. Жить не опускаясь на землю.

«У тебя есть силы сделать это».

Какая красивая смерть.

Ищите тепло внутри.

"Сон", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

И я прошу: «Забери у меня Ангела Смерти, и дай мне Ангела Жизни».

И еще прошу: «Дай мне сил не падать от каждого слова, не тонуть, не ждать ничего».

И еще прошу: «Не оставляй меня. Я сразу теряюсь. Дай мне быть. Каждый день. Не разминивать и не забирать».

«Я могу толкать стальное колесо нартов и руками, и лбом, и грудью, но если мне скажут: “Толкни бедрами”, то колесо отрежет мне ноги. Вот где мое слабое место, Тхожей. А где твое слабое место?»

Любовь. Я ее теряла и находила. Прошное затаптывало, я стирала пыль и называла прошлое словами. Откапывала под залежами удушья.

Ты не обязана ничего делать.

Мой призрак был в последний раз на фотографии из моих шестнадцати лет, первой фотографии на паспорт.

Счастье – в неотверженности. Счастье – идти в тишине.

Я обвинила Италию в том, что здесь слишком мокро, но забыла вспомнить, что человеческий организм должен приспособиться, и что иммунитет – это связь. Если он не работает, то проблема в том, как и что ты делаешь, а не в тумане. Если тело не функционирует, это проблема не тела.

Свои картины я показывала себе шестнадцатилетней. Если ей нравилось, я продолжала. Она была моим лучшим критиком. Тексты нет. Тексты из моей жизни были ей не нужны.

В своих шестнадцати я обливалась холодной водой на улице. Сначала болела, а потом организм решил за себя сражаться.

Себя иногда нужно будить. У меня была заколка с тряпочными лепестками. В том отражении в зеркале она тоже. Цветочек. Черный.

Почему я этим занимаюсь. Этой ненормальной психотерапией. Мне казалось, что починить настоящее можно только так. Прошное имеет все ключи от настоящего, нужно лишь их найти. Все повторяется, как в картине. Все подчинено ритму. Но эти ключи закопаны. Как заколка или воспоминание. Я помню свои отражения. Я помню их до девяносто второго года. Я совершенно не помню себя настоящую.

Я взяла в руки фотоальбом Ары Гулера «Стамбул». Предисловие Орхана Памука. Орхан, открывший миру Турцию. Орхан, в котором течет черкесская кровь. Орхан, любящий до беспамятства этот город. Я не смогла читать «Черную книгу» Памука. И вот я, готовая грызть камни обрамляющие бухту Золотой Рог. Я, которая плачет каждый раз, когда самолет приземляется в аэропорту Ататюрк. Мне так просто сказать: «Я ненавижу вас, сделавших мечети из моих церквей». Но тяжелее сохранять дистанцию.

Я родилась на земле, где, как и в Турции, ноги тонут в глине забвения.

Виновата ли я? Я пишу. И я знаю, что история - это пейзаж, который мы не видим рядом.

Альтернативного варианта нет. Просто нет. Но есть память, которая должна быть оплодотворенной временем целиком, а не его обрывками. Надо иметь смелость увидеть все.

Почему южно-русская волна литературы закончилась на Бабеле и Зощенко?

Потому что под ними была почва более глубокая, чем сто пятьдесят лет истории.

Я не обвиняю. Я говорю.

Подо мной земля, которая видит сны на языке, который помнят в нескольких аулах Туапсинского района. Подо мной земля, которая задыхается.

«Сэ уэ фыуэ узольагу», - шепчу я этой земле на инопланетном языке, который во времена Кавказской войны прозвали «татарским». Но она меня понимает. «Я тебя хорошо вижу».

Я спала с кожаным ремнем, затягивая талию. Для меня еда ничего не значила. Потом попала к краснодарской казачке. Она неплохая была. Она научила меня готовить борщ и клецки. Я поправилась на десять килограмм за полгода. Столкнулись два мира. Именно там я обливалась холодной водой на улице. От отчаяния и внутреннего протеста. Там выучила наизусть Вертинского. Там влюбилась в снег за окном и поняла, что рисование – летать. Господи, сколько всего там. Там я научилась покупать билет на автобус в Геленджик и считать дни до моря. Там начала жить воспоминаниями.

Женщина в черкесской шапочке с глубоко посаженными теплыми глазами, поющая на шершавом адыгском языке молитву о дожде и моя краснодарская сумасшедшая хозяйка, сохранившая при своих годах какую-то кавказскую ретивость и пыл. Одни и те же глаза. Талии. Волосы. Они невероятно внешне похожи.

В девяносто втором эта казачка нагадала мне любовь. Какой прекрасный узор времени.

Она начинала медленное путешествие в мир, который ее никак не мог дожидаться. Она шла по тонкому слою хвойника на болоте. Чтобы идти по нему, нужно было набрать полные легкие и представить себя птицей. Знать, что возвращения не будет.

Я писала жизнь. У меня не было секретов. Мне было тяжело нести ее в одиночку.

Я проснулась в полседьмого с деревянной головой, подогрела молоко и чай. А потом вернулась в кровать и свернулась клубочком под одеялом. Мне пришел сон. Белый-белый сон, почти как бред наяву. Таких в жизни не бывает много.

Боже, сон, как я долго тебя ждала.

Мне снился мой дом детства. Мне снились потрескавшиеся белые побеленные известкой стены, небольшое синее окошко, за которым стояли сказочные обледеневшие зимние деревья. А мы спали, вдвоем, на белой железной большой кровати, под теплым белым одеялом. И была такая любовь, такой покой, такое тепло, о котором мы лишь вспоминаем в этом мире.

Я проснулась через несколько часов. Я была в той же свернувшееся калачиком позе, со скрещенными на груди руками, тело было повернуто на Восток, откуда каждое утро прилетают самолеты.

Туда, откуда все. В этой позе на Кавказе в белом саване тысячелетиями хоронили мертвых.

Я поняла, что излечилась. Мне оставалось просто научиться балансировать. Как когда-то в десять лет в этом же доме мне приснилось, что люблю, и проснувшись, глядя на часы, я уже знала, что любила, так и сейчас, за тысячи километров, мне пришел дом, именно мой дом, с кольцом гор и редким первым снегом.

Я ждала чего угодно, но не этого.

Я искала пристанище везде, а мне подарили воспоминания.

Был белый-белый теплый день, плюс двадцать в декабре.

Я бежала и хотела одного - не сорваться.

Я обрела потерянное. На балконе расцвели две красных розы.

Молитва об умерших.

Я перечисляю всех, кто был рядом, а еще всех моих, о которых впервые говорю: Лукинские, Клыгуновы, Асеевы, Качармины, Школьные. Елена, Василий, Татьяна, Анна, Ефим, Онуфрий, Леонтий, Антон, Иван, Григорий. И еще те, кто мне помогли выстоять: безымянные Джегуако, слагатели песен, что мне снились. Тихие Аза, которые, как и мои прабабушки, понимали язык птиц и зверей. Тени моей земли, которые от горя становились лисами и птицами, деревьями и травами. Люди, имен которых я не знаю, говорившие на шапсугском диалекте Адыгабзэ, языке моего леса. Я молюсь за вас. Вы меня слышите, я знаю.

На грудь запрыгнул кот и начал с мурлыканьем кружиться вокруг шеи. «Ты тоже ангел», - сказала я коту.

У меня появился дом, в котором я жгу свечи, чтобы рисовать: снег, ангелов, крыши, сумерки, котов, птиц, людей и будущее, которое когда-то было прошлым.

Я выбирала жизнь. Я восстанавливала по крупичкам мечты. Я боялась возвращаться в мой город. Это был город, в котором жила шестнадцатилетняя та, которая была последней мною.

Я начинала жизнь заново. Мне хотелось быть той, кем я еще ни разу не была.

Женщиной, любящей жизнь. Я помнила, что это бывает.

Я пишу в полумраке утра. Было семь, уже почти восемь. Я сижу босиком, в пижаме. Температура в комнате все та же, как и год назад. Но меня не трясет, я не обложена грелками и платками-носками.

Кто-то скажет: «Она была больна».

«Я была мертва», - отвечу им.

Я вспоминаю ту жизнь с ознобом. Я ее знаю.

Поэтому молюсь: «Господи, дай мне любить».

«Они вернутся», - шепчу я своей земле.

Ведь они так скучают, так помнят.

Иначе не может быть.

"Бесконечность", холст&акрил, 120 X 80 см, 2011

«Потому что в голову его вошло сердце и там билось над глазами».

Мне казалось, что внутри меня происходит что-то. Физическое. Как будто зрело какое-то существо. Это существо не было лучше меня, но оно было другим. И мне казалось, что эта личинка ждала с рождения какого-то приказа, чтобы начать делиться. И что через какое-то время она прорастет через то, что было мною, или то, что я считала, что было мною, высохнет и я перестану думать, говорить, писать о себе в третьем лице.

Я наплевала на все свои дистанции, планы, обязательства, пошла в магазин и купила новогодней ерунды. Я перестала крутиться как щенок, бегающий за своим хвостом и бубнить под нос: «Я все успею, все успею, все успею». Все кусочки моей памяти, летающие в голове, сели как снегири на обледеневшей ветке из моего сна и сказали: «Твой дом – это то, что тебе предшествовало».

Твой дом открывается как волшебный сундук с новогодними игрушками, львами и зайцами. В нем принимает гостей зима, топят камин. Еж, лиса и несколько гномов несут по завьюженной тропинке рождественский пирог, где-то звенят колядками и собирают падающие звезды. Этот дом легко потерять. А теряя дом – остаешься голым посередине абстрактной пустыни и падаешь на колени в просьбе вернуть хоть что-то. Но она неумолима.

Холод никуда не делся. Он за спиной. Он улыбается и ласково щекочет: «Посмотрим, Малыш, насколько тебя хватит». И мне страшно, как я продолжусь. Как будет завтра, послезавтра, через год. Ведь сказать себе, что жить нужно «Так» - просто. И даже просто пожить месяц-два «Так». «Так» - не падая. «Так» - понимая ответственность каждой своей секунды. Как все мы знаем, что правильно, но ничего не предпринимаем. Но сложно представить, что «так» - это на всю оставшуюся жизнь. Но я знала, что если выстою – если буду бежать и не поверну, если буду каждый день держать себя в руках, если это станет моей системой жизни - то смогу полюбить себя. Как любила бы и восхищалась другим человеком: юным, цельным, здоровым, красивым, бесконечным. И мой дом не исчезнет. Они меня не оставят.

Я побежала. Было холодно.

Каждую ночь падаю, каждое утро подымаюсь. Я ждала, что наступит такое состояние, в котором не нужно больше этим заниматься. Но сегодня поняла его невозможность.

Бесконечность.

Бесконечность – это не свобода, это ежедневная битва. Как маятник. Этой битвой мы заполняем абсурдность существования.

Я поняла, что все поняла неправильно. Я бежала навстречу солнцу, просто бежала и пыталась найти выход. Отступила смерть, но не пришла жизнь. Пришел долг, дела, желание создавать теплое, но жизнь все еще оставалась в тех годах, где я не задавала себе глупых вопросов. Она осталась на берегу геленджикской бухты, провожающей в море диск солнца, как парусник контрабандистов. И не потому, что я там была счастливее, а потому что там была Я. Именно та Я, по которой я скулила, и не могла вернуть.

«Когда мир создавали сетью».

Всю ночь была гроза. А мне снилось снова, что я спешу на самолет, покупаю билеты, еду на вокзал. Иногда кажется, что мне не снятся другие сны. Или я о них забываю. Спешить в аэропорт. Куда-то ехать. Вот и все. Между этой суетой во сне редкие просветы, когда ты просыпаешься среди ночи и комнату озаряет свет молнии.

Я осудила всех. Всех, всех, всех. Осудила своего папу, свою маму, их обоих, свою бабушку за то, что она не знала наизусть Есенина, свою другую бабушку за то, что видела ее три раза в жизни. Свой город за то, что он меня наполнил чем-то, чему я не могла дать название. Море за то, что оно меня не излечило. Советский Союз за то, что он закончился за год до моего семнадцатилетия. Российскую Империю за то, что она уничтожила Кавказ. Кавказ за то, что я была ему чужой, как ни скреблась, ведь другого места на всей планете у меня не было. Мертвых за то, что они все видели и ничего не предпринимали и даже песню «Ты слышишь, море», которая сидела внутри как затаившаяся бомба.

Конечно, я осудила Бога тоже. У меня к нему был огромный список претензий.

За свое перманентное убожество, за слабость, за страх, за невозможность причалить к берегу.

Но я побежала. Не от спорта и не от радости. От отчаяния. И пока бежала, а потом покупала груши, я все поняла. Я поняла, как слаб осуждающий. И как право время. Оно на меня смотрело смешливыми глазами.

«Простите».

Но мне казалось, что этого так мало, чтобы разбить свою хромую лодку.

Море. Над ним дымка, свет. Свет перебирающей секунды ряби. Это не отблески – это жар, который поднимается в солнечный день и отправляет тебя в такие дали, мечты и высоты, что возвращение равносильно смерти.

Обледеневшие ветки шиповника на фоне белого-белого снежного воздуха. Снежной долины, словно из картины Брейгеля. Маленький мальчик в черкеске с дедушкой собирают красные ягоды. «Адыги верили в то, что души предков живут в траве и деревьях», - говорит голос за кадром документального фильма. «Не рви траву», - говорили они. «В ней усы твоего деда».

Я видела эти ветки. Господи, где же я видела эти ледяные ветки на белом-белом полотне мира? Они мне только что снились. Мой белый сон с ледяными ветками за окном. Все соединилось.

В этот момент сильный порыв ветра почти сбивает меня с ног.

«Господи, никто не виноват».

Море накрывает меня с головой и я таю.

Во мне текут тихие слезы, но я их почти не знаю, потому что свет пронизывает все миры, все времена, все души. «Никто не виноват». Я остаюсь в нем. За столом, где я писала в полумраке геленджикской квартиры, в бостонском кафе за чашкой Латтэ, в театральной библиотеке Петербурга и синем полумраке Александринки. Танцую вокруг стола в Краснодаре. В парке дворца Топкапи, вбирая каждую точку на горизонте бухты Золотой Рог. Во всех мирах, до и после меня.

Когда мне становится грустно, я перелетаю в мой город. Хожу по его улицам, смотрю на осенние листья. Иду в лес или сажусь на камень. Подо мной бухта,

над ней Мархотх. Это не ностальгия. Это связь. Мне не о чем скучать, но ничто и нигде не дает мне этой боли и слабости. Нам кажется, что мы отрываемся в небо, но с годами мы все больше прорастаем.

Если голос чувствует рядом океан, следуй за ним. Ты не знаешь, какими путями поселилось это внутри. Но оно живо. Оно есть. И оно говорит.

Их ангелы не научили письменности и математике, агрономии и архитектуре, но они помнят Прометея. Их не научили быть выше бога, а нас – да. Чтобы мы бежали за собой от рождения до смерти проклиная и любуясь, но не находя пристанища.

Они не покидали рая.

Мир стал однообразно отчаявшимся. Мы с трудом находим тему для разговора. Ангелы, научившие людей письменности, искусству и деньгам, победили. Вперед пути нет, есть путь только назад. Вспомнить все.

«Честь и добрые дела». «Напэ и псапэ». Этим чаши весов над нашим ежедневным падением и воскрешением уравниваются.

Псытха – «бог-дух». Они знали его задолго до нас.

В каждом отчаянии, в каждой слезинке я больше не ищущу вины, я просто опускаюсь в эти места, словно улыбающийся прозрачный ветер, который смог прожить все те жизни, от которых я отказалась. И этот всезнающий ветер вероятностей заказывает себе в маленьком стамбульском кафе пахлаву, целует камни Константинополя и говорит им: «Я слышу вас», а потом, оставив несколько лир на столе, взрывается вверх, зависает на орбите и видит все-все-все. И это прекрасно. Потому что в каждом падении есть схема лечения. И всегда была.

В моей памяти появились люди и я была им рада. Они прорывали теплыми руками паутину, доставали меня и наливали чай. «Сколько за столом посидел, столько в раю побыл», - говорит бабушка.

Девяносто второй перевалил через край, как забытая под самоваром чашка. Он во мне больше не скулил. Не лаял. Я помолодела. Мне это сказали несколько человек. Даже более. Несколько человек меня не узнали, включая собственного стоматолога. Мне было семнадцать. У меня были те же проблемы, те же мании. Но время пошло. И я знала, что теперь буду стареть вся вместе,

а не по отдельности. У меня впереди была целая жизнь, в которой нужно было немножко похудеть, слегка подкачать мышцы ног. Но это были приятные глупости.

Я знала, что завтра встану утром и побегу по влажному воздуху, потом обольюсь ведром ледяной воды, буду пить кофе и рисовать.

Я больше не была кем-то, кто мог ездить равнодушно по встречной полосе и радоваться ужасу сидящих рядом спутников. Мне больше не казалось, что я мужчина, выплавленный из стали. Я больше не была кровавым месивом кричащих мышц и костей, перебинтованной мумией, оболочкой со светлыми вьющимися волосами и лицом старухи.

Меня не стала больше пугать смерть, но захотелось узнать жизнь.

Этот могильный холод, который начинался от пальцев рук и переходил через все тело на корни волос, это была запущенная расплата, растянутая на двадцать лет, пока совершенно не осталось горла дышать. И я благодарна всем, кто давал мне путь.

Мне тяжело. Но скоро я привыкну.

«Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто».

Бесконечность.

Мы действуем без делания. 8 декабря. Мое число. И мое время. Соединение.

Я поставила диск с арфой. Она залила до краев небом.

«Она была мертвой. Ее целовал принц, но поцелуи не могли расплавить лед, сковавший душу. Ей пели птицы, и что-то говорили звери, но она уже не могла их слышать. Ей были противны звуки и шорохи мира, она себя знала посередине пустыни, не имеющей тела и пола, прекрасной и вечной как Вселенная. Ее с жизнью соединяло все меньше и меньше нитей, оставшиеся она перерезала маленьким перочинным ножиком, понимая их бессмысленность. У нее в живых осталась только память, так как в настоящем ее уже не существовало. Но она захотела вернуться. Она взяла память и начала вспоминать самое теплое, самое простое из своей жизни. Она вспомнила запах цыплят, крики чаек над морем, вкус виноградного варенья и тепло стенки,

прогретой печью. Она вспомнила, каким был на ощупь ее шерстяной костюм с красной розой, и даже шероховатость красной помады на губах. Дождь, падающий на стеклянную крышу. Дождь, падающий сверху. Дождь. Ночной дождь. И она пошевелила одной рукой, потом второй, потом пальцами. Откуда-то изнутри пронеслась стрела, как зеленая ветка, раздробляющая скалы. Она вспомнила, что можно плакать. Из нее потекли слезы жалости к себе, а потом жалости ко всему миру. С каждой вспомненной мечтой от руки или уха отваливался кусочек камня. От нее отвалилось много килограммов, даже центнеров. Она сняла свое лицо как маску, повернулась и увидела испуганные глаза принца. Но это уже совершенно другая история».

Я остаюсь в этом свете.

Ангелы, мертвые, реальность, времена - все это существует в Сегодня.

Параллельно нам.

Мы все любим друг друга, только забыли об этом.

Рай и Ад внутри нас.

А после – сокровища воспоминаний...

Декабрь 2011, Рим.

О книге «Дорога домой» Мадины Хакуашевой

Мне тяжело писать об этой книге. «Дороге домой» предшествовала вся моя жизнь. В недавно вышедшем на экраны фильме «Ешь. Молись. Люби» есть эпизод, где филиппинский лекарь дает главной героине рисунок зооморфного буддийского божества и поясняет: «Жить надо как на этом рисунке - голова должна быть в небесах, стоять нужно на всех четырех ногах, а смотреть - сердцем». У меня к моим тридцати шести годам получалось только летать в небесах, причем парить так высоко и счастливо, что в один прекрасный день я пришла к полному убеждению, что в этой жизни меня совершенно ничего не держит. Это осознание пришло так ясно и просто, что меня ужаснуло. Именно в этот момент я была в моем родном городе на берегу Черного моря, в Геленджике, и так получилось, что в нашу школу зашла знакомая женщина из Москвы, психолог. Я впервые решила поговорить с психологом, потому как знала, что вряд ли кто-нибудь еще будет способен адекватно на мое открытие отреагировать. Она выслушала мое: «У меня все прекрасно, но я не хочу жить», и к моему удивлению констатировала: «Тебе нужно полностью принять себя». Это было как удар по голове чем-то тяжелым. Я ожидала всего чего угодно, но только не этого. Через два часа у меня поднялась температура до тридцати девяти, меня трясло, я лежала в постели. На следующий день я решила, что стоит не умирать хотя бы для того, чтобы понять то, что услышала. Это был март 2011 года.

Я вернулась в Италию. Что-то сомнабулически делала, но интуитивно все глубже и глубже уходила в свои воспоминания детства. Рыла ход туда, где были мои родители, родители моих родителей, деда. Михайловской Перевал, где родилась моя бабушка. Их мельница на реке Догуб. Самая высокая точка района, расщелина двух идеально стоящих гор, окруженных дольменными комплексами: горы Тхаб и горы Тхачегочук. Моя мама, севшая беременная мною в автобус, и, как зомби, вышедшая на остановке Михайловский Перевал, а после заблудившаяся в этом лесу. Папа, выросший на пасте - кукурузной каше. Наш длинный выросший в землю покрашенный известкой турлунный дом в трех кварталах от моря, колодец с минеральной водой, двор, больше напоминавший лес. Я восстанавливала в памяти все деревья и кусты моего двора: калину, орешники, инжир, виноград «Изабелла», который мне заменял завтрак, обед и ужин. Моя душа собирала по крупницам все подробности,

чудеса и кошмары моего детства: лес возле нашей пятиэтажки, мои бессонные ночи, бесконечные голоса в голове, пугающие тени. Я все это потихоньку зарисовывала, и, когда поняла, что тени должны иметь исток и начало, мне вспомнилось время работы на геленджикском винзаводе, где я пыталась написать историю виноделия в регионе, и наткнулась на кусочки информации о местном, черкесском населении, которое активно возделывало виноград, но вместо лозы использовало деревья. Мне это еще десять лет назад врезалось в память, а тут всплыло и как говорящее облако повисло над головой.

Какая могла быть связь между моим «принятием себя» и исчезнувшим черкесским населением Черноморского побережья, о котором помнят разве что один-два работника краеведческого музея? Это было абсолютным абсурдом, но облако не уходило, и я решила не сопротивляться свершению чего-то свыше. В марте месяце я начала потихоньку читать историю Кавказской войны, сайты, посвященные культуре и истории Черкесии. Уже слегка окунувшись, у меня вдруг возникло чувство, что земля подо мной раздвигается вниз и вири. Но я не падаю, а, наоборот, взлетаю. И в этот самый момент я обнаружила на одном из адыгских сайтов «Дорогу домой» Мадины Хакуашевой. Для меня это было равносильно тому, что эта раздвинувшаяся земля вдруг со мной заговорила, и через монолог человека, женщины, о своей семье, о своем народе, вдруг разрозненные осколки моего города, моей семьи, начали собираться в какую-то нить.

В жизни каждого из нас есть книги, и их очень мало, которые становятся хлебом и вином. И говорить о них, как о литературных текстах, смешно. Но именно такие произведения и есть искреннее, простое, теплое искусство, в его самом высоком значении. Искусство, дающее жизнь. Такие книги рожают в нас других людей и указывают «дорогу домой». Душа автора, встречаясь с другими душами – его читателей, воссоздает, строит что-то иное, ранее не существовавшее в мире. Какую-то новую истину. Али Шогенцуков говорил, что Теун станет поэтом. Но поэтом стала другая, та, о которой он не мог знать. И Мадина Хакуашева приводит записи Теун в своей книге, давая возможность этому странному, самобытному голосу быть услышанным. Многие строчки из «Дороги домой» стали для меня ежедневными спутниками: нартская сказка бабушки о том, как люди хотели дотянуться до неба и ее описание недостойных людей, «которых ты никогда не поднимаешь, но они тебя опустят»; человеко-

дерево с корнями, «Зрелость», приносящее плоды; мама, которая говорит, что «смерть можно полюбить так же, как жизнь»; мудрец, произносящий: «Я не понял божественного смеха: он смеялся над жизнью и над смертью»; Гегель, который считал черкесов, являвших собой «олицетворение торжества духа над плотью», наивысшим воплощением «бога-духа» и самое главное, ставшее моей еще одной утренней молитвой: «Ничего не бойся, кто не боится, тот уже победил».

Я прочитала большое количество книг по истории Черкесии. Они меня пугали, но оставляли равнодушной. Я, как и все мои соотечественники, говорила: «Прошлое есть прошлое. Надо о нем забыть и пытаться стать другими». Но мы не можем стать другими. Хотя бы потому, что мы уже рождены другими. Наравне с убийством, завистью, гордостью, унынием, есть и такой грех – забвение. Только мы мало об этом задумываемся. Нам кажется, что забвение – это радость. От этого все наши беды: мы как наркоманы спешим от стола к телевизору, чтобы потом забыться во снах, где будут проигрываться все те же сериалы, а утром, как роботы, встать и пойти плодить бессмысленность. Стараясь найти ответ на самый главный вопрос: «Зачем жить?», я, как и героиня из фильма «Пятый элемент» спрашивала всех вокруг: «Зачем жить, зачем делать что-то, если человечество уничтожает себя, уничтожает Землю и все, населяющее ее? Зачем принимать участие в этом шабаше, если вырваться из замкнутого круга почти невозможно?». Книга «Дорога домой» стала для меня голосом живого человека, а не историческим фактом. Этот голос открыл мне многое, заставил идти дальше. Заставил читать, думать, открывать другую историю, восхищаться системой гармоничного и экологического мироздания, созданной и сохранявшейся тысячелетиями на Кавказе адыгами. Их духом. Их обычаями. Их этикой. Пытаться что-то изменить в себе. В других. Я проплакала весь апрель, а в мае начала рисовать.

Я больше не пытаюсь оправдать случившееся сто пятьдесят лет назад. Российская Империя, безусловно, не без участия других империй, взяла на себя слишком большую ношу вины, которая повисла у всех как камень на шее. Это оправдать невозможно, хотя возможно объяснить. Мы все время что-то объясняем, но чаще заменяем объяснение забвением. Приумножая этим тяжесть. Я недавно перечитала некоторые произведения Толстого. «Лев Толстой – наше все». Его жизнь тоже замкнулась в интересное кольцо. В первой большой повести, «Казачи», где он пишет о своей службе на Кавказе среди тех, которые больше «своими» считали «черкес и абреков», чем «малороссов и солдат», есть такой пассаж, неотправленное письмо Оленина, которое определило наперед всю жизнь великого русского писателя и его искания: «Вы не знаете, что такое счастье и что такое жизнь! Надо раз испытать жизнь во

всей ее безыскусственной красоте. Надо видеть и понимать, что я каждый день вижу перед собой: вечные неприступные снега гор и величавую женщину в той первобытной красоте. Коли бы вы знали, как мне мерзко и жалко вы в вашем обольщении! Надо видеть и понять, что такое правда и красота, и в прах разлетится все, что вы говорите и думаете, все ваши желанья счастья. Счастье – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней. Я только одного и желаю: совсем пропасть в вашем смысле, желаю жениться на простой казачке и не смею этого потому, что это было бы верх счастья, которого я недостойн...». Толстой вернулся в Россию. Он старался изменить что-то. Но после его смерти на небольшой среднерусской станции в его кармане нашли билет на поезд – во Владикавказ.

Нам еще распутывать и распутывать клубок, в который закрутились все наши судьбы, исторические события, бесконечная череда убийств своими своими же, отчаяние и желание «забыть все». Но это – трусость. И это не по-людски. Культура адыгского народа – это несравненный ни с чем в мире кладезь древнего и очень правильного знания, каких-то истоков, которые пройдя через уготованное им выжили вопреки всему. Кавказу и его главному народу, которым были на протяжении веков черкесы, выпало на долю испытание, которое вряд ли бы смогли вынести те, у которых духовные, нравственные качества не стояли бы впереди потребностей тела. Человечность, достоинство, бесстрашие, взаимопомощь – все это позволило им пройти через все, и это именно те элементы, которые утеряны современным человечеством. И я снова повторяю слова из книги Мдины Хакуашевой: «Кто не боится – тот уже победил». За этой книгой потянется ручеек других текстов, публикаций, открытий, иначе просто не может быть. И делать эти открытия будут не только ученые и писатели, выходцы из своего народа, а люди разных, других национальностей, потому как велика жажда найти хоть какой-то свет в конце тоннеля, хоть какой-то рецепт продолжения человечества.

«Дорогу домой» прочитала моя мама, она плакала несколько дней. Мы будем стараться дать эту книгу как можно большему количеству людей, как в свое время распространяли «Колымские рассказы» Варлама Шаламова. Потому что нет ничего более ценного, чем правда, память, понимание и знание. Именно это и есть те четыре ноги, на которых мы все должны стоять, чтобы не уносил нас ветер то в одну сторону, то в другую.

Елена Асеева,
Декабрь 2011, Рим

CAUCASUS

MORPHEUS
КАВКАЗ СПЯЩИЙ

www.caucasusmorpheus.org